

Annotation

Новая книга Михаила Веллера в остросюжетной форме, опираясь на сенсационные документы, рассказывает о великих и удивительных деяниях легендарного батьки Махно – командующего Революционно-повстанческой армией Украины, борца за свободу простого народа, убежденного анархиста.

- [Михаил Веллер](#)
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [Часть первая](#)
      - [Глава первая](#)
      - [Интермедия](#)
      - [Глава вторая](#)
      - [Глава третья](#)
      - [Глава четвертая](#)
      - [Глава пятая](#)
      - [Глава шестая](#)
      - [Глава седьмая](#)
    - [Часть вторая](#)
    - [Часть третья ИСКРА](#)
      - [Румыния. Тюрьма. Побег.](#)
      - [Польша. Тюрьма. Побег.](#)
      - [Германия. Тюрьма. Побег.](#)
      - [Все дороги ведут в Париж](#)
    - [Часть четвертая](#)
      - [***](#)
      - [Нестор Махно](#)
      - [Нестор Махно](#)
    - [Список литературы](#)
-

Михаил Веллер
Махно

ПРЕДИСЛОВИЕ

Какие фантастические герои, какие тайны и приключения! История – это вроде газона, постриженного рьяным и неумелым садовником: замусорен и крив, хотя трава срезана под гребенку. Но если ты не веришь этой стрижке и умеешь копнуть – под каждой кочкой тут клад! а садовник-историк – лишь ленивый сторож.

И в стародавние советские времена брежневского застоя листал я, небрежный и любопытствующий студент, БСЭ – Большую советскую энциклопедию. Издание третье, темно-синее, пятьдесят четыре тома с дополнительными, выходило в первую половину пятидесятых, Там был еще Берия, а примечание к дополнительному тому уже велело страницы о Берии и портрет-вкладку между ними «удалить». О! Историк удаляет истину, как хороший стоматолог – зуб под наркозом: и не услышишь. А потом протезирует на месте дырки.

А недалече от Бержи жил на ту же букву Блюмкин. И он был эсер, и он убил германского посла в Р.С.Ф.С.Р.

графа Мирбаха. Так... А в 1927 году он был награжден к десятилетию Советской власти Золотым оружием ВЧК!!! О-па! Эсеры служили в ЧК, убийцу посла отнюдь не расстреляли – в те-то крутые времена, а он служил дальше и был награжден! Те-те-те. Стоп. Значит, это Советская власть убрала Мирбаха?..

Мирбах жил на другой полке, на букву М. А во время I Мировой он жил в Швейцарии – был там послом Германии!.. А большевики тоже сидели в Швейцарии... и темные слухи о договоренностях с немцами и немецких деньгах на революцию... так должны были общаться с Мирбахом, дело-то было серьезное... и вот именно Мирбаха немцы перебрасывают послом в Москву... старые связи? И убрать его – много знал! Блюмкину – приказ! Ух ты...

Нет для ума занятия восхитительней, чем реконструировать по крупянам и открывать правду, разъятую на нескладные фрагменты и спрятанную наемными историками власти и идеологии. Историк, как вообще любой козмапрутковский специалист, подобен флюсу: роет свою делянку, особо не задаваясь смыслом причин и корней всего леса в целом.

Если бы я не был писателем, я был бы врачом, а в свободное время – историком. Потому что занятий интереснее в мире не существует. Разве что физика. И биохимия. И философия, конечно, так ею я и так занимаюсь.

В те времена с историей особо не побалуешь. Все вставало на спецхран, пользование светокопировкой было подсудным делом, фотопересъемкой занимались только шпионы в кино. По крошкам и обломкам мы тщились проникнуть в суть времен.

И я прочитал в той же энциклопедии. Доставшейся в наследство от деда и проданной позднее в голодный час. Среди многого прочего... Ах, люба ж ты моя, восемнадцатый годочек!

Что в восемнадцатом, страшном огнем и кровью, пьянящим верой и надеждой году – полумифическому, легендарному батьке Махно было – двадцать девять лет!

И был награжден батько Орденом Красного знамени! И под командованием Фрунзе брал Перекоп! И умер в парижской эмиграции в сорок пять лет.

...Поздней, потом, еще. И был батько мал ростом и худ, и не силен физически. И тих голосом, и скромн видом. И живуч, как кошка, живуч, как гадюка, вынослив, как сыромятный ремень. Никогда не был растерян, не знал страха, не знал колебаний. И такое превосходство воли и духа было в его глазах, иногда синих, иногда темнеющих до черного, что подчиняться ему – хотели.

И был он человеком идеи. И превыше всего ставил справедливость. И девиз жизни был: «С угнетенными против угнетателей – всегда!»

Если вы посмотрите в небесную голубизну, и зоркость ваша подобна многократному приближению к любому предмету, то черная точка окажется ястребом. Распластавшись на невидимом воздушном потоке, он парит и скользит, чуть пошевеливая маховыми перьями на концах крыльев. И два солнца отражаются в немигающих глазах.

Крошечный белый штрих пытается пересечь пространство, искаженное в выпуклых глазах, как в увеличивающих линзах. Мощными взмахами разогнавшись и мчась с воздушной горы, ястреб подбирает угласто скошенные крылья, из обтекаемого тела вдруг топырятся когтистые лапы и бьют с лёту растерявшегося и отчаянно

перепуганного голубя. С высоты не слышен тихий писк, и только белое перо кружится и танцует в воздухе, медленно опускаясь.

Вот оно уже опустилось к уровню антенн Эйфелевой башни, вот почти исчезло на фоне белизны Сакрэ-Кёр, купол которой вздымается над Монмартром. Полупризрачная белая запятая, как кораблик, мчится над разноцветными крышами и зеленью бульваров, и уже совсем низко над кладбищем Пер-Лашез.

Перо опускается на дорожку, идущую вдоль сероватой цементной стены, и номерные таблички с именами и датами вмурованы в стену: урны с прахом за ними. Вот порядковый номер: 6686. И небольшой бронзовый барельеф, курносый густоволосый человек со впалыми щеками.

Латинские буквы, арабские цифры, французская земля:

НЕСТОР МАХНО
1889-1934

Порыв ветра, шелест листвы, прихотливые тени несутся по зеленой бронзе, словно лицо неуловимо меняет выражения.

Перышко взлетает и цепляется за ветку.

Часть первая
ЯСТРЕБ НАД ПОЖАРОМ

Глава первая

ДЕТСТВО

1.

Белое перышко, зацепившись, дрожит на ветке. А ветка эта за окошком, серым от свинцовой пыли. Шлепают типографские машины, плывут отпечатанные листы.

– Шабашим! Обед. – Работяги достают снесь.

Двор, акации, пыль, солнце, тень: типографщики обедают.

А в пустом помещении, у наборной кассы, девятилетний мальчонка – ученичок и прислуга за все «подай-принеси». Сопя, он неловкими маленькими пальцами подцепляет литеры из ячеек, составляя строку на верстатке. Замедляется... выходит к наборщикам:

– Это какая буква? – показывает литеру.

– Это – как вся наша жизнь, – мрачно бурчит один.

– Это какая? – не понимает мальчик, маленький, худенький, но с напряженным лицом уличного зверька-отчаюги.

– Это «г», – жует ломоть житного с салом другой наборщик. – Не понял?

– Не, – отвечает мальчик. – А «в» как будет? Дядя Микола?

Тот рисует букву ногой на песке.

И когда они заходят обратно после обеда – мальчик, мазнув по связанной строке краской, оттискивает ее на обрывке бумаги.

– Та-ак, – один заглядывает, проходя мимо. – Первую букву надо брать заглавную, – развязывает обмотку строки из суровой вощенной нити, меняет букву. – А здесь мы, брат, лучше поставим тире. А в конце нужна точка, но лучше – восклицательный знак.

– С угнетенными против угнетателей – всегда! – читает вдруг голос за их спинами. Это подошел хозяин типографии. Мальчик получает подзатыльник, смятая бумажка летит в мусорный ящик.

– А ты, большой дурак, чему пацаненка учишь?

– Да он уж выученный, – смеется Микола.

– Типографские рабочие есть передовой сознательный авангард рабочего класса, – нравоучительно сообщает седоусый наборщик у окна; пальцы его мелькают, литеры с негромким дробным прищелком приставляются в строки. – Пацан правильно жизнь понимает, Дмитрий Терентьич.

– Хватит итальянить, агитаторы! Без угнетателей-то и на кусок хлеба заработать не можете... только и просятся на работу, прими да заплати.

Привычный рабочий ритм и шум, когда в типографию влетает мальчишка чуть постарше нашего:

– Нестор! Там батьку!..

– Чего?

– Секут!

– Где?

– Да в усадьбе же! Шабельского!

Нестор обезьяньим движением хватает с края верстака шило, которым наборщики выковыривают неверную литеру из верстки, и выскакивает.

2.

Их было пятеро братьев Михненко, мал-мала меньше: Емельян, Карп, Григорий, Савва и Нестор. Махно – была с детства уличная кличка их отца, Ивана Родионовича. Из крепостных был Иван, в новые времена у своего помещика конюхом и остался.

3.

– К-куда? – здоровенная рука дворового холопа отшвыривает Нестора за шкуру.

На козлах для пилки дров привязан отец. Он без рубахи. И коренастый бородач с оттяжкой хлещет по спине, и рубцы вспухают и сочатся красным.

Нестор поднимается из пыли, утираясь, выхватывает шило и всаживает холопу в бок. Собравшийся народ ахает. Бородач с кнутом

на миг отвлекается от своего занятия. Холоп выдергивает шило, с ревом сгребает Нестора и начинает лупить по чем попало. Тогда на него бросаются остальные четверо братьев, как мартышки на медведя. Нестор, извернувшись, вцепляется мелкими острыми зубами в ненавистную руку. Вопль.

Два оскаленных сторожевых пса несутся на братьев, поспешно перескакивающих из ограды усадьбы вон.

Со свистом ложится бич на иссеченную спину. Вздрагивает и теряет сознание отец.

– Убью звереныша, – бормочет холоп, заматывая тряпкой прокушенную руку и трогая след от шила в плотном боку.

4.

В хате перед отцом – четверть горилки и нехитрая снедь: огурцы, помидоры, картошка. Он выпивает еще полстакана и не закусывает. Обнажен по пояс, на спине – тонкий рушник, пропитанный подсолнечным маслом, и вязка через грудь удерживает его.

– А вороной у него давно был на передние бабки разбит, – в который раз повторяет он. – А я трезв был, и неостывшего его не поил, шо я, дурный?..

– Хватит пить-то, батя, – говорит один из братьев.

– Цыц! Мне лечиться надо...

– Да уж все деньги... пролечил... – вздыхает мать, рано старящаяся и начавшая гнуться долу.

Отец засаживает еще полстакана и грохает кулаком по столу:

– А кони мою руку чувят! – Охает, белеет и берется за сердце.

5.

Из хаты выходит седенький доктор (черный сюртучок, шляпа, саквояж).

– Полный покой, – повторяет он через плечо. – И никакого спиртного!

Приподнятый в постели на подушках, отец шепчет ему вслед:

– Много ты понимаешь... Я если не выпью – перережу их всех... и что: повесят – это лучше?

6.

Зной, простор, холм, дорога. Жидкая колонна кандальников тащится по дороге, звякает цепь, цыкает плевков, мокра от пота серо-белая рубаха конвойного солдата – редок и равнодушен конвой.

– Куда их гонют, интересно... – произносит Нестор.

– Знамо куда – на каторгу, – отвечает один брат.

– А может и вешать, – замороженно смотрит другой.

– А интересно, за что их всех...

– Интересуетесь государственными преступниками, молодые люди? – произносит интеллигентный голос за их спинами.

Господин не господин... приличного вида, нестарый еще человек, явно из образованных, подошедший незаметно.

– Могу удовлетворить ваше любопытство. Куда? В харьковский централ. Там рассортируют: кого в тюрьму, кого в Сибирь, кого на виселицу. Еще вопросы? А: за что. За то, что им не нравится, как устроена жизнь.

– А как она устроена? – недоверчиво любопытствуют братья мнение незнакомца, зачем-то набивающегося в компанию.

– Одни люди не работают, зато богатые. Другие работают, но все равно бедные. При этом богатые приказывают, а бедные слушаются.

– А нечего слушаться, – зло говорит Нестор.

Незнакомец достает из портмоне ассигнацию:

– Кто тут младший? Сбегай, принеси-ка мне пару пива, а вам всем – фруктовой воды.

7.

В тени у ограды незнакомец стелет носовой платок и аккуратно усаживается. Пацаны опускаются на траву, срывая пробки с лимонада. Незнакомец открывает свое пиво одним из ключей щегольского перочинного ножа.

- Вольдемар Антони, – протягивает всем по очереди руку.
- Грек, что ли?
- Это не важно для человека – грек, немец, украинец или еврей.

Разницы нет. Вот вы – кто такие?

– Мы? Братья Махно. А в чем разница?

– Разница? Кто работает, а кто нет. Кто заставляет другого на себя горбатиться, а кто нет. Кто хочет жить свободно, а кто заставляет людей подчиняться – хоть закону, хоть власти. А национальность ничего не значит.

– Революционер, – говорят Карп.

– Социалист, – говорит Емельян.

– Да нет, хлопцы. С социалистами свободным людям не по пути. Они все шеи в один хомут всунуть хотят. Свободному человеку только с анархистами по пути.

– Это куда?

– Это туда, где все свободно трудятся, и все вопросы между собой решают сами по справедливости. А власти над ними нет никакой.

Задумываются и следят за колечками дыма, которые пускает Антони из-под усиков, изящно куря папироску.

– А если кто поспорит?

– Общество соберется и рассудит.

– А если украл?

– Или убил?

– Общество соберется и накажет.

– Как? В тюрьму посадит?

– Э, нет. Лишение свободы анархия отрицает. Измываться над человеком и лишать его воли нельзя. Или простить на первый раз – или убить, раз не исправляется. Дурную траву с поля вон. Ты что делаешь, малец?

Нестор положил опустевшую бутылочку из-под ситро на плоский камень, разбил ее другим камнем и стал толочь стекло.

Стекло хрустит. Нестор сопит. Камень дробит искристую крошку.

– Дядь, дайте немного требухи...

– Да ты как сюда забрался? – скотобоец в окровавленном фартуке, с ножом в руке, оборачивается к Нестору. – Тебе что, есть дома нечего? Так хоть бы в хлебную лавку шел, а что сюда...

Отхватывает кусок кишок и протягивает мальчику. Маленькая рука, преодолевая брезгливость, сжимает кусок окровавленной плоти.

9.

В хате мать пересчитывает на столе медную мелочь и выходит на рынок. Отец спит на животе, рубцы подсохли корками, остатки горилки в шкалике рядом с кроватью.

Нестор закрепляет за край стола мясорубку, разворачивает бурый сверток и прокручивает мясо в фарш.

Поспешно моет за собой мясорубку. Фарш на куске ржавой жести уносит.

В бурьяне за хатой лепит котлетки. Вытаскивает из-под камня спрятанный пакетик и сыпет в котлетки толченое стекло.

В хате (мать уже вернулась) он, улучив момент, берет с запечка один из двух коробков спичек.

10.

Ночью у ограды помещицъей усадьбы Нестор тихо свищет. Два огромных сторожевых пса выскакивают из темноты, рыча в щели меж досок. «Хорошие песики...» – котлетки по одной летят к псам, хватаящим их на лету.

Нестор то спит в траве, прикрывшись курточкой, то пробуждается и лежит, глядя в небо: звезды отражаются в глазах, рот сжат.

Тихо скуля, испускают дух в усадьбе псы.

Мальчик лезет через ограду.

Крадучись, из тени в тень, бесшумно скользит по неясному пространству. Достигает хозяйственных построек. Спотыкается!

Отчаянный куриный вопль! заполошное кудахтанье,
Замирает!

Вдали под навесом сонный сторож с берданкой на коленях разлепляет глаза, прислушивается и – звуки затихают – опять впадает в забытие.

Достигнув стены конюшни, Нестор медленно обследует постройку вокруг, трогает замок на воротах. Конский всхрап изнутри.

Очень осторожно мальчик опускает на бок пустой бочонок, подкатывает к стене и влезает в узкое горизонтальное оконце под крышей.

Пережидая стук сердца, пытается разглядеть окружающее внутри конюшни. Чиркает спичку.

Кони в денниках. Кипа сена в конце прохода у стены.

На ощупь доходит до сена и поливает его керосином из припасенной заранее бутылочки. «Не помешает. Лучше пойдет!»

Чиркает спичкой – и спокойно смотрит, как пламя охватывает сено, доски, дверцы ближних денников. Подпрыгивает, хватается за край окошка и ловко проскальзывает наружу.

11.

Суетится народ, расплескивая воду из ведер и плеща в огонь: не подойти к пылающей постройке. Со звоном и топотом мчат четверкой пожарные звери-кони красную бочку с насосом. Далеко играет зарево в улетающем вверх сине-черном небе.

Не оглядываясь, спокойно и деловито шагает в темноте мальчик.

12.

- Ты чего в запечке шарисься?
- Ничего, мамо.
- А где был?
- Объявления срочные относил.
- Ночью?
- Ну говорю же – срочные. Поздно печатали.
- А ж это не от тебя керосином так пахнет?
- Нет. Чего это от меня.

- А почему лампа пустая оказалась?
- Кака лампа? Я почем знаю.
- Ой, донюшко, чует мое сердце... тревожно мне... Есть хочешь?

13.

Мать порет Нестора:

– Говори, где ночью был! Говори, где ночью был!

– Ну хватит бить, – спокойно просит он.

– Ты знаешь, кто Шабельского конюшню сжег? Знаешь?!

– А если знаю, то что? – рассудительно говорит мальчик. – Пускай лучше не знаю.

Отец выливает остатки из штофа в стакан, выпивает, крикает, пророчит одобрительно:

– Ох, найдешь ты себе бед на свою голову!

Мать, подхватившись, бьет сына снова, и вдруг, обняв его и баюкая, заливается слезами и тихо, безнадежно воет.

– Ничего, мамо, – тихо и серьезно утешает Нестор. – Я от вас все стерплю. – Сжимает рот и белеет; обещает кому-то: – А больше ни от кого не стерплю. – И добавляет не совсем понятно:

– И никто не должен!

14.

Овцы щиплют траву, луг, пастух, заросли кустов.

Пятеро братьев сидят в кустах.

Вдруг один куст начинает медленно передвигаться, близясь к крайней овце! Пастух дремлет, пригревшись на солнце.

Пара маленьких рук, высунувшись из куста, зажимает овце морду, чтоб не заблеяла. Другая пара рук ловко опрокидывает ее набок.

В балке жарят мясо на костре. Срезают, пробуют, обжигаясь.

– Надо лопату принести, – говорит Нестор.

– Зачем лопату?..

– Што, уси дурные? Шкуру да кости прикопать. Да поглубже.

– А поглубже-то зачем?

– Точно, дурные. Шоб собаки не разрыли! Савка, сбегай по-быстрому.

– Домой бы снести, старикам, – говорит Карп.

– А спросят – откуда? – вздыхает Гришка.

– Отец убьет, – сомневается Емелька.

И тут на краю балки возникает вихрастая голова:

– Эй, Махно! Там отец ваш...

И сразу делается нехорошо и тревожно.

15.

Кладбище, и крышка некрашеного гроба накрывает лицо и скрещенные руки отца. Стук забиваемых гвоздей; на истертых вожжах опускается гроб в яму. Падают комья земли, и песня возникает тихо, словно из пространства над людьми:

...Прощайте же, братья, вы честно прошли
свой доблестный путь благородный...

И стоят у могилы пятеро братьев Махно, по ранжиру мал-мала младше, и с меньшего края Нестор. Рыдает на свежем холмике полуседая мать – и вдруг странная гримаса, как страшная улыбка, искажает лицо мальчика и застывает.

И бешеное пламя пляшет и бьется в его глазах.

16.

Это бьется белый огонь за дверцей вагранки. Расплавленный металл, как огненная патока, тягучей дугой струится в формы и застывает, теряя цвет от оранжевого к багровому.

Остывшие чугунные заготовки подручный клещами подхватывает из хрупкой глины и кидает рядком на тележку.

Эту тележку Нестор везет в дальний край цеха. Там надевает асбестовые рукавицы и дополняет аккуратный штабель.

Утирает пот рукавом прожженной брезентовой куртки. Жадно глотает воду из жестяной кружки, прикованной цепочкой к баку.

Подзатыльник:

– Опять отлыниваешь? – рявкает мастер. – Только бы прохладиться!

... Теперь Нестор говорит подручному формовщика:

– Больше клади, а то мастер ругается.

– Куда тебе больше?

– Давай. Вон те давай.

– Да они еще горячие!

– Ничего. Свезу.

И, чуть отъехав, осторожно передвигает пару еще светящихся заготовок к самому краю тележки. Взмахом сбрасывает асбестовые рукавицы на темный цементный пол и дует на ладони.

Медленно толкает тележку, зыряка исподлобья. Рулит к мастеру и, объезжая его со спины, вдруг резко дергает свой груз назад и вбок.

Горячие болванки валятся мастеру на ноги. Тот отпрыгивает и вопит:

– Охренел?!

Нестор смотрит ощерившись. Поединок взглядов. Работяга рядом, поняв, крутит головой: «Ну и ну».

17.

Кабак, и металлисты с получки пьют в кабаке. И Нестор с братьями за столом:

– Две пары чаю, пироги с вишнями и медовых пряников! – командуют половому.

– И графинчик вишневой наливочки, – раздается интеллигентный голос из-за их спин. Это подошел знакомец – Вольдемар Антони. Он подсаживается к братьям и разводит по рюмкам темно-рубиновую влагу.

После очередного графинчика братья теплеют и плывут в мечтательных и бессмысленных улыбках. Антони втолковывает тихо старшему, Емельяну, клонясь к его уху:

– Он спаивает народ и сосет из людей трудовые гроши. А мы на эти его деньги народ освободим! – стучает кулаком.

– Освободим! – икнув, подтверждает Гришка, слушающий сквозь истому и полусон. Средние братья ревнуют к старшему, которому оказывается внимание; Нестор равнодушно пьет чай.

18.

– Лышенько ты мое, ведь отовсюду тебя гонят!.. – причитает мать. – С училища выгнали, над попом ты смеялся. С типографии выгнали, срамные слова ты хозяину напечатал. С заводу выгнали, говорят, мастера покалечить хотел. Куда ж ты пойдешь, куда ж теперь тебя пристроить-то?

– А зачем меня пристраивать? – супится Нестор.

– Да как же зачем-то? В ученье, в люди чтоб вышел...

– Я, может, не во всякие люди выходить хочу...

19.

– Нет, – неловко, но решительно говорит Емельян щеголеватому, при соломенном канотье и пестрой бабочке, Вольдемару Антони. – Не будем мы кабатчика экстра... экспрори...

– Экспроприировать, – светски подсказывает Антони.

– Грабить, короче, не будем! – отрезает Емельян.

– Совесть мучит, что ли? Так это вы награбленное им же – для пользы людей вернете.

– Вот ты и возвращай.

– Я же говорил: вы мне нужны, потому что сам я под надзором. С меня фараоны глаз не сводят.

– Во-во. А нам фараоновы глаза даром не нужны. Ищи дураков!

20.

Бакалейная лавка.

– Хлопчик, ну-ка подмети, вон там, в углу, рассыпано!
– Лестницу подай-ка!
– Сверху вон ту банку достань! Бах, тресь, дзиннь!..
– От байстрюк! От безрукий! Шоб ты сказився! Арбузно – бух! – головой об стенку.

Нестор хватает нож для обрезки шпагата и молниеносно приказчик полоснут по руке – сатиновая рубашка в крапинку окрашивается по разрезу красным. Приказчик ахает и отпрыгивает.

...Нестор вылетает в дверь и катится по пыли. Поднявшись, хватает камень и запускает в витрину. Звон и грохот! Свисток городского сверлит знойный воздух вслед убегающему мальчику.

21.

– Значицца, так, – говорит Нестор. – Деньги мы заберем. Но половину тебе – на революцию, а половину нам – на еду.

– А вот если берешь для себя – это не революционная экспроприация, а бандитский грабеж, – отвечает Антони.

– Как хочешь, – мальчик пожимает плечами. – Ищи других.

– Слушай. Вы же сами – народ. Неужели для народа не можете совершить нужную вещь? Мы оружие купим, освобождение всех трудящихся готовим!..

– Если мы – народ, давай так. Я отдаю тебе все.

А потом ты мне – сам! – даешь половину. Потому как мы нуждающиеся.

– Далек пойдешь! – посмеивается Антони. – Брат твой старший не согласен. И остальные тоже.

– Моя забота. Согласятся. Левольвер дашь?

– Одолжу. Как обещал.

И протягивает замороженному Нестору маленький никелированный «лефоше».

22.

На дверях книжной лавки – реклама нового выпуска «Ната Пинкертона»: красавец-сыщик преследует преступника в черной маске. Проходящий Нестор смотрит внимательно.

23.

Уже ночью кабатчик пересчитывает выручку, сгребает в мешочек мелочь, складывает ассигнации. Стук в заднюю дверь.

– Кто там?

– У жены падучая случилась, пена идет! Доктора звать надо!

Кабатчик открывает дверь – и фигура в маске приставляет револьвер ему к животу:

– Деньги! Живо! Все!

Другая фигура накидывает петлю ему на шею и быстро приматывает к опорному столбу под балкой, как кокон. Фигуры обшаривают стойку, буфет, конторку, ящики. Открывают печную вьюшку и отвязывают от нее сверток: деньги!

– У-у, г-гады! – бьется кабатчик.

– Рот! – командует маленькая фигурка, и ограбленному запихивают в рот край полотенца, которым вытирают стойку.

– Скажешь полиции – уьем! – Грабители исчезают в темноте.

24.

Днем с Антони в балке делят деньги.

– Осторожней надо, – говорит один.

– В Гуляй-Поле больше ничего не надо, – говорит другой. –

Подальше от дома.

– А Шабельского я все одно сожгу, – говорит Нестор.

– Револьвер, – протягивает руку Антони.

– Какой револьвер?

– Ну, без шуток!

– Потом отдам, – говорит Нестор. – Далеко спрятан. Еще пригодится. Ты себе другой купишь, ты знаешь где.

– А ведь мы теперь преступники, – с некоторым удивлением говорит Савка.

– Вы теперь – борцы за народ, – дозирует смесь чувства и напыщенности Антони.

Интермедия

РОССИЯ ДОВОРОВАЛАСЬ: ДЕРИТЕСЬ, ГАДЫ!

1.

Малая репетиция, малая демонстрация, малое пророчество всех революционных ужасов в России – произошло непосредственно в день коронации Государя нашего Императора и Самодержца Николая II Александровича. И говорили же ему: «Саша, меньше помпы, папа совсем недавно умер», – но наш главный был очень тих и вежлив сверху и с невыразимой тупой упертостью упрям внутри.

На Ходынском поле приготовили угощение, чтоб порадовать народ: горсть дешевых пряников и конфет, увязанных в ситцевый платочек. Это был тот самый бесплатный сыр, который оказался положенным в мышеловку! Ходынский пустырь превратился в мышеловку для десятков тысяч бедных халявщиков. Произошла давка, и двое суток трупы задавленных вывозили обозами: счет пошел на тысячи. Эхо от треска костей народных встало над страной и Европой.

Ну так надёжа-Царь отметил происшествие светскими торжествами двора по случаю вступления в должность, а также радостей предстоящего венчания. И говорили же ему: «Ваше Величество, неудобняк получается, траур по погибшим объявить надо бы, танцы с выпивкой как-то сейчас не того, скорбь государя по подданным как-то слабо выражают...» Реакция государя напоминала уставной приказ боцмана на военном корабле: «Команде песни петь и веселиться!»

Прессе было приказано информацию придерживать. Не веря газетам, народ пробавлялся слухами. Мнение было определено: ох да не к добру это все!

А люди серьезные, то есть умные и деловые, сделали выводы. Первое: умом и предвидением парень наверху не блещет. Второе: можно рвать свой кусок – сейчас бардак, а завтра вообще неизвестно что будет.

Итак:

1894 год. Треск костей и стоны задавленных над сплывшейся толпой бедноты русского простонародья. Сносимые массой праздничные декорации трибун-однодневок. Цензурный запрет на правдивые картины трагедий. Веселье, блеск и изобилие во дворцах власти. И воры, широко раскрывающие карманы.

2.

Итак:

Объявили капитализм нужным и полезным к развитию державы. Он и до того уже разворачивался, но тут – догонять резвый и комфортный Запад решили!

А для присмотра за свободными предпринимателями-с необходимостью разрастался чиновный аппарат: а как же! слуги и хранители казны и государства!

Чиновник втыкал предпринимателю палки во все места, и ответно предприниматель всовывал чиновнику взятки во все дыры. Согласно закону эволюции, процесс нарастал, и в нарастании этого процесса чиновникам, то бишь государству, виделся несомненный прогресс. Прогресс – это когда мое положение улучшается с каждым днем. А поскольку государство – это я, то мы же лучше видим, что государству нужно.

О-па! И засветился нимб пророка над седыми кудрями сластолюбца и мстительного бездельника Маркса, экономиста-ниспровергателя и апокалипсиста-утописта, укрывшегося в Лондоне немецкого еврея и иждивенца эксплуататорских талантов фабриканта Энгельса. Потому что верхи действительно бесстыже богатели, а низы действительно шли из хоть что-то имущих крестьян в вовсе ничего не имущий пролетариат, и тот пролетариат выжимался бизнесменами и нищал.

Бродивший по Европе призрак коммунизма шагнул в Россию.

3.

Блеск золота мешает видеть не только призраки, но и реальную твою смерть. А после нас – хоть потоп, хоть глобальное потепление!

Россия конвертировала золотой рубль, и национальная валюта стала тверже, чем таран торжествующего жениха в экстазе! Жених пошел налево, и национальная валюта стала ложиться в европейские банки и оплодотворять европейскую экономику. Э? У.. Да, вывоз капитала за рубеж. А потому что у себя дома – еще неизвестно что будет, и чиновники всех разновидностей обдерут до костей.

Легко представить, кто лоббировал конвертацию национального рубля в таких условиях. Да те, кто его вывозил.

И возникала точка зрения в верхней части общества: а, все равно ничего не исправишь, так остается только урвать свое, пока не поздно. А народ все равно пьет, ворует и работать хорошо не хочет.

И – зеркально – точка зрения в нижней части: все богатые – суки, воровство и взяточничество – повальные, все разговоры о благе народа и государства – ложь для отвода глаз и успокоения: ну так нам тоже все можно! мы тоже всего хотим! и делаем все, что по силам.

Страна шла вразнос.

О Господи. Все новое – хорошо забытое старое; а хоть и не забытое.

4.

Строго говоря, русско-японская война началась из-за того, что в оккупированной и разделенной на зоны влияния Кореи генерал Алексеев не поделил деньги с японскими чиновниками. Жадный и экономически озабоченный генерал влез с парой-тройкой бизнесов в японскую сферу. Японцы выразили протест, и вследствие малого роста и плоских желтых лиц были посланы орденосным генералом туда, где промеж японскими самураями даже в старые времена случался гомосексуализм. Подумаешь, русская лесопилка пилит корейский лес там, где японцы сами хотели. Мы им обещали? Перетопчутся.

Токио выразил протест Санкт-Петербургу, и верхушка оборонного ведомства проконсультировала по этому вопросу Государя в том духе, что мы повыдергаем ноги всей Японии силами одного пластунского полка.

А-а-а!!! Запахло оборонными заказами и войсковыми поставками! Экономическая партия войны услужливо раскрыла кошельки для министров и генералитета, одновременно готовя мешки под денежный дождь.

А эксперты по внутренней политике доложили, что маленькая победоносная война благотворна для консолидации населения против внешнего врага, внутрисоциального примирения и вообще радости и оптимизма под патронажем Короны.

Тем более что и железная дорога на Тихий океан уже построена.

5.

Боже, как воровали!

Царев батюшка, даром что алкоголик, был плодовит. Его приплод выжирал страну, как кролики – морковную грядку. Один из Великих Князей патронировал Военно-морской флот. Как-то он спер деньги на пару броненосцев.

О, министр путей сообщения! «Ваше превосходительство, я вручу Вам за это решение пять тысяч, и об этом никогда не узнает ни одна живая душа! – Давайте десять, и пишите об этом хоть во всех газетах!»

Деньги на армию, строительство, дороги, образование, семенное зерно для крестьян пострадавших губерний, казенные заводы – уходили в роскошные особняки, дачи, экипажи, пиры.

Покупались и продавались: чины, должности, решения, законы.

6.

Низы ненавидели власть как чужую себе и не верили ничему.

Народившийся средний класс властью брезговал.

Верхушка относилась к декларациям собственной власти с циничной иронией, а к политике собственной власти – со вздохом понимаемой неизбежности.

Эта триединая хрень называется «революционная ситуация».

7.

Наверх вы, товарищи, все по местам! Нет сил не упомянуть геройский подвиг «Варяга». Мойте руки чище – мы прикасаемся к легенде.

Крейсер «Варяг», филадельфийской постройки корабль, купленный у США, стоял в гавани Чемульпо вместе с канонерской лодкой «Кореец». Заметьте: в преддверии войны, с учетом работы штабов и разведок – никаких конкретных планов и предупреждений моряки не имели.

К внешнему рейду приблизилась японская эскадра и сообщила семафором и беспроволочным телеграфом, что поскольку началась война, японцы требуют русские корабли сдать им. Команда может убираться куда угодно, в противном случае русские корабли будут обстреляны и утоплены. Но поскольку Чемульпо – нейтральный порт, и в нем много кораблей других стран, и японцы не хотят их повредить, то стрельбы они не хотят. И вот вам даже несколько часов на размышление. Мы понимаем, что моряки – люди чести, вы можете пока снести со своим командованием.

Каперанг Руднев, командир крейсера, забил телеграммы в петербургское Адмиралтейство. Доложите обстановку. Доложил обстановку. Что думаете предпринять? Согласно полученному приказу. А сами? А сам жду приказа! Вашего! Возможен ли прорыв в Порт-Артур к нашим основным силам? Да вы что: эскадра блокирует выход! Приказать сдаться мы вам не можем. А что делать???! Попробуйте прорваться, действуйте по обстановке, честь русского флага держите на высоте. Не сомневаемся в вашем мужестве и командирской зрелости. (А чтоб вы все сдохли!!)

На «Варяг» направляется начальство порта и капитаны стоящих в нем судов – немцы, французы, англичане: господин капитан первого ранга, японцы угрожают бомбардировать порт в случае укрытия в нем кораблей враждебного государства, то есть ваших. Решайтесь, пожалуйста, на что-нибудь.

Руднев мучится и тянет время. Адмиралтейство мычит и молчит.

Господин капитан первого ранга, неблагородно прикрываться мирными нейтральными судами от врага! Это будет позор на весь мир!

Руднев плюет, играет снятие с якорей и боевую тревогу, выходит из порта и поднимает боевой вымпел. Удивленные японцы оттягиваются назад, чтоб перелетом не задеть порт. На семафор

сдаться «Варяг» дает полный ход на норд-норд-ост в сторону Порт-Артура. Эскадра дает залп, «Варяг» и «Кореец» отвечают. Пристрелка, накрытие, японские разрывы на «Варяге». Полным ходом русские разворачиваются и возвращаются в гавань. Японцы прекращают огонь и следом не гонятся.

Из семисот человек команды на «Варяге» – тридцать семь убитых в результате японских попаданий. Итог: вступили в бой с превосходящими силами противника, есть повреждения и потери, попытка прорыва не удалась, вынуждены вернуться в порт, честь сохранена.

Адмиралтейство всё предписывает действовать по обстановке.

Портовые власти и капитаны гражданских судов негодуют. Не хотят подвергаться опасности, к которой непричастны.

Японцы предупреждают, что вынуждены будут принять меры. И требуют от порта, коли он нейтрален, не укрывать военные корабли воюющей стороны.

Русское правительство велит избегать международного конфликта и блюсти престиж России.

Руднев принимает решение и ответственность на себя, что и требовалось начальству, и отдает приказ. Экипажи с личными вещами, судовыми документами и кассой сходят на берег. Подрывные команды устанавливают на днища подрывные заряды и открывают кингстоны, после чего гребут к берегу.

На ровном киле корабли садятся на грунт – на неглубоководье внутреннего рейда. (Вскоре японцы откачают воду и поднимут их, введя в строй своего императорского флота. Под именем крейсера «Сойя» бывший «Варяг» будет ходить под флагом восходящего солнца вплоть до 1916 года. Потом Япония передаст его уже союзной России, и «Варяг» погонят в ремонт и переоборудование в Англию, и по дороге он утонет уже окончательно.)

Итак, Руднев показал себя грамотно мыслящим командиром: заведомо бессмысленная и неудачная попытка прорыва была лишь обозначена, бой обозначен, потери обозначены! Отступление в надежде спасти корабли и людей оправдано! Затопление перед угрозой захвата кораблей врагом или урона престижа России вследствие обстрела японцами нейтрального порта – такое затопление выглядело

мужественным решением. И Адмиралтейство ни в чем не виновато. И миру продемонстрировали храбрость и благородство.

Затонуть в бою на морской глубине – это, конечно, совсем благородно: не дать врагу захватить свои корабли и погибнуть с честью, не спустив флаг. Но это слишком уж.

А затопиться в гавани сразу – как-то не храбро, не боевито.

А тридцать семь убитых из семисот экипажа: и потери ерундовые, и к чести России их гибель.

Руднев правильно понимал политику правительства и двора.

Японцы чуть-чуть попрактиковали комендоров в стрельбе и получили два малоповрежденных и легко поставленных в строй боевых корабля.

А русские!..

Торчание в международном порту до последней возможности – не упоминали. Короткую морскую стычку объявили ожесточенным сражением. Самозатопление подали как акт самоотверженного мужества несдавшихся. Бегство обратно в порт и ту подробность, что затопились в порту, организовано сойдя на берег с вещами, замолчали вообще. Число жертв не уточняли. Но подчеркивали превосходящие силы японцев.

Пропаганда обернула мелкую, удачную и бескровную победу японцев – при беспомощности и реальном бездействии (за невозможностью предпринять что-то значимое) русских кораблей – моральной победой и славным делом. Газеты запели!

Команды привезли по железной дороге в Петербург. За это время один восторженный германец написал песню о «Варяге», ее мгновенно перевели на русский – дословно!

(Ауф дек, камараден, ауф дек!)

Песней встретили моряков, и запела вся страна! Царский прием в Зимнем дворце, поголовно георгиевские кресты. торжественный обед! Фотохроника!

Пропаганда работала иногда отлично. Сто лет почти все уверены, что корабли погибли в бою, предпочтя это спасению.

Японцы сноровисто вломили русским под Ляояном и Мукденом. Русские броненосцы были частично утоплены, частично захвачены, мало кто ушел во Владивосток, Порт-Артур пал. Генерала Куропаткина поносили, генерала Стесселя судили. В стране шли слухи о воровстве интендантов, бездарности командиров и безжалостности к жизням солдат. Инвалиды крутили шарманки, и щемящий вальс «На сопках Маньчжурии» высекал слезы из глаз.

9.

А потом японцы быстро и без потерь со своей стороны утопили в Цусимском проливе почти весь русский флот. Это потрясло!.. Потрясенные искали оправданий и объяснений. То говорили о несравненном героизме русских моряков – хотя и к вечеру сражения, и еще на следующий день целый ряд оставшихся на плаву броненосцев выкидывал белые флаги – прося японцев снять раненых и оказать помощь. То придумывали сказки о небывалой японской взрывчатке – «шимоза» – хотя это еще одно название пикриновой кислоты, она же лиддит, которой тогда начиняли снаряды морских орудий все флоты мира. То объявляли уже то, что флот вообще дошел от Кронштадта до Цусимы, морским подвигом. А поражение – потому что порох в тропиках отсырел (веками болтались в тропиках английские и испанские армады, паля из пушек – и попадая в цель!).

Короче, японская война подорвала веру народа в мощь России. Национальное унижение. Рассказы о всеобщей неумелости и раздолбайстве. Бессмысленность жертв. Неспособность власти организовать военные действия. Нищета и несправедливость нижних чинов.

10.

А вот и питерские рабочие пошли к царскому дворцу: просить зарплаты не ниже прожиточного минимума (напоминает?!). Дурак-царь съехал из столицы в загородную резиденцию, дурак-градоначальник организовал стрельбу по толпе с женщинами и детьми.

А вот и brave казаки, опора трона, еще никем не обижаемые, полосуя шашками «бунтовщиков».

А вот хлопают револьверы эсеровских боевиков из подворотен, из толпы!

11.

А это Москва, а это в ней – Красная Пресня, и баррикады на Пресне. Револьверов мало, и винтовочек мало, и динамита мало, так ведь и власть нерешительна. Перевернутые трамваи, и трехдюймовки на улицах, и снежок на лицах убитых, и двадцатилетний Троцкий – первый партийный организатор первой русской революции.

12.

Взбунтовались матросы на полуразобранном в ремонте вспомогательном крейсере «Очаков», покидали в воду офицеров, позвали с берега уволенного с флота за исчезновение судовой кассы тридцатидевятилетнего лейтенанта Шмидта. Тоже обиженный!

Взбунтовались матросы на броненосце «Потемкин», покидали в воду офицеров, обстреляли одесский порт двенадцатидюймовым главным калибром (зачем?!).

Сытно кормят матроса – шестьсот пятьдесят граммов в день одного только мяса, да каши с приварками, да два фунта хлеба, да водки чарка к обеду, а чарка та – шесть унций, 170 грамм, стакан водки! Играет силушка в матросе, а веры ни во что уже нет, и социалистическая гниль расплзается в трюмах.

13.

По Бессарабии гуляет с шайкой лысый здоровенный бандюган Гришка Котовский: грабит и жжет богатых.

14.

Встают ночами зарева над Малороссией, над Новороссией. Режут помещиков, пристреливают полицейских, взрывают судей и губернаторов.

15.

И выходит царский манифест о воле, и собирается первый в истории страны парламент, и сутками напролет мелют воду в ступе краснобаи Первой Думы.

16.

И вешают террористов военно-полевые тройки. И называют петлю «стольпинским галстуком». И публика в судах рукоплещет оправданным террористам. И права свободной личности милее всем «мыслящим людям» прав ненавистного и продажного государства.

И никто больше не хочет жить как сейчас. И все предчувствуют, что непрочно все, что грядут неслыханные перемены.

Глава вторая

БАНДИТ БУДУЩЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

1.

Торговец вечером закрывает свою лавочку: продевает крюк в шкворень ставня, торчащий в отверстии оконного косяка, вынимает выручку из кассы, задувает керосиновую лампу. Когда он поднимает взгляд – перед ним в темноте блестят лишь зубы, ослабившиеся в жуткой улыбке, и белки глаз.

Бедняга вскрикивает и бросается к двери! И там выход ему загораживает такой же невидимый злодей: оскал и буквально светящиеся глаза!

Бросается в сторону – и третий оскал говорит ему в лицо:

– Ты чего скачешь? Успокойся. Тихо стой, я сказал!

Стальной острый проблеск зеркально играет на уровне живота, и обмерший торговец судорожно втягивает воздух. Быстрые, ловкие, неласковые руки обшаривают его карманы, вынимают портмоне из одного кармана, аккуратный пакетик мелких жеваных купюр из другого, часы – из жилетного. Выдергивают из брюк ремень, сажают послушную жертву на стул:

– Ты шо, штанцы намочил? От робкий какой. Чи жалко так?

– Не жалко! – горячо убеждает торговец.

– От это правильно. Чаго их жалеть, гроши? Завтра тебе новых нанесут, верно?

Связывают ему руки позади спинки стула поплотнее, чтоб не сразу освободился. Рот затыкают носовым платком.

Глаза уже привыкли к темноте, и торговец различает три некрупных силуэта, причем лица такие же темные, как одежда, невидные в темноте, хотя кисти рук слабо белеют.

– Доброго здоровьичка. Тихо сиди! Не то в другий раз спалим!..

И исчезают.

2.

Лунный вечер, и трое моются у колодца.

– А не отмывается тая сажа, – жалуется один голос. – Гришка, сбегай мыло принеси.

Другой брат пересчитывает деньги, сбиваясь и морщась:

– Сто пятьдесят один целковый... – Вертит у носа часы: – Золотые, кажись...

3.

На конспиративной квартире заседает «комитет» – профессиональные подпольщики, социалисты и анархисты: и десятка человек не насчитает кучка за столом.

– Мы вкладываем эти сто пятьдесят рублей в общую кассу, – Антони кладет деньги на стол, – на том лишь условии, что как только набирается пять тысяч – они идут на доставку оружия и взрывчатки из Румынии.

– Кажется, уже договорились, что первая тысяча идет товарищам в Екатеринослав на издание газеты, – нервно перебивает социал-демократ в клочковатой бородке и треснувшем пенсне.

– Товарищи, товарищи! Ведь решили, что в первую голову материально поддерживаем программу партии социалистов-революционеров – агитация среди крестьянства, партийная литература, средства для товарищей, непосредственно готовящих подъем масс и свержение помещичьего порядка! – эсер лезет в карман, сначала достает наган и стучает его на стол, и только потом выуживает папиросную пачку и закуривает.

Социал-демократ чахоточно перхает и демонстративно разгоняет дым рукой.

Антони кладет поверх денег золотые часы:

– У кого там в Александровске был знакомый владелец часового магазина?..

4.

Братья Махно сидят в зале синематографа и под треск проектора наслаждаются новомодным зрелищем. Тапер бренчит на пианино сбоку экрана на сцене, подсолнечная шелуха фонтанами летит на пол.

На экране злодей, лохотун, как денди, входит в роскошный ювелирный магазин и достает огромный черный револьвер. Встает титр: «Спокойно! Это налет!» Продавцы испуганно и послушно поднимают руки вверх. Владелец магазина сверлит взглядом лицо злодея, но оно от глаз и ниже закрыто шелковым платком. И вдруг завязанный на затылке платок соскальзывает под шею!

Выйдя из кино, Нестор критически осматривает одежду – свою, братьев, и морщится, вздыхая.

- Одеться надо, как людям!
- Да? А деньги – ты дашь?
- Нет. Деньги – ты возьмешь.

5.

Лавка с претензией на шик: антиквариат, золоченые багеты, серебряные портсигары и часы с брелоками.

Пятеро изящно одетых молодых людей входят, и последний переворачивает на дверях табличку так, что теперь сквозь стекло с улицы читается «закрыто». Другой сует в ручку двери ножку стула – теперь действительно закрыто.

– Спокойно! – командует самый небольшой из них – ломким мальчишеским голосом. И быстрым движением поднимает до самых глаз алый шелковый платок. – Это налет!

Револьвер подкрепляет его слова. Продавец, хозяин у кассы и клиент, которому он отсчитывал в этот момент деньги, только тяжело вздыхают: такое время!..

– Получше-ка вещички ховай сюда! – велит рослый брат желтому от волнения приказчику и извлекает из-за пазухи бывалую холщовую торбу. – Ни! Ты те ложки оставь себе. Сережки с камушками вон те, портсигар... медальон вон тий...

Трое подходят к хозяину и клиенту, меньший налетчик берет из рук клиента золотые часы с цепочкой.

– Тю! – рассматривает их. – Где я таки вже бачил? – И опускает себе в карман.

– Закрой рот и открой кассу! – командует другой. – Давай, быстро, ну!

Они исчезают через минуту.

6.

Антони хохочет, разглядывая неразменные часы:

– Ну молодцы! Хохочут и братья.

– Ну что... – говорит Антони. – Вы серьезные товарищи, революционеры – экспроприаторы. А возмемся мы с вами по всякой мелочи...

– Какая ж мелочь!.. – Нестор задет.

– Какая? Такая. Ну – четыреста пятьдесят рублей. А риска? А наказание, если поймают?

– Так а вещи еще?

– Эти побрякушки еще продать надо. Нет, ребята, так мы с вами будем на революцию до-олго собирать. Есть план – как сразу и в дамки.

7.

Грунтовая дорога, желтеющая в траве, поднимается на холм. Кустарник с одной стороны, небольшой глиняный карьер – с другой.

– Так! – говорит Антони троим юношам, один из которых – Нестор. – Твои – по сигналу выскакивают из кустов и перекрывают дорогу, хватают коней под уздцы. Твои – из карьера, и сразу к дверцам: трое с револьверами берут на себя охрану, двое хватают мешки с деньгами и сразу отходят. Твои – наверху лежат в траве – резерв: бегут вместе со всеми к карете и если у кого в чем случится заминка – помогают: дать стражнику по башке, ну и сами увидите. Внимание! – бьет в ладоши. – Репетируем! По местам! Я – карета!

Он неторопливо спускается с холма, закуривает и, помахивая тросточкой, поднимается обратно.

Вдали за его спиной вдруг поблескивает осколок солнца в зеркальце. Зайчик пробегает по листве, заставляя сморгнуть глаза меж листвы. «Приготовились, – произносит негромкий голос. – Пошли!»

С воплем выскакивают три группы по пять с трех сторон:

– Стоять!

– Не двигаться!

– Руки вверх!

– Стрелять буду!

Один сует оглоблю поперек пути Антони. Другой делает странные движения ножом, как будто пилит воздух. Третий трясет револьвером.

– Хорошо! Завтра в десять утра – всем на месте, И – повторяю! – членам пятерок между собой не знакомиться! Не знать, не помнить, никаких имен и примет! Поняли?

– Поняли, Вольдемар Аристархович.

8.

Черная карета с двуглавыми гербами на дверцах бодро катит через зеленый солнечный пейзаж. Ровной рысью колотит пыль гнедая пара, редкие щелчки кнута разнообразят тишину. И за ней – два стражника верхами: белые рубахи, красные погоны, перекрещенные ремни.

Веснушчатое толстогубое лицо высовывается вслед над травой. «Здоровые, черти», – шепчет он, обмеряя глазами толстые спины верховых стражников и, приподняв зеркальце, начинает посылать сигнал.

Тяжелое дыхание в кустах. Тяжелое дыхание за кромкой карьера.

Карета, замедлившись до шага, поднимается на верх холма.

– А-а-а-а!! – раздается бессмысленный, нервный и оттого злобный вопль со всех сторон. Но звук какой-то... неубежденный...

Пятерка из кустов хватает под уздцы лошадей, двое пытаются стащить с козел кучера, два резких щелчка кнута ожигают лицо одному, руки другому, происходит заминка.

– Н-но! – орет кучер, хлеща коней.

– Стоять!

– Стрелять буду!

Пятерка из карьера: один сует оглоблю меж спиц переднего колеса, но карета страгивается с места, не всунутая еще оглобля соскальзывает, отскакивает, а сидящий рядом с кучером стражник, вырывая из кобуры револьвер, сапогом бьет экспроприатора в лицо, и тот падает, роняя свой несостоявшийся оглобельный тормоз.

Двое режут построшки, стражник грохает раз и другой из своего 4,2-линейного полицейского смит-вессона, и тогда тот из нападавших, что неуверенно стоял позади других с револьвером, вопит:

– Руки вверх! – и тут же дважды стреляет стражнику в грудь. Тот валится с козел на землю, а стрелок, тяжело дыша, бессмысленно смотрит.

Конные выхватили шашки, не подпуская нападающих к дверцам кареты.

– Разбойники!!! – дурным голосом вопит наконец кучер, работая кнутом, но махновские братья висят на уздцах храпящих коней.

В боковое окошко кареты просовывается рука с револьвером и палит шесть раз подряд! Один из нападающих хватается за плечо. На спине другого набухает красным узкая полоска сабельного следа.

– Стреляй их, хлопцы! – кричит Нестор, целится, прищутив глаз, и попадает точно в лоб одному из двоих конных.

– А-а!! гаденьш!! срублю!! – вопит второй, шпоря коня на щуплого убийцу и вздымая в замахе страшный сине-бритвенный клинок.

Нестор спокойно спускает курок. Щелк. Осечка! Еще осечка! И еще! Он злобно щерится и, следуя неизбежности, в последний миг отскакивает и бросается в кусты от осатаневшего стражника.

Бегство брата несколько смущает его пятерку, и они невольно ослабляют хватку – и прыскают в сторону от налетевшего на них конного.

Хлопают еще несколько револьверных выстрелов редко вооруженных налетчиков, но поспешность и мандраж сбивают прицел.

Трое все же рвут на себя дверцу – и навстречу им гремит выстрел из карабина! Они отшатываются, один мгновенно получает удар стволом под подбородок и падает!

Кони, наконец, рвут с места под отчаянный нахлест кнута и вопли кучера:

– Н-ну!! Н-ну!! Па-ашли!! залетные!!

И карета отчаянно летит вниз с холма, бешено пыля. На скаку оставшийся конный, вбросив в ножны клинок, рвет из-за плеча карабин и, не целясь, выпускает назад всю обойму. И со звоном вылетает заднее окошко кареты – еще четырежды брызжет огнем и грохочет высунувшееся дуло карабина, обшарпанное до белизны.

Охает, хватается за плечо и оседает один из юношей.

Нестор, стоя посреди дороги и щерясь, кончает перезаряжать свой револьвер, замыкает барабан и стреляет, целясь в карету. Осечка! Осечка! Он с силой швыряет оружие в пыль и бешено топает ногами.

9.

Антони хватается за виски:

– Идиоты! Бестолочи! Пятнадцать человек, три шпалера! Простое дело доверить нельзя.

– В следующий раз все сделаем как надо, – угрюмо обещает Нестор. – А револьвер для серьезного дела негодный. Осекается!

– Ты его хорошо спрятал? Никто не найдет?

– Обижаете...

Три юноши, старшие «пятерок», понурили головы.

– Первыми – связи со мной не искать. Затаиться! Мне нужно на какое-то время исчезнуть... – И Антони, перейдя улочку, садится на извозчика. Отъехав, говорит ему:

– Сейчас на постоялый двор, там пойдешь принесешь два чемодана. И рысью на станцию! – Озабоченно смотрит на часы.

10.

В кабинет следователя, где хозяин в мундире сидит под портретом Государя, входит давешний конный стражник, гремя ножнами и сапогами.

– Присаживайся. Ну – написал? – следователь изучает поданный ему рапорт о происшествии. – Теперь так. Первое. На выпей водички. Пей, я сказал! Второе. Закуривай, вот тебе папироса. Успокоился? Расслабился? Молодец, братец. Теперь вспоминай все в подробностях.

Сколько человек? – берет перо, обмакивает в чернильницу. – Сколько лет на вид? Какого роста? Начинай по порядку с того, кто был к тебе ближе...

11.

Ограбленная не так давно ювелирная лавка в Александровске: сыщик сидит перед хозяином и терпеливо записывает:

– А выговор у него какой? Ну, а хоть цвет глаз-то разглядели?

12.

Антони глядит в окно поезда на пролетающий пейзаж. Разворачивает газету и подмигивает рекламе парижских мод на фоне Эйфелевой башни.

13.

В глинистом карьере обочь дороги на холме лазает полицейская бригада. Поднимают папиросный и махорочный окурки, горелую спичку, пуговку от сорочки.

– А следы-то остались! Хороший грунт, суспензия, что твои отпечатки! – Двое рулеткой меряют отпечатавшиеся в глине четкие следы подошв, третий зарисовывает их в планшет, сличая с натуральной величиной.

14.

В трактире Нестор и один из «боевой группы» пьют чай с кренделем.

– У меня Клима и Тимоху ночью взяли, – говорит парень. – Если что – ты меня не видел, я тебя тоже.

15.

В комнатке мастера пристав смачно беседует со старшим братом Емельяном, искоса следя за выражением лица мастера:

– Ты в ту пятницу в десять утра где был?

– Да где ж мне быть – здесь, на работе.

– Свидетели есть?

– Свидетели? Ермолай Кузьмич, скажите их благородию.

Мастер степенно кивает.

– Одна шайка-лейка... договорились! – ярится пристав.

– Зачем же так. Сейчас наряды поднимем. А наряды – они не пустые бумажки, по ним деньги плотют. – Мастер вынимает из ящика конторки кучу бумаг и удовлетворенно отыскивает нужную: – Вот извольте читать. Семь утра. Получил, приступил. Пять вечера – сдал. Работа с металлом, кропотливая...

Пристав в сомнении щурится и морщится. Мастер украдкой подмигивает Емельяну.

16.

Полицейский тонким металлическим шупом методично тыкает землю в огороде. Вот наткнулся на что-то. Напарник с лопатой копнул.

И вынимают из земли завернутый в тряпицу несторовский револьвер.

17.

Ночь, грохот в дверь, Нестор мгновенно просыпается и выпрыгивает в окно – попадая прямо в объятия поджидавшей полиции:

– Ну, здравствуй... голубь сизокрылый!.. – И, поскольку он вырывается, тяжелый кулак бьет по почкам.

18.

– Принимай обед! – Форточка распахивается в железной двери, и мятая миска с кашей встает на полочку.

Нестор, фингал под глазом и распухшие губы, волочит ноги к двери, звеня кандалами. Берет миску – и резко выплескивает в форточку (явно в лицо раздатчику):

– Сам жри, сатрап! Твой кусок!

19.

Следствие тянет жилы и мотает нервы:.

– Итак – когда и при каких обстоятельствах вы познакомились с политическим ссыльным Вольдемаром Аристарховичем Антони, членом подпольной партии анархистов-коммунистов?

– У анархистов нет партии, – презрительно бросает Нестор. – Мы ее отрицаем. Человек должен быть свободным.

– Так-с. А свою принадлежность к анархистам, стало быть, не отрицаете?

– А чего отрицать? Все вольные люди – анархисты!

20.

Падает снег за маленьким решетчатым окном. По семь крестиков в ряд прокарябано и прочеркнуто на стене камеры: недели и месяцы.

И меняет календарь следователь в кабинете.

И впервые длинны отросшие в тюрьме волосы Нестора, уже на плечи ложатся пряди.

– Два стакана чаю! – приказывает следователь вызванному звонком солдату.

Разделенные с подследственным столом, они отхлебывают из стаканов и закуривают папиросы из одной пачки.

Глядя Нестору в глаза, следователь захлопывает толстый том «Дела» и начинает писать в графе «Закончено...».

– Одно не пойму я, Михненко Нестор Иванович...

– Чего?.. – равнодушно откликается Нестор.

– Дурачок ты или звереныш?

– Придет срок – придет и наш праздник. Тогда поймете.
– Деньги ты грабил – для революции. Хорошо – это я понять могу.
Но убил ты – простого мужика, человека из народа, который просто исполнял свою службу!..
– Вашу службу сполнял, – непримиримо говорит Нестор. – Вот свою судьбу и выбрал. За воши гроши жизнь свою отдал – ну и дурак!

21.

Роскошный весенний малороссийский пейзаж: кипящий цвет садов в зелени просторов, и высокая голубизна небес, и солнце плывет и дробится в реке.

И за высокой белой каменной стеной – тюремный двор, и гуськом по кругу тащатся заключенные – кандалы и полосатые робы: прогулка.

22.

– Именем Государства Российского!..

Зал встает с шумом и замирает. Побледневшие лица, сжатые рты, глаза в темных кругах. Вот и четверо братьев Махно в четвертом ряду, и поседевшая мать меж ними, поддерживаемая.

А вот и десяток обвиняемых встали со скамьи у стены, отделенные высоким дубовым барьером, и охрана с примкнутыми штыками вытянулась «смирно».

– ...суд объявляет приговор... – пытается придать голосу торжественность председательствующий, но слова звучат обыденно, невыразительно:

– ...Григоренко Родиона Остаповича – к смертной казни через повешение...

Женский вскрик и рыдания в зале.

– ...Авруцкого Григория Яковлевича – к смертной казни через повешение...

Кого-то выносят из зала.

Тюремный двор. Раннее утро. Свежий дощатый помост, виселица, три петли. У помоста – десяток некрашенных сосновых гробов.

Приговоренные, охрана, экзекутор в чиновничьем вицмундире и два человека в штатском и заурядной внешности на помосте – палачи.

Первую тройку заводят на помост, связывают руки, мешки на голову, петли на шею. Священник на помосте молится и смолкает, делая жест крестом в сторону обреченных. Экзекутор чуть кивает. Палач у края помоста с силой дергает на себя высокий массивный рычаг. Под ногами осужденных падают, как ставни на шарнирах, широкие люки.

Томительная жуть ожидания длится четверть часа – давно прекратились конвульсии тел, по пояс провалившихся в прорези помоста. На глазах у остальных – палачи снимают петли и смертные клобуки, доктор щупает пульс на шее и кивает, тела кладут в гробы.

И следующая тройка, бросив докуренные папиросы и обменявшись деревянным рукопожатием, поднимается на казнь.

Одного из последней тройки тошнит, лицо зеленое от смертного ужаса, доктор сует ему под нос нашатырь.

Нестор на помосте в последней тройке. Пока мешок надевают соседу, он успевает сказать – отчетливо, негромко и без спешки:

– Прощайте, хлопцы. Мы жили правильно. Свобода придет!

Черная ткань скрывает лицо, петля затягивается, палач берется за рычаг.

Экзекутор поднимает к глазам лист и читает – тоже отчетливо и негромко:

– Его высокопревосходительство военный министр, имея на то высочайшие полномочия и руководствуясь человеколюбием, снисходя к несовершеннолетнему возрасту осужденного, объявляет помилование Михненко Нестору Ивановичу и повелевает смертную казнь заменить на пожизненные каторжные работы.

Палач снимает петлю и клобук. Все с невольным вниманием смотрят в лицо человека, только что вернувшегося уже с того света.

Нестер кривится и сплевывает. У этого парня нет нервов.

– Не купите, – бросает он. – Вам же хуже!

Глава третья

ЦАРСКАЯ КАТОРГА

1.

Бескрайний простор, золотые нивы и тенистые дубравы. И по пыльному шляху, в колонну по два, звеня кандалами, тащится жидкий строй каторжников: забритые наполовину головы, полосатые робы, сутулые спины. Сплевывают сухими ртами конвойные, скрипит и вскрикивает в зарослях коростель, вызванивается под высокими небесами унылая мелодия:

Динь-дон, динь-дон – слышен звон кандалный, динь-дон, динь-дон – путь сибирский дальний, динь-дон, динь-дон, слышно там и тут – нашего товарища на каторгу ведут... И вдруг один застывает посреди шага, странно прогибается, откидывая голову, и валится навзничь в пыль, чуть не увлекая с собой прикованного напарника. Строй приостанавливается, смешивается.

– А ну! Встать! Балуй у меня! – орет конвойный, сдергивая с плеча винтовку и щелкая затвором.

Припадошный он, вашеродие. – Напарник, присев, поддерживает Нестору голову. «Ты язык-то, язык прижми, задохнется. – Да чем я тебе его прижму? – Да хоть ложкой, дурья башка. Ложка-то есть?» – Из угла рта у Нестора показывается пена.

– С чаво это он припадошный? – конвойный нагибается, вглядываясь с недоверчивой враждебностью.

– А вот постой в петельке да смертном балахоне, я на тебя погляжу, – мрачно раздается из колонны.

– Малча-ать! – орет солдат. – Подняли! Понесли! Не богадельня! – И, восстановив движение, напутствует: – Раньше сдохнет – меньше хлопот.

Нестор, повиснув на плечах товарищей, оттирает рот и хрипит:

– Ваши большие хлопоты еще впереди, служивый.

2.

Прикладами в спину – каторжников запихивают на ночь в переполненную камеру пересыльной тюрьмы.

– Да куда ж еще суете, драконы? – негодуют оттуда.

– Уж и так как селедки в бочке, дышать немає чем!

Надавливая, стража закрывает дверь, окованную железом.

– Да хоть напитокя принесите! Вода в бачке кончилась.

– До утра потерпишь.

Разбираются по нарам и под нары, прилаживаются лежать на боку плотнее лежачим строем, организуются спать в три очереди.

– Ничо, – легко цедит Нестор, – я постою. Люблю ночью не спать... подумать...

3.

В вагоне кипит жизнь. Уголовники делают карты: жуют и протирают хлебный мякиш, склеивают им кусочки газеты, обрезают отточенным ножом, химическим карандашом рисуют масть. Двое политических из того же хлеба лепят шахматы, добавляя в белые фигуры для цвета зубной порошок. Мрачный в очках читает книгу, скрестив ноги по-турецки. У оконной щели курильщики пускают на круг самокрутку.

Нестор держится в стороне, хмуро и спокойно переводя взгляд с одного на другого. Отдельный.

На косо́й оконной сетке-решетке иней, в замерзшем стекле продышан кружок, и снаружи в это окошечко видно бледное и сосредоточенное прижавшееся к решетке лицо Нестора. А вагон дрожит и полязгивает на стыках, бескрайние сибирские леса несутся мимо – заснеженные, глухие, и маленький тонкий зеленый поезд бесконечно прошивает тайгу, увлекаемый пыхтящим и дымящим паровозиком.

4.

Свищет ночная вьюга. Кутается в доху часовой на вышке по углу частокола огромных заостренных бревен.

Пылает железная печурка в бараке, жмутся к ней каторжники, огонек коптилки отблескивает в глазах.

– Бессрочный?

– Бессрочный, – соглашается Нестор.

– Ничо, привыкнешь. Тут тоже люди живут.

– Люди в неволе не живут.

– А что же?.. Живут, брат!

– А если живут – то уже не люди.

Высокий, худой, патлатый каторжник прилаживает на нос пенсне и издали пристально смотрит на Нестора.

– А ты, значит, кто? – немолодой покровительствующий каторжник все пристаёт к Нестору и начинает здеть.

– Кто ни есть – здесь не останусь.

Собеседник делает вопросительный жест – в небо?

– А ты меня туда не торопи, – нехорошо улыбается Нестор.

5.

Разз-ддва... разз-ддва... двуручная пила ходит тебе-мне в распиле огромной сосны. Укутаны каторжники, красны от мороза и работы лица.

С шелестом и гулом рушится огромный ствол, пружиня на ветвях и разбрасывая снег. Нестор с напарником откладывают пилу и берутся за топоры – обрубить сучья.

Поодаль в другой паре немолодой каторжник зыркает и цыкает на снег длинной желтой торпедой.

6.

Посреди кабинета начальника, расставив ноги в валенках, стоит Нестор с шапкой в руке. Начальник, сидя под портретом миловидного кроткого царя, со вкусом прихлебывает чай и курит папиросу:

– Я вас всех, сукиных детей, насквозь вижу. И знаешь, что я в тебе вижу?

– Пустые кишки? – простовато на грани издевки догадывается Нестор.

Жандарм стучает кулаком:

– Поостри у меня, быдло! Бежать надумал?! Ты кого провести хочешь? – Хватает большой бронзовый колокольчик и трясет с риском оторвать руку. Вошедшему конвойному:

– В холодную его. В думную камеру. Думать будет!

7.

Щелястые бревенчатые стены. Щелястый пол. И по нему – пять шагов вперед, пять назад – неумоимо и тупо, как автомат, шагает Нестор. Он в одном белье, ручные и ножные кандалы звенят цепями, ступни багровые от холода, лицо приобретает голубой оттенок. Иногда он останавливается и машет вверх-вниз руками, разгоняя стынущую кровь и пытаясь согреться.

Наступает темнота – он все ходит, уже помыкивая себе в такт некий безумный марш.

Рассвело – он ходит, с уже безумными глазами.

В конце концов покачивается и приваливается к стене. Отталкивается от нее и вновь идет.

Бессильно сидит, сжавшись в комочек и трясаясь крупной дрожью.

Комочек в темноте лежит на боку, изредка вздрагивая.

...Утром жандармы отдирают от пола его примерзшие волосы и уносят бесчувственное окоченелое тело.

8.

В лазарете, где всего несколько больных, в желтых рубахах грубой бязи, лежат по койкам, врач равнодушно проходит мимо Нестора с бурыми корками обморожений на скулах и носу:

– Не жилец... Еще одного заморили слуги отечества.

Нестор чуть приоткрывает глаза и неслышно хрипит:

– Сам ты у меня не жилец...

– О! – оживившись, меняет мнение доктор. – Жилец! Злые и упрямые всех переживут, а тощие – они выносливые.

9.

Высокий, худой, патлатый каторжник садится на табурет рядом с постелью Нестора. Он надевает пенсне и вытаскивает из карманов плитку шоколада, кулечек кедровых орехов и завернутый в чистый платок фунтовый кусок сала:

- Товарищи собрали. Ешьте, поправляйтесь. Вам силы нужны.
- Почему такая забота? – не приветливо спрашивает Нестор.
- Своих бросать нельзя.

10.

Уже совсем весна, и на работе каторжники обедают компаниями вокруг костров, где трещит смолистый сосновый лапник.

– Прошу любить и жаловать – Нестор Иванович Махно, – патлатый представляет Нестора, вовсе исхудавшего и бледного, кружку. – Анархокоммунист из Новороссии, село Гуляй-Поле. – Четыре экса, два теракта, смертный приговор, помилование лично военного министра на бессрочную каторгу.

– Да знаем уж, – отзываются от котла. – А что раньше молчал? Держался, как босяк за кражу курицы.

– А он скромный.

Нестор скупно улыбается. Кличка прилипла. Еще много лет каторги он будет зваться «Скромный».

– А у вас почему двойная фамилия? – вежливо, но независимым тоном человека, не терпящего никакого покровительства, спрашивает он в свою очередь у патлатого. – И Аршинов, и Марин?

– Одна – для родителей и жандармов, другая – для товарищей по борьбе.

– Знал я одного товарища по борьбе, – со значением говорит Нестор.

– Это кого же? – приподнимает брови Аршинов-Марин.

- Вольдемара Антони. Не встречали часом такого?
- Гм. Забавно. Как раз встречал.
- Да? И где же он?
- Ну... Когда я его встречал – был в Париже.
- В Париже... И как он там – хорошо, наверное?
- Скорее, плохо.
- Это что же так?

Я слышал, что вскоре после нашей встречи он, кажется, умер. Говорили, что попал под поезд. Он, видите ли, хотел присвоить себе деньги, которые его товарищи, рискуя жизнями, добывали для революции. А так поступать нехорошо, верно? – Аршинов-Марин мягко улыбается. В глазах Нестора вспыхивает восхищение.

Он хочет что-то сказать, но закашливается и прижимает руки к груди: сплевывает кровью.

- Ведь до туберкулеза доморозили мальчонку, сатрапы.
- Барсука бы убить, жир у него целебный, он многим помог.

II.

Стучат топоры, визжат пилы, падают стволы.

– Погодь-ка трошки, – говорит Нестор напарнику, оставляя ручку пилы.

Берет в руку сосновую ветку толщиной в большой палец, на пне косо обрубает топором и, оглянувшись на стражников у костра, идет мимо работающих.

– Отойдем-ка, дядя, разговор есть, – обращается он к тому немолодому каторжнику, что пытался поучать его вначале.

– Что за разговор? – Но в руках щуплого пацана ничего, кроме веточки, которой он отгоняет тучу комарья. – Ну? Пойдем. А здесь что не скажешь?

– Сейчас поймешь, – Нестор ведет его ближе к своему недопиленному дереву, оглядывается – и с силой, резким тычком, вгоняет острую ветку под ложечку здоровенному мужику. Каторжник берется за живот и валится молча. – Ну – зачем ты меня сдал, гад, а?

– Пилим быстро, – возвращается Нестор к пиле. – Погоди, дай подрублю, чтоб упало правильно.

И через минуту раздается крик:

– Человека задави-ило!

Народ неторопливо сходится к месту происшествия. На раз-два взяли оттаскивают сосну с тела.

– Ишь ты, как он прямо на сучок-то наткнулся, – говорит стражник, с сомнением косясь на окружающие лица.

12.

– Нет, товарищи, – говорит большевик, – без государства, где главная роль принадлежит пролетариату, ничего не получится. – Он попыхивает трубочкой, и дымок ползет вверх по прямым рубленным морщинам.

– Это чем же твой пролетарий лучше крестьянина? – интересуется социалист-революционер, он же эсер, устраиваясь поудобней на нарах.

– А тем, что крестьянин твой – это мелкая буржуазия. У него есть собственность на средства производства, и он может нанять работника, то есть сам стать эксплуататором. А у рабочего ничего нет, кроме его рук, он только трудом живет, поэтому он – единственный до конца революционный класс.

– Трудом?! Да ни один твой рабочий на заводе не работает так тяжело и много, как крестьянин на своей земле! И производит он – хлеб, и он-то – всему основа! И начинать надо строить государство – с фундамента, с трудового крестьянства!

– А стремится оно к накоплению и стать буржуазией, дурья твоя голова! А пролетариат – построит на труде, а потом оно вообще отомрет!

– Нельзя строить государство, – говорит Аршинов-Марин.

– А вы, анархи, вообще утописты!

– Это кто тебе – Кропоткин утопист?! Ты хоть историю-то знаешь? Как только возникает государство – так аппарат тут же узурпирует власть и угнетает народ. И не отдаст аппарат эту власть никогда – ни царский, ни пролетарский, ни хоть индейский.

– Так надо сначала же порядок навести, людей воспитать, законы написать, заставить выполнять их. А привыкнут – и тут, когда нет эксплуататоров, государство само и отойдет в сторону.

– Государство? Отойдет? Кто из нас утопист? Власть перерождает людей, они уже делаются отравлены ею!

А главное – все люди от природы равны и свободны, и никто не имеет права повелевать другим! Вы хотите через пролетарское государство идти к свободному обществу – а мы говорим: нет, сначала надо создать свободное общество, где нет принуждения человека человеком, а потом уже создавать продукт свободного труда!..

Нестор слушает, вертя головой от одного к другому. На коленях у него раскрыта растрепанная книга.

– Вы, политические, совсем с людьми не считаетесь, – раздается от стены. – Хоть ночью поспать-то дайте!

– Вот молчи и спи, – негромко, с отчетливой угрозой произносит Нестор.

13.

Утром в начале работы Аршинов-Марин в зарослях передает Нестору торбочку, достав ее из кустов.

– Если поймают – не сопротивляйся, – напутствует он. – Удачи!

Нестор тряпками заматывает цепи кандалов, чтоб не брякали, исчезает в таежной зелени и опасно бежит, волоча ноги и пригибаясь.

14.

Перейдя ручей и глядя на высокое солнце сквозь вершины, достает из торбы зубило, обматывает тряпкой молоток и начинает сбивать заклепки на кандалах.

Солнце уже низко, он все работает. И, наконец, освобождается.

Быстро продирается сквозь заросли.

...Темнота, странные и жутковатые ночные звуки, ухает сова: он все идет, тяжело дыша от усталости.

И на рассвете выходит к ручейку на поляне. Жадно пьет, сжевывает кусок хлеба из малых торбочных запасов, и засыпает как убитый.

– ...Ну, вставай! – наваксенный сапог толкает его в бок. Винтовка второго стражника нацелена в голову. – Погулял? Пора и домой.

Они ведут его – и оказывается, что острог был буквально в полуверсте: Нестор заблудился.

– По тайге ходить уметь надо, паря, – почти сочувственно говорит стражник.

И тогда Нестор бешено хрипит, изо рта лезет пена, он бросается на стражника и зубами вцепляется ему в горло. Удар прикладом по затылку.

15.

– В третью камеру, – нехорошо улыбаясь, говорит начальник. – Для железных борцов за революцию.

И в цементной камере четверо дюжих стражников поднимают Нестора за руки и за ноги – и с размаху швыряют спиной об пол. Внимательно глядя – в сознании ли? – поднимают и повторяют. Еще раз. Еще!

– Авось теперь сдохнет! – сплевывают.

16.

Впадины под скулами, морщинки у рта – это уже не мальчик. Нестор сплевывает темным и держится иногда за грудь.

Когда он идет – ему уступают дорогу. Собирается сесть – уступают место. «Он тихий – тихий, а вдруг что не так – дикий зверь. С жалом парень, недаром бессрочник из-под смертного».

17.

– Революция! В Петербурге революция!

– Товарищи – рухнуло самодержавие!

– Ур-ра! Да здравствует свобода!

Очередь в кузницу. Стук по металлу: сбиваются кандалы.

...Разминая запястья, скованными шагами, словно на ногах еще железо, Нестор входит в кабинет начальника.

Пол усыпан бумагами, портрет царя висит криво, начальник опрокидывает на стол вытащенные из тумб ящики и роется в содержимом.

– Революция, ваше высокоблагородие, – почти приветливо говорит Нестор.

– А, ты. Ну что, теперь все свободны. Прежние приказы силы не имеют.

– Не имеют, – легко соглашается Нестор, подходит к нему и протягивает руку к кобуре на поясе. – Тише! тише, я сказал! – приставляет самодельный арестантский нож к жирному зубу жандарма.

Достает револьвер, отходит на пару шагов и взводит курок.

– Одного я не понимаю – почему ты сразу не сбежал. Ты чего ждал? Га? – дурашливо спрашивает Нестор. И со скучающим выражением лица дважды стреляет начальнику в грудь.

... – Ну что – поехали в Россию революцию робить? – спрашивает Нестор Аршинова-Марина тоном старшего в компании.

Глава четвертая

ИЗ ХРОНИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ,

которую никто до сих пор толком не осмыслил и не написал

1.

25 февраля 1917 года. Демонстрации и бунты в Петрограде. А вообще царем давно недовольны все: генералы не хотят его как Верховного Главнокомандующего, политикам он мешает руководить, промышленникам и финансистам мешает рулить экономикой, а народ не хочет войны и скудости, но хочет процветания и свобод.

Ряд генералов и высших политических лиц из Думы и правительства блокируют Николая II в Могилевской Ставке, не позволяя вернуться в Петроград и давая отречься в пользу брата Михаила. Мысль: и тогда будет конституционная монархия английского типа: царь представляет и гарантирует легитимность правления – а реальные политики и промышленники правят государством.

2 марта. Царь отрекается – не только за себя, но и за сына, законного наследника, чего у него пока никто не просил. Окружающие несколько удивлены слабостью ума и характера Николая II. Лишить всех будущих возможных потомков возможности царствовать – ради мысли, что тогда «его не разлучат с сыном».

3 марта. Брат его Михаил также отрекается. Он влюблен в неравном браке, не чувствует он государственного призвания.

Разросшаяся, как цыганский табор, огромная семья Романовых с бесчисленными двоюродными дядьями, сестрами и тетками, кузенами и князьями, племянниками и наместниками, прожорливо подъедающая казну, как стадо кроликов под амбаром – никак не изъявляет ни малейшего намерения определить промеж себя наследника, претендовать на законную власть и принять участие в управлении Империей, которую Бог вверил в управление Романовых.

4 марта. Несколько даже ошеломленная верхушка правительства и Думы по кратком размышлении объявляет себя Временным Правительством во главе с оставшимся премьер-министром князем Львовым.

В тот же день это первое Временное Правительство издает свой вполне знаменитый «Приказ № 1». Этим приказом в армии отменяется столь унижительный ритуал, как отдание чести; отменяется титулование офицеров подчиненными, все эти «ваши высокоблагородия» и прочие: просто – «господин капитан» – и хватит; уравниваются все права всех чинов – теперь солдат и генерал имеют равные права на проезд, питание, голос на военном совете и т.п.; отменяется единоначалие (!!!) – теперь решения принимает триумвират: командир, комиссар (вот оно, слово и должность!!) от Временного Правительства и выборный составом части солдатский комитет. В ответ на приказ вступить в бой – солдаты могут устроить митинг и приказ отменить с формулировкой (из любимых) «ввиду возможных потерь».

Этим приказом Временное Правительство обезопасило себя со стороны возможных монархистов из генералитета и заручилось поддержкой восьмимиллионной армии – то есть вооруженного народа. Чтобы исключить армию из расклада опасных для власти политических сил – армию развалили, льстя и потакая солдатской массе.

Март-апрель. Повсеместное создание свободных демократических органов самоуправления: Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Создание Красной Гвардии – то есть боевых отрядов рабочей самообороны на предприятиях и в рабочих районах Петрограда, Москвы и ряда крупных городов. Основная партийно-политическая склонность – эсеры и анархисты. Зачем? На всякий случай. Власть-то все же какая-то... буржуйская. Почему Красная? А вся Февральская революция ходила с красными бантами. Потому что «Свобода, Равенство, Братство», Марсельеза и долой проклятое самодержавие.

Партии и течения расцвели и грызлись. Определяющим для партии является отношение к: 1. собственности и ее распределению; 2. кто у власти; 3. структура государства; 4. сосуществование политических классов.

Конституционные демократы (кадеты). При Временном Правительстве – партия власти, но в Советах представлена в меньшинстве. Собственность административно-политическим путем не перераспределять, у всех все остается. Рыночные отношения. Аграрную реформу можно разработать, но чтоб никого не обидеть и ни у кого ничего не отнять. Классовое содружество. Всеобщее гражданское равенство. Демократические свободы. Единство интересов государства и народа. Парламентаризм, выборность, отсутствие сословных перегородок, главенство Закона. Партия интеллигенции, образованных людей, малочисленного среднего класса, предпринимателей.

Анархисты. Это вообще не партия, теория анархизма отрицала любые формы организации, где могло пахнуть Дисциплиной, принуждением и любым ограничением свободы личности. Свободные объединения свободных личностей, готовых к борьбе за свои цели. Крестьяне свободно трудятся на собственной земле и сообща решают общие вопросы по справедливости, уму и традиции. Община. (А что? Казачьи округа так и жили.) Рабочие сообща владеют предприятием и тоже все производят по уму. Продукты и товары свободно меняются. Наемный труд запрещен как источник несправедливого и излишнего обогащения. Кто не работает – тот не ест. Никто никому не смеет ничего приказывать! Государство – это насилие и паразит, оно не нужно и запрещено. В случае войны – народное ополчение ставит над собой выборных людей для координации действий. Идеи просты, справедливость обнажена, самолюбие простого подчиненного человека обласкано, он горд собой – столп мира. Матросы Балтийского и Черноморского флотов, сытно кормленные в безопасной дали от военных театров, томимые дисциплиной, бездельем и бездельем, почти поголовно были в 1917 году анархистами. И у крестьян анархизм встречал понимание и одобрение.

Социалисты-революционеры (эсеры). Основа всего – крестьянин, производящий на земле продукты питания. Всю землю безвозмездно раздать крестьянам. А предприятия – рабочим: хотя рабочий вторичен

по отношению к крестьянину, но тоже полезный труженик. Соппротивление тех, у кого земля и заводы будут отбираться в пользу трудящихся – подавлять сурово. Государство должно координировать всё происходящее в пользу а) крестьян; б) рабочих; в) всех прочих, кто лично трудится и своим трудом как-то полезен крестьянам и рабочим. А по мере развития крестьянской общины государство будет все меньше нужно.

Эсеры по ходу событий разделились на большинство левых – близких анархистам и большевикам, и меньшинство правых – близких кадетам по умеренности и терпимости взглядов.

Социалисты-демократы (эсдеки). Это название было не широко употребимым, обычно называли по фракциям – большевики (Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия (большевиков), и меньшевики – РСДРП(м). Меньшевики были умереннее, интеллигентнее, менее кровожадны, более рассудительны, компромиссны.

Большевики – это были радикал-фундаменталисты социалистического переустройства мира. Идеал – это рабочая коммуна: все общее; ничего личного, свободный труд дает творческое счастье и освобожден от меркантильных забот, все силы и возможности максимально и свободно приложены к труду во благо всего общества, все потребности максимально удовлетворены продуктами свободного труда всего общества. Психология нового человека, полностью общественного, коммуниста, полное счастье свободы и труда.

Это будет величайшее переустройство мира в истории, оно победит, свободный труд на обобществленных предприятиях даст самую высокую в мире производительность труда, а экономика в конечном счете решают все, Маркс и Энгельс ясно доказали.

Задача государства на первом этапе – любыми средствами скорее строить общество будущего. Пролетарий – он готов к коммунизму: он не отравлен обладанием собственностью и психологически готов к коммуне. Крестьянин – э, он собственник, он должен идти следом за рабочим, объединяться в крестьянские коммуны. А вот предприниматели, капиталисты, имущий класс – это уже неисправимый брак человеческого материала: во-первых, его психика навсегда отравлена собственностью, а во-вторых – все, что только есть

созданного людьми – это прибавочная стоимость, созданная наемным трудом. Любой не-пролетарий есть вольный или невольный, прямой или косвенный, но паразит и кровосос. А посему все они, эти богатые и образованные, в сущности есть лишь вредный для будущего счастья враждебный класс, у которого надобно все отобрать и промеж рабочих разделить, а сам класс, сопротивляющийся экспроприации либо затаивший в себе жажду сопротивляться, можно с чистым сердцем уничтожать, не поддаваясь слабости ложного гуманизма.

А потом, с построением коммунизма, государство перестанет быть нужным и отомрет. Все будут счастливо и сознательно трудиться и сообща управлять всеми проблемами. В коммунах. Без всякой личной собственности. Которая уродует психику и толкает к преступлениям и эксплуатации. Собственник – обворовавший голодных пролетариев.

Сопротивление этому со стороны паразитов будет отчаянное, да и пролетарии еще не все сознательные, много темных. Поэтому сначала надо установить диктатуру пролетариата, а осуществлять ее будут самые убежденные, сознательные и умные – лидеры большевиков. Все, что полезно для диктатуры пролетариата – добро, все вредное для нее – это зло.

...Вообще с эсеров было миллиона, анархистов тысяч четыреста, а малоизвестные и невлиятельные большевики не достигали сорока тысяч человек. Нетрудно понять, что большинство в Советах принадлежало левым эсерам и анархистам. И если умеренные интеллигенты прислушивались к кадетам, то социалистически настроенные интеллигенты – к меньшевикам, теоретически обосновывающим создание социалистического, с упором на труженика и с прижиманием разнообразных рантье, но все же терпимого и вообразимого государства.

Тем более что и в Европе – Германии, Англии, Франции, Швеции – социалисты уже очень много добились для хорошей жизни, трудящихся.

...А еще была масса мелких партий, серьезной роли не сыгравших.

Итак, март 1917.

Новая власть объявляет большую амнистию по случаю падения проклятого самодержавия и наступления эры свободы. Из тюрем и с каторг выходят сотни тысяч уголовников и вносят разнообразие в быт граждан.

Полицию и так свободомыслящие граждане презирали, а тут она просто старается никому не попадаться на глаза, потихоньку разбегается, подыскивают себе люди другую работенку.

В Кронштадте происходит большая резня – матросы убивают сотни офицеров. Офицеры бегут, переодеваются, прячутся. Власть скоро перейдет к Центробалту – центральному совету матросов Балтфлота – во главе с комендором Дыбенко.

4.

А на Украине.

4 же марта 1917 года три основные революционные партии – социал-демократы (те же большевики и меньшевики), социал-революционеры (эсеры) и социал-федералисты организовали первый украинский парламент – Центральную Социалистическую Раду. Из нее выделилась более конкретная Малая Рада, а при них образовался исполнительный орган – Генеральный Секретариат. Раду возглавил профессор-историк Грушевский, перейдя из кадетов в эсеры. Генсеком стал социал-демократ Винниченко, писатель.

Пост секретаря по военным делам занял вчерашний учитель из недоучек-семинаристов, тоже социалист, Симон Петлюра.

Апрель-май 1917. Повсеместное возникновение Советов селянских, рабочих и солдатских депутатов – общин, коммун, республик: хаос безвластия, многовластия и народовластия.

Черноморское побережье контролируют анархизирующие матросы.

Официальная украинизация армии – т.е. частей и отдельных военнослужащих Русской Армии на территории Украины: присяга, язык, форма, подчинение Раде.

10 июня 1917 г. – Рада издает Универсал о независимости Украины, но официальный выход из состава Российского государства

откладывает до созыва Всероссийского Учредительного Собрания: пусть полномочные депутаты всех земель легитимно утвердят. В этом законном шаге Рада основывается на уже принятой Всероссийской властью «Декларации прав народов России»: право на самоопределение.

5.

Апрель 1917 – Из Швейцарии через Германию, Швецию, Финляндию прибывает несколько десятков большевиков – верхушка партии. Гениальный и абсолютно беспринципный тактик политической борьбы – Ленин берет самые популистские лозунги всех партий, ставя свой парус под ветра всех недовольных: «Мир немедленно!», «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим!» «Долой буржуазию!», «Вся власть – народу!». Вслед за Лениным прибывает Троцкий. В условиях политического хаоса – большевики берут курс на жесткий захват власти при любых программах и с любыми попутчиками.

3 июня. Открылся I Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Эсеров – 300, меньшевиков – 250, большевиков – уже 100. Знаменитая реплика Ленина «есть такая партия!» – в ответ на аргументы докладчика, что ни одна партия России не в силах сейчас осуществлять всю власть одна.

4 июля. Неудавшаяся попытка большевистского переворота с привлечением матросов Кронштадта: большинство социалистов против, надежные армейские части еще есть.

Август. Неудавшийся «корниловский мятеж». Главнокомандующий генерал Корнилов, волей ряда генералов и высших политиков, пытался договориться со ставшим премьером Керенским о введении верных войск в Петроград, искоренении большевизма и твердой власти до созыва Учредительного собрания. Испугавшийся своего отрешения от власти Керенский реабилитировал большевиков на условиях борьбы против «корниловщины» и раздал оружие.

Сентябрь. Корнилов, а также генералы Алексеев, Деникин, Каледин и ряд других посажены созданным в основном большевиками

«Военно-революционным комитетом» в военную тюрьму г. Быхова близ могилевской ставки фронта.

6.

25 октября – захват Зимнего и октябрьский переворот.

2 ноября в Ставке генерал Духонин объявляет себя главнокомандующим и готовит войска к освобождению Петрограда от узурпаторов.

7 ноября Ленин приказывает Духонину немедленно начать переговоры с командованием австро-германских войск о всеобщем перемирии. Тот отказывается.

9 ноября новая власть объявляет о смещении Духонина с поста.

10 ноября. Декрет Совнаркома о демобилизации армии.

18 ноября новый главком прапорщик Крыленко уже в Ставке; Духонина линчевали.

Еще до смены власти в Ставке сочувствующие офицеры освобождают из Быховской тюрьмы генералов Алексеева, Корнилова, Деникина и др., которые едут в Новочеркасск к ген. Каледину, который еще:

26-го же октября 1917 года Каледин разгоняет все советы на территории Донского Казачьего Войска, и приглашает к себе всех членов законного Временного Правительства, некоторые из которых и добираются до Дона.

7.

27 октября 1917 Совнарком издает «Декрет о печати». Любая пресса, протестующая против большевиков и их действий, закрывается. За два дня запрещены 20 основных газет других партий.

2 ноября принята «Декларация прав народов России» – о равенстве и праве на самоопределение.

Ноябрь – введение государственной монополии на торговлю: любое частное торгующее лицо объявляется спекулянтом,

саботирующим декрет советской власти, со всеми вытекающими последствиями.

Ноябрь – запрет на любые операции с недвижимостью и начало «подселений» и «уплотнений» домовладельцев и квартиросъемщиков.

Декабрь – организуется экспроприация валюты, драгоценностей и прочего у «эксплуататорских классов» – «для нужд трудового народа и новой власти». Красногвардейско-матросские патрули

14 декабря – «национализация» новой властью всех банков и изъятие ценностей.

20 декабря – создание Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Оформляется термин «административный расстрел».

8.

7 ноября 1917 г. – Украинская Рада издает Третий Универсал – о создании Украинской Народной Республики в составе России. При этом она не признала Совнарком, потребовала замены его представительным социалистическим правительством, и заявила о независимости Украины от незаконного правительства большевиков.

Конец ноября. I Съезд Советов Украины одобряет решения Рады. Большевистские депутаты остаются в незначительном меньшинстве и покидают съезд.

12 декабря в Харькове большевики собирают собственный I Всеукраинский Съезд Советов. Киевский Съезд признан ими недействительным. Свой собственный съезд объявляется единственным законным представительством Украины. Рада объявляется вне закона.

Харьков объявлен красной столицей Украины. В Исполнительном Комитете Харьковского Совета оставляются только большевики, представители прочих партий выдворяются. Харьков объявляет единство Украины с Петроградом.

Конец декабря – подписанный Лениным ультиматум Совнаркома: Рада разоблачается как оплот буржуазии и контрреволюции, ей предписано признать советскую власть, Украина есть законная часть Советской России Россия поможет законному Харьковскому

правительству в восстановлении законной власти большевистских советов на всей территории Украины.

1918 год. 24 января. Рада издает Универсал о государственной независимости Украины: в свете надвигающихся событий.

26 января. Наступающие с юга от Одессы красные войска под командованием бывшего подполковника Муравьева занимают Киев. Рада удирает в Житомир. В Киеве казнено (от пяти до десяти тысяч) бывших офицеров, а также студентов, старших гимназистов, представителей образованных слоев.

27 января в Брест-Литовске Украина срочно заключает договор с Австро-Венгрией и Германией: продовольственные и сырьевые поставки при условии политического признания и введения воинского контингента для поддержки законной власти и обеспечения возможности этих самых поставок. (Переговоры велись уже много недель, а большевики там же будут вести их еще полтора месяца.)

9 февраля красные войска, 6 000 красногвардейцев и матросов под командованием Антонова-Овсеенко, двигавшиеся по Украине с северо-востока, также вступают в Киев.

1 марта 1918 года. Германские войска входят в Киев и движутся дальше на восток и юго-восток, занимая Украину и Новороссию. Красные части откатываются практически без боев. Впасть Рады под опекой оккупационных войск восстановлена.

9.

12 ноября 1917 года – историческое действо: Всероссийские выборы в Учредительное собрание! Большевики получают около 23% голосов. Эсеры – 40%. В крупных городах на втором месте были кадеты, хотя в целом по стране они набрали 5%. В национальных окраинах лидировали местные национальные партии.

28 ноября – назначенное на этот день открытие Учредительного собрания переносится на январь под предлогом малочисленности делегатов. В Петрограде – демонстрации в поддержку Учредилки!

Вечер 28 ноября – декрет Совнаркома объявляет партию кадетов «врагами народа», лидеры подлежат аресту и трибуналу, что и начинает делаться.

3 января ВЦИК принимает постановление: «...Вся власть принадлежит Советам и советским учреждениям. Всякая попытка любого иного учреждения присвоить любые функции государственной власти – есть контрреволюция, и будет подавляться всеми средствами вплоть до вооруженной силы. Задачи Собрания исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества».

4 января 1918 года – введение военного положения в Петрограде, митинги и демонстрации запрещены.

5 января утро – расстрел Красной Гвардией и разгон рабочих демонстраций в поддержку Учредительного Собрания.

5 января, 16 часов. Учредительное собрание открывается. Отказывается обсуждать и принимать подготовленную большевиками «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», где оформлена «диктатура пролетариата». Отказывается принять присягу на верность советской власти.

5 января, ночь. Прославившийся матрос Железняк откровенно разгоняет «Учредилку»: зал наполовину заполнен странной вооруженной публикой.

Под утро 6 января: Совнарком принимает решение закрыть Учредительное Собрание.

10.

12 декабря 1917 года – делегация большевиков начинает переговоры в Брест-Литовске с германским и австрийским командованием.

15 января Совнарком принимает декрет «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии». (Прежняя армия демобилизована два месяца назад и разошлась по домам устанавливать власть советов.)

18 февраля 1918 года немецкие и австрийские части, без всякого достигнутого результата на переговорах, переходят в наступление по всему фронту от Балтики до Дуная.

23 февраля – немцы, не встретив нигде никакого сопротивления, занимают огромную территорию, включая Псков, Минск и т.д.

24 февраля. Совнарком и ВЦИК принимают все условия ультиматума;

3 марта 1918 года. Подписан мирный договор между Советской Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией, Болгарией – с другой. Россия отдает врагам Польшу, Литву, Латвию, Эстонию. Украина и Финляндия признаются независимыми. В Закавказье Турция получает огромную часть Армении и частично Грузии с городами Каре, Ардаган и Батум. Красная Армия подлежит ликвидации, военно-морской флот – передаче немцам, пленные – 3 миллиона русских и 2 миллиона противоположной стороны – возвращаются домой.

Россия потеряла 800 000 кв. км с населением 56 млн. человек (треть численности). Лишилась 80% добычи железа и угля. Половины посевных площадей.

11.

Март 1918. Образован Высший Военный Совет во главе с Троцким. Выборность командиров отменяется.

10-12 марта. Советское правительство переезжает из Петрограда в Москву – подальше от внешних и внутренних врагов и политических конкурентов (шаг, обратный переводу столицы «из старого стола на чисто место» Петром I).

1 апреля. Повсеместно в один день арестовываются анархисты, выводятся из всех советских органов, места их дислокаций берутся штурмом, издания закрываются. Служба большевикам со сменой партийных симпатий – либо расстрел.

8 апреля – учреждается система волостных, уездных, губернских и окружных военкоматов. Утвержден план развертывания миллионной армии.

Май 1918:

Декрет Совнаркома «О продовольственной диктатуре».

Создаются продотряды, выгребая продовольствие у крестьян.

Начинается мобилизация в Красную Армию. Семьи дезертиров объявляются заложниками.

Подъем повсеместных крестьянских бунтов против красных.

«Мятеж белочехов». По договору со ВЦИК, 30 000 пленных чехов, подданных Австрии, отправлялись через Владивосток и далее морем во Францию, чтоб воевать против Австрии за свободную Чехию. Но по Брестскому миру никакие вооруженные отряды врагам Германии и Австрии Россия отпускать не могла. Изворотливые большевики имели в виду, что чехи поспособствуют развалу Австро-Венгерской Империи и созданию новой, революционно-трудовой, Чехии. По категорическому настоянию Германии ВЦИК приказал чехов разоружить, что при бандитизме момента могло обречь их на гибель. Чехи отказались сдать оружие и взяли под собственный контроль своими эшелонами всю магистраль от Самары до Владивостока. Попытки красных разоружить их пресекались силой, зато антибольшевистские силы тут же стали с ними сотрудничать.

В Самаре возникает достаточно легитимное российское правительство, собирающее в себя сколь возможное количество членов разогнанного Учредительного Собрании. Оно называет себя «Комуч» – Комитет Учредительного Собрании. Желает мирного, согласованного, всепредставительного социалистического переустройства страны.

При штурме Екатеринодара (Краснодара), занятого местными Советами, погибает генерал Корнилов, и командование Добровольческой армией принимает Деникин.

На Украине Рада недовольна тем, что германо-австрийцы многовато заняли территорий и многовато выгребают хлеба, а немцы недовольны слабостью Рады, плохо контролирующей край. Организуют «съезд хлеборобов», выбравший Гетманом Украины Павло Скоропадского, при котором образуется как правительство «варта». Рада распадается, военный секретарь Петлюра переходит на положение «авторитетного полевого командира».

Июнь-июль 1918. Загадочный «эсеровский мятеж», после которого эсеры удалены из органов власти. Эсеры были последними людьми другой партии, с которыми большевики, еще год назад малочисленные и слабые, сегодня делили власть в центральных советских органах.

Эсер Блюмкин убивает посла Германии Мирбаха. Но. Эсер Блюмкин – сотрудник ЧК, и таковым остается, сменив лишь партию, и впредь выполняет ответственные задания. А Мирбах в 1914-17 гг. был

послом Германии в Швейцарии, где большевики и вступили в контакт с германскими спецслужбами. И знал много лишнего.

Эсеры не убили никого при этом «мятеже», им задним числом инкриминировались намерения – зато все их лидеры арестованы, и партия фактически разгромлена.

Глава пятая

ИЗ СИБИРИ В СТОЛИЦУ

1.

Платформа перед паровозом обложена по бортам мешками с песком, и пулемет уютно торчит над мешками.

Дымит и пытит паровоз, суя и ворочая шатунами, и транспарант прогнут ветром перед трубой: «Вся власть Учредительному Собранию!»

Над будкой машиниста примотан трехцветный российский флаг, а через два вагона – красный, и лозунг вкось стенки: «Вся власть Советам!»

А на задней тормозной площадке – знамя черное с черепом и костями, и надпись возвещает «Анархия – мать порядка!»

Мешочники и солдаты на крышах, гармошка надрывается из окна, махорочный дым и подсолнечная шелуха. Опаслив мчащийся табор и опасен сам.

2.

– Они что сделали? – рассказывает мужичок, стиснутый соседями. – Они приказ издали: как железную дорогу кто повредил – так деревня, которая ближняя тут, за это отвечает. На десять верст от дороги – а отвечает! Всех в заложники, и давай расстреливать.

– Негодяи, – реагирует замызганный интеллигент.

– А ты не очень выступай, – предупреждает потертый пролетарий.

3.

Потертый пролетарий клюет носом и спит. Из кармана куртки у него видна рукоять нагана. Махно, сидящий рядом, косит глазом и

тихо вытаскивает наган. Сидящий напротив интеллигент расширяет глаза. Махно смотрит в эти глаза с ясной улыбкой, и интеллигент поспешно отворачивается. Наган опускается в карман Махно. Сидящий рядом Аршинов-Марин покачивает головой.

– Душно здесь, – Махно встает. – Пойду ближе к воздуху покурю.

4.

Поезд подходит к станции, солдаты с винтовками спрыгивают с крыш и бегут к будке начальника:

– Паровоз заправляй, контра!

Начальник в красной фуражке молитвенно складывает руки:

– Господа, нет у меня угля, честью клянусь, нету же! Щелкает затвор, стучает выстрел, сползает тело по запачканной стенке.

– Айда по складам шарить! Сами найдем! Оправляются возле путей. Набирают у водокачки воду в котелки.

Ломают забор, крыльцо, отрывают ставни, швыряют все в паровозный тендер:

– Ничо! Спалишь! Хватит до следующей! Ехай давай!

И долго еще сбегаются из-за углов, цепляясь за медленно уходящий поезд.

5.

Солдаты в бежевой нерусской форме ловко выпрыгивают из эшелона и тройками расходятся по станции (уже другой). Выставляют посты у водокачки, колонки, обоих входов в депо, у вокзала и даже туалета.

Начальник станции под их конвоем рысит в депо, покрикивая:

– Срочно паровоз! Без очереди!

– Это почему еще им без очереди?! – вопит собравшаяся толпа – станция забита застрявшими поездами.

Пулеметная очередь над головами выбивает штукатурку из вокзальной стены. Тихо.

- Потому что нам надо, – с равнодушной беспощадностью разъяряет голос, раздражая акцентом.
- Чехи, – говорит Аршинов-Марин.
- Откуда в Сибири чехи? – удивляется Махно.
- Через Владивосток – во Францию воевать.
- И шо им за буржуев воевать? Сидели бы дома...

6.

Кончилась Сибирь с ее тайгой, Россия пошла – кривоватая, сероватая, грязноватая.

Прут навстречу эшелоны, а в эшелонах тех – дезертиры гроздьями. Ссыпаются наземь по станциям и полустанкам, и полыхают страстями деревни.

– Дай-ка, – Махно берет у вертлявого уголовника артиллерийский бинокль. – Где украл?

– Меняю на самогон!

А в бинокль видно, как в неблизкой проплывающей деревне разъяренные крестьяне с вилами врываются в помещичью усадьбу. Пропорот барин, рассыпается утварь, коней выводят со двора, бабы тащат узлы, веселое пламя ударяет над крышей, а у забора насилуют, задрав пышные юбки.

– Лютует народ.

– Справедливость устанавливает. Хватит терпеть.

Глава шестая

ПЕТРОГРАД В 17-ом ГОДУ

1.

– А в марте как единоначалие отменили в армии, братва в Кронштадте все офицерье переколола!

– И што, не сопротивлялись, что ли?

– Какое там! Ну, хлопнет какой из револьвера, так ему тут же штык в брюхо.

– А больше всё или объяснять что-то хотели – или прятались, как тараканы.

– Хватит, покрасовались в кают-компаниях, покомандовали!

2.

– Товарищи солдаты свободной России! Солдатский комитет нашего полка постановляет: ввиду возможных потерь – командованию отказать в отправке нас на фронт.

– А-а-а-а-а-а!!!

Нам с нашими братьями, обманутыми немецкими рабочими и крестьянами, делить нечего! Штык в землю! И после – можно в брюхо своим буржуям!

Френч хаки, алый бант, пенсне на шнурке: комиссар Временного Правительства лезет на трибуну:

– Граждане свободной России! К вам обращаюсь я, друзья мои! Жестокий враг грозит занять нашу землю, поработить наших жен и детей! Наш долг защитников Отечества жжет наши сердца и велит нам...

– Идти на... по домам!

– Отправить интеллигентов с винтовками воевать!

– Засунь свой долг себе в...!

3.

– Только сознательный пролетариат завоеует свободу и счастливую жизнь! Смотрите: опять буржуи морочат народу головы, а все по-прежнему – войей, работай, хозяину подчиняйся, живи в бедности. Все это (широкий круговой жест) создано нашим трудом. Короче – будем устанавливать свою власть, рабочую! Записывайтесь в отряды Красной Гвардии! Винтовку с патронами – даем каждому. И по тридцать рублей денег на первый месяц. Подходите!

– А что делать-то надо будет?

– Пока ничего. А как придет час – всех хозяев скovyрнем и сами всем владеть и управлять будем.

4.

Керенский от Зимнего Дворца: наполеоновская поза, ораторские интонации, металлический баритон и патриотическая слеза. Да здравствует свобода!

5.

Анархисты и эсеры в толпах и собраниях:

– Народ сам установит, как ему жить! Никакого начальства!

– Во-во!

– Но социалистическая программа, чтобы все для народа, требует во главе самых сознательных и грамотных товарищей!

– Во-во!

6.

Ленин с балкона особняка Кшесинской:

– Революционные солдаты и матгосы, вместе с гогодским габочим классом и дегевенским крестьянством, должны взять всю власть в

собственные гуки! Только тогда будет установлено подлинное нагодовластие!

Толпа внизу:

– Во-во!

7.

Анархисты в большой квартире: анфилада комнат, высокие потолки с лепкой, паркет. Матросы, интеллигенты с бородками, меньше пролетариев и солдат.

– Дело вот какое, господа, – говорит лысоватый нестарый человек приятного, однако очень решительного вида.

– Здесь господ нет, – матросик.

– А также товарищи и граждане. Ничего, себя надо уважать, не надо навязывать другим свою точку зрения как единственную. Временное Правительство стремится заменить самодержавие царизма самодержавием буржуазного государства. Невелика разница. В любом государстве человек все равно не свободен. Подчинен чиновнику, подчинен законам, написанным чиновниками.

– А если не хочет подчиняться?

– Подчиняет армия, полиция, суд. Анархическая же наука ясно показала: человек должен быть свободен! Жить свободным обществом. Сами решать все вопросы. По-доброму, по-умному – договариваться друг с другом...

Чай, спирт, кокаин, махорка, патроны, портянки. Аршинов-Марин знакомит Махно с отговорившим оратором:

– Прошу любить и жаловать – Нестор Иванович Махно. Смертный приговор, бессрочная каторга, крестьянское происхождение, убежденный анархо-коммунист. А это – товарищ Волин, один из теоретиков современного анархизма, ссылки, эмиграция, личный друг самого Кропоткина.

– Петра Алексеевича? – спрашивает Махно испытующе. – А познакомить можете?

– А чего же нельзя, – улыбается Волин. – Вот что я вам скажу, коллега. Мы, анархисты, город терпим как неизбежное зло – вы знаете. Города неизбежно распадутся на содружества свободных

ремесленников. Но сегодня здесь – правят кадеты с их реакционной идеей государства чиновников, которые неким загадочным образом должны выражать интересы всех классов. А им вторят эсеры, эти нам пока близки, но на деле еще вреднее – они борются с нами за крестьянство, и хотят этому крестьянству посадить на шею опять же свое государство как систему власти над людьми. Да. Так начинать надо не с города. Свободный селянин – вот основа анархии. Он самодостаточен. Он сам себя прокормит – только не мешайте...

– Вот и я говорю, – вставляет Махно.

– А уже от крестьянских свободных коммун все и будет строиться, как от фундамента. Хочешь хлебушка – езжай в деревню, договаривайся с хлеборобом, давай ему взамен инструмент, ситец, стройматериалы и так далее. И тогда нахлебников – не будет! Свободная жизнь сама отберет – кто нужен миру, а кто нет. Так что, Нестор Иванович, вам сам бог велел начинать строить новую жизнь прямо от своего порога. Вы откуда?

– Из Гуляй-Поля, – говорит Аршинов-Марин.

– Какое прекрасное название!

8.

Жаркий июльский день, густая демонстрация – шинели, бушлаты, куртки – прет и катится по Невскому. Поспешно сделанные плакаты и транспаранты над головами – все больше красные: «Вся власть советам!», «Долой министров-капиталистов!», «Мир без аннексий и контрибуций!».

В составе толпы – идет колонна анархистов, все больше черная и матросская, и лозунги всё белым по черному: «С угнетенными – против угнетателей!», «Анархисты – за тружеников против власти!», «Анархия – мать народного порядка!»

Махно подчеркнуто спокойно движется между Аршиновым-Мариным и красивым матросом, отрастившим себе длинные волосы. Матрос ловит взгляды барышень с тротуара, и Махно косится ревниво.

Трещит сверху пулеметная очередь. Крики на тротуарах! Бешеное и беспокойное движение в рассеивающейся колонне.

– Вон с того чердака! – матрос сдергивает винтовку и бежит.

– Погодь, – Махно выхватывает наган и бежит за ним.

Парадная закрыта. В арку, во двор, озираясь, дверь черного хода, лестница, наверх. Дверь на чердак и отрывистый стук пулемета за ней.

– Раз... два... три! – вдвоем они выбивают дверь и влетают в полутьму. Два офицера лежат за пулеметом, поворачивают головы.

Бац-бац! – дважды хлопает наган Махно, и одна голова падает. Второго пристреливает матрос.

– А ты ничего, – говорит матрос.

– Это ты ничего, – лениво отвечает Махно.

– О! Гордый. Это мы любим. Перекурим, что ли?

Внизу курят, раскинувшись на лавочке, через плечо матроса перекинута набитая лента от пулемета.

– Федор Щусь, – представляется матрос. На ленте бескозырки блестит: «Гаврииль».

– Нестор Махно.

– Ты сейчас куда?

– Домой.

– А где встал?

– В Гуляй-Поле.

– Это где ж тако хорошее поле?

– А в Новороссии.

– И что там?

– Вольную анархическую республику хлеборобов организовать будем. Заглядывай, если что, флотский.

– А что. Здесь порядок наведем... на Черном море братве поможем. А там и заглянуть можно.

Глава седьмая

ВРЕМЯ СЧАСТЛИВЫХ НАДЕЖД

1.

В хате Махно мать и четверо ее сыновей сидят за столом. Время от времени заглядывают соседи и знакомые: поздравляют с возвращением младшего с каторги, выпивают и закусывают.

Делается тесно, потом начинает пустеть.

– За Емельяна, – говорит Махно и встает, и встают все, и выпивают не чокаясь.

Увеличенная местным фотографом карточка Емельяна на стенке в красном углу, в фуражке с кокардой и унтерских погонах он на той карточке, и георгиевский крестик слева на груди, и углы усов подкручены браво. На германской погиб Емельян, в пятнадцатом году, в Мазурских болотах.

– Не дожил братка до свободной жизни!.. – с бессильной страстью говорит Махно и бьет кулаком по столу, подпрыгивают и падают стаканы.

2.

А вот грабят имение. Фщщщщ! – полосует шашка перину, и снег летит из окна, кружась над двором.

Бах! – хлопает винтовочный выстрел, и третий глаз появляется в переносице старинного портрета. Мм-ме-е-е! – подает голос овца, тащимаая за веревку.

Грузят на подводы кровати, комоды, трельяжи, стулья – с веселой натугой и матерком. Взлетает в небо старинное ночное судно – фарфоровое, расписное – и брызгает вдребезги под револьверной пулей.

В закромах зерно, картошка, колбасы, варенья – делят почестному, поровну, и чубатые хлопцы осаживают толпу: «Осади,

громодяне! Как не совестно, тетка, ты вже брала!»

И кто-то уже, оглянувшись, смаху въезжает ближнему в ухо и прибирает из его рук ременную упряжь с бляшками: «Ничо... обойдешься...» И тут же пули взрывают землю у его ног, добыча вываливается.

– А вот у своего брать нельзя, дядько, – улыбочиво и опасно поясняет Махно, суя наган в кобуру. – Анархокоммунизм – это не грабеж, а справедливость.

3.

А вот грабят немца-колониста. Далеко в степь успела упылить запряженная парой линейка с родителями-стариками да детишками. Следя в чердачное окошко, немец раскладывает четыре гранаты и передергивает затвор карабина.

– Наверху! – говорит парень в солдатской шинели и расплюснутой в блин фуражке.

Нестройный густой залп, щепки летят от косяков, и в ответ кувыркается в воздухе граната.

– Ложись!!!

Взрыв вышибает стекла из окон, закладывает уши.

– Во боевой немчик, – одобрительно говорит Махно и встает, маша папайкой: – Стой, хер колонист! Тебя никто не грабит. Это происходит народная революция для установления справедливости. Частью хозяйства поделишься с обществом, и работай себе дальше!

– А общество чем со мной делилось? – интересуется немец сквозь прицел.

– А кто батраков эксплуатировал?! – негодует солдат и прикладывается: бац!

Бац! – стучает в ответ, и солдат складывается пополам и садится в пыль.

Следующий залп начинает немца свинцом.

– Вот это, товарищи, настоящая буржуазия. Добро нажитое дороже жизни.

– Да? А ты бы за так отдал?

4.

– Товарищи еврейские элементы торговли и производства. Мы предложили вам добровольно собраться, чтобы обсудить, как налаживать новую жизнь по справедливости.

– Разрешите вопрос, товарищ? По справедливости – это вы имеете в виду забрать все, или половину вам, а половину оставить нам, например?

Махно кашляет.

– Ну что же. Вы люди грамотные, и понимаете курс анархии в общем верно. Когда я наживал чахотку на царской каторге, никто у меня не просил поделиться сроком, верно? А ведь я и за вашу свободу здоровье отдавал.

– Таки он тоже прав...

– Значит, порешим так. Зарплата хозяина хоть литейки, хоть кузни, хоть чего, будет с завтрашнего дня равняться зарплате рабочего. Вы, конечно, можете ловчить и обманывать, мы в ваших делах не очень все понимаем. Но если найдут, что обманываете рабочих людей и свободное анархическое общество – расстреляю лично.

5.

Идет по полю свой землемер, переставляя острия саженного треугольника-циркуля. И толпа валит за ним, и за парой быков налегает на рукояти плуга сияющий владелец, бороздя между.

...Волны идут по золотой ниве, и курит в теньке под одинокой березой устало блаженствующий селянин. И обшарпанная винтовочка прислонена к березе.

...И просто наступает идиллия, когда бабы жнут и вяжут снопы, и мужики складывают их на подводы, и на токах мелькают цепи, и тяжелое зерно течет в закрома амбаров.

...И наступает время осенних свадеб, и тройки с бубенцами, с лентами в гривах несутся по степи.

6.

– А вот оно и счастье... – говорит Махно, посаженный отец на очередной свадьбе.

– И чтоб жизнь ваша была свободной и счастливой! – он встает со стаканом в руке. – Чтоб трудились на своей земле, чтоб не знали над собой никакой власти, чтоб все сами робили, и сами все решали, и кохали друг друга до самой смерти!

Пьет свадьба, шумит, закусывает, пляшет.

– Горько!

Часть вторая

БАТЬКО

Совет

И тут же – везде советы! – был создан Гуляйпольский Совет Селянских депутатов. А также, конечно, и рабочих. И солдатских депутатов тоже. Уси равны! Но селян все же больше. Хлеб – усему голова.

Гомон и вольная посадка кто где, потому что буржуазную государственную дисциплину мы отныне отвергаем. Табачный дым сизыми волнами, едкий, уютный, злой, – самосад рос по дворам, сушился пучками под стрехами, «козьи ножки» типа тонких бумажных фунтиков (кулечков) свертывали корявыми пальцами (спичек уже не было, били кресалами, раздували искру на труте из сушеного мха или распушенной нити).

А где собираться? В зале синематографа (уже были). В приемной (бальной) зале особнячка, экспроприированного у помещика или предпринимателя (а то кто и сам сбежал – пересидеть в сторонке смутный период). Подоконники широченные, стулья полумягкие, шторы бархатные ободрали (на обновки бабам), паркет уже затерт.

И прослоен вольный бивак прожженными шинелями, солдатскими фуражками, кульями, костылями; и высунется здесь-там обтертый до простецкой белесости ствол. В мире-то все гроыхает.

Плакали жалобы. Гремели лозунги. Ликовали надежды. Своя рука владыка.

Вот только мужик не привык вылезать вперед и командовать. Мужик привык быть в толпе среди своих и подчиняться, ворча и обсуждая. Выставленный на тычке мужик робеет и потеет в неуют. И грамотешки не хватает.

Вот Махно, Нестор... Он с детства заводила. Отчаюга. Он из бедняков, сирота. Свой. И он – настоящий ревалю... цинер. Жандармов убивал, деньги для революции, для счастья простых

людей, у царской власти отбирал. К смерти приговорен, в петле стоял!
И...

Лидер

Все народные вожди подразделяются на две категории.

Первая – люди изначально повышенной энергетики, честолюбия, агрессивные выпендренники. Он на ровном месте станет бригадиром, или сколотит шайку, или сбежит в столицу покорять мир: его выпирает наверх из квашни, как ледниковый булыжник из весенней пашни. Он станет богатеем, или художником, или разбойником, или политиком. Он любит подчинять, покоряет с наслаждением, командует в охотку. И ему подчиняются: он автоматически сколачивает команду, единую в действиях.

А вторые словно просыпаются только на нужный период. Исторические протуберанцы взметают их из мелких щелей повседневности – куда они вновь опускаются, когда бури сменяются тишиной. Тихие люди, скромные труженики – они, будучи востребованы временем, фокусируют в себе огонь катаклизмов. Воля, энергия, ум, храбрость – ярко проявляются только при острой надобности, тогда уж в полном объеме и цвете.

Махно не рвался к власти. Отнюдь. Природный анархист, он презирал власть. И отрицал любое общественное устройство, основанное на власти. И с брезгливой ненавистью относился к любым властолюбцам, видя в них причину всех бед человечества.

Он мечтал о ладе. Чтоб жили все мирно, и трудились честно, и договаривались меж собой обо всем, и никого над собой не знали. Есть такие натуры: никому не подчинюсь – и сам никого не неволю.

Но. Хладнокровие, сметливость и мужество. Позволяли ему видеть, как надо действовать. И брать на себя ответственность. И первым идти в опасное место.

А приведенные в возмущение народные массы осознают потребность в координации действий: «Говори, чего делать надо!»

Вождь олицетворяет общественное стремление.

Под Социалистической Радой

Лето-осень 1917 было звездным часом анархии. Власть вроде себя объявила, а вроде ее на большей части земель не было вовсе.

Петроградское, то бишь Всероссийское Временное Правительство, отправляя во все концы и веси своих комиссаров, ткнуло пальцем и в Гуляй-Поле.

Комиссар приехал, был напоен, накормлен, обматерен и отправлен от греха обратно.

Уже украинский, киевский комиссар приехал с одобрением этому верному самостийному поступку. С ним обошлись в точности по предварительному сценарию.

Тогда из Александровска пришел воинский отряд. Эдакий сводный батальон, у которого русские кокарды были заменены на украинские трезубцы. Ну, чтобы напомнить о подчинении центру, Раде, то бишь. Отряд распропагандировали и «разложили»: отдохнуть, выпить-поесть, ступайте хлопцы себе на хрен подобру-поздорову.

Царя нет, разные самопровозглашенные правительства друг другу не подчиняются, закон – винтовка, и Гуляйпольский Совет – власть себе не хуже любой другой. Парад суверенитетов.

Анархическая республика хлеборобов

И поделили землю, и поделили панское добро, и отлично отсеялись, и отлично убрали урожай. И отыграли осенние свадьбы, и приготовились зимовать. И оружие принесли с собой из армии, и экспроприировали у бывшей полиции, и выменивали на продукты у проезжавших дезертиров, и покупали на ярмарках.

И собирался Совет. Разбирал споры и решал вопросы. Вот оно – счастье: всё сами.

И набравшийся на каторге революционной науки и образования, справедливый и бескорыстный Махно, его председатель, был одарен правом последнего голоса.

Октябрьский переворот

И думали так: вот соберется Учредительное Собрание, и будет также решаться на нем вопрос об отделении Социалистической Украины, а анархисты многочисленны и влиятельны, и наряду с независимостью полной или частичной разных краев Прибалтики, Азии и Кавказа должен по справедливости решиться вопрос о законности немалого края Новороссии – Гуляйпольской республики трудящихся хлеборобов. Мы трудимся, никому не мешаем, хлеб мирно менять будем на товары заводов, и всем трудящимся мира мы братья.

Тут 25 октября в Питере и громыхнуло. Конец Временному Правительству?

Робя! Это же наши власть-то взяли! Социал-демократы, и эсеры, и анархисты! Дыбенко, Центробалт, балтийская братва – это же анархисты! Анархокоммунисты и большевики – это ж летние кореша! Вся власть советам! А мы что говорим?!

Те-те-те. Киевская Рада переворот не признала. А она нам не указ! Атаман Каледин на Дону переворот не признал, всех верных законному Временному Правительству к себе зовет – пойти вместе на Питер и восстановить порядок. Да и хрен бы с ними.

Но. Рада говорит: быть Украине единой! А нам на хрен их власть? А сторонники Временного Правительства говорят: Россия едина и неделима! Спасибо: мы сами хотим свою судьбу решать. А вот новое-то правительство, нашенское, эсеры-анархисты-большевики, говорят дело: а берите все суверенитета сколько унесете. Хватит держать людей в тюрьме народов! Эстонцы, киргизы, армяне – пожалуйста, порядок вот наведем, со всеми отношения установим, и живите как хотите сами. А принадлежать все должно трудящимся, идет всемирная революция, привет братьям.

Так что. Мы Питеру сочувствуем. Но – сами по себе. Вооруженный нейтралитет. Нам ни от кого ничего не надо.

Офицеры

Байки насчет офицерских групп, уничтожаемых осенью 17-го классово чуждыми селянами, сложены одними дурачками для других.

К ноябрю 17-го офицер был – недоверчив и лют, познав уже цену народной любви и солдатской благодарности. Одиночки –

переодевались в штатское, печатали на машинках подходящие документы, печати резались из резины умельцами; отращивали щетину, пачкали руки под рабочие, шпалер в карман – время военное, реальные документы и деньги зашивали в белье, в подкладки рваных пальто. Слухи о резне и самосудах пропитали офицерство.

А вооруженные группы – это были боевые единицы не селянам чета, а хоть и разбойникам. Три года окопной смерти, пулеметы и газы. Механически отмечает глаз господствующие высоты, и укрытые от возможного огня ложбины, и подходящие для пулеметных точек места. Если до сих пор жив офицер – значит, правила выживания под смертью давно понял. Избегай всего подозрительного, не рискуй без необходимости, намечай путь отхода и прорыва, всегда контролируй ситуацию, не вступай в контакт с превосходящими группами, выбирай позицию, при неизбежности – убей или оторвись.

Зимой 17-18-го отчаянный офицер шел на Дон, как игла сквозь ветошь, и был опасен такой офицер хуже зажатого в угол волка. Редко кого пристреливали по сонному делу или из засады – ради оружия и куража мужицкого.

Цена жизни

Подешевел человек за революцию. Подешевел человек за войну. Много эту расхожую фразу повторяли, много писали.

Убить человека – просто. Это только в первый раз – переживания. А там – привычное дело. Из года в год – рядом с тобой умирают и убивают. Это в одиночку страшно. А на миру смерть красна во многих смыслах. Жизнь продолжается, и дело общее продолжается, и на глазах окружающих надо до последнего момента держаться достойно, не хуже других. А чего страшного, все там будем.

Рефлексия исчезает. Тупеет чувство, стихает воображение. Ну – убил и убил. Пристрелить – дунула плоть круговым ударом от точки входа пули. Миг еще стоит человек – и вдруг брык резко: словно дошло, что Удар пули принят телом. А входит клинок – складывается человек на земле и лежит тихонько, отходит чуть шевелясь. И ничего страшного. Живем дальше. Ты живых – тех бойся.

Владеть оружием

Стрелять – просто. Чтоб руки не дрожали, чтоб глаз хорошо видел, а еще – дыхание умерить на выдохе, крайним суставом пальца тянуть спуск ровно и осторожно, ход курка своего оружия знать – и на выстрел поймать секунду между ударами сердца.

Еще мальчишкой примерялся Махно к револьверу, а сейчас – эпоха и должность требуют. Фронтовиков полно, инструктаж, солдатский наган взводишь сам, а офицерский – двойного действия, самовзвод, ходом спуска курок взводится. Сверху опускать ствол на цель – один прием, снизу подводить – другой, навскидку от пояса – уже третий: здесь представь, что ствол – это твой длинный палец, и вот пальцем этим ты в цель тычешь: сжиться надо со стволом, почувствовать его как часть тела.

Маузер тяжел, ручка у маузера неудобная, круглится узковато, и здесь приспособиться надо локоть держать чуть согнутым и расслабленным, тяжесть оружия оттягивает кисть вниз, выбирается излишняя слабость мышц и появляется устойчивость в запястном суставе. С этого упора подавшейся вниз к локтю кисти – за полверсты летит в цель с непревзойденной скоростью и точностью маузеровская пуля, пронизывая насквозь.

Надежность бельгийского и германского оружия – непревзойденная.

Хуже с сабелькой, с шашечкой хуже. Годами учился конник владеть клинком. Фехтование – наука долгая. Плечо накачать, запястье разработать, связки прочней жгутов, и локоток оттяжки добавляет. Своей жизнью живет клинок в руке, исполняя ее желания. Наклонил плоскость лезвия к траектории удара, пустил руку вкруговую от плеча, а острие – вкруговую от рукояти, подсел в такт на стремянах – в свист и касание разваливает кончик шашки податливое тело.

Как многие, кто мелок телом и крепок духом, впился Махно в оружие. Выезжал в поле, рубил лозу и тыквы, стрелял по камушкам и перешибал сучки. Быстр был, ловок и цепок. И команда боевиков подобралась. Мир кругом стоял такой – перерыв между войнами, и никто не обещал никому иного.

Немцы

Взяли зимой большевики Киев, выбили Раду из столицы: вот тебе и одни социалисты против других. Харьковская Красная республика покрасила Киевскую независимую.

– Они – паны, помещики! – убеждал гуляйпольцев харьковский большевистский комиссар. – Они хотят расколоть украинских и русских трудящихся, а украинских помещиков, наоборот, мирить с украинскими крестьянами – земли отдай назад и работай на хозяина!

– Мы всем показуем пример, – гнул свою линию Махно под одобрение прокуренного зала (знай нашего!). – У нас помещиков не будет. И все трудящие кругом с нас берут пример. И республика наша растет все шире. А диктатура пролетариата, партия – это не для нас. Время показывает – наша линия правильная.

– Вы ждете, покуда враг к вам в дом придет?

– Покуда это вы норовите из Питера к нам прийти. Вы зачем в Киеве? Украину подчинить? А по нам – пусть все живут сами по себе!

– Мы – украинским угнетенным трудящимся помочь!

– Они вас просили в Киеве тех образованных расстреливать?

И еще снег не сошел, как выкатились красные части с Украины, и малые немецкие гарнизоны заняли ее. Большая часть германских войск была переброшена на Западный фронт, а меньшая часть счастливых ударила по курам, сметане и галушкам.

Гм. Южнее немцев Австро-Венгрия ввела, кроме собственно австрийцев, еще мадьяр (жестоких и жуликоватых). А также чехов и словаков, настроенных скорее миролюбиво.

М-да. Но сдавать продовольствие для нужд немцев селяне категорически не хотели. Там вырезали патруль, здесь ночью пощипали гарнизон – тихо началась партизанская война.

Немцы выкатили выговор Раде: ну?! Жратва?! Уголь, железо?! Порядок вы от нас получили!

Те-те-те. Осторожно оглядываясь, возвращались некоторые хозяева и помещики. И освобождал частично народишко полуразграбленные усадьбы. И работали пролетарии на заводах и в мастерских за положенную зарплату. А куда денешься?..

Хлеб, картошка, сало, гречиха. Уголь, железо. Масло коровье и подсолнечное! Табак! Потихоньку поехали в Германию и Австрию

тоже.

Но. Да. Немцев было мало. Ночью они предпочитали не передвигаться. Запирались в избах и дежурили при пулемете. Перекладывая обязанности по договорному снабжению и порядку на самостоятельных воинов.

Гуляйпольский совет (теперь уже полуподпольно) постановил:

– Немцев мало, вояки они хорошие, раздражать не надо, тем более мобилизованные пролетарии. Разоружать, объяснять, отправлять домой. А вот киевским сборщикам налогов – вломить можно по полной!

О-па! Помещика пожгли. Заводчика повесили. Сборщиков налогов постреляли в овраге. А редким немецким разъездам махали белым флагом: вон наши пулеметы по буграм – а вот сало с горилкой для вас. Сдавай винты, немецкие пролетарии, – и ступайте до хаусов!

В результате немцы предпочли сидеть в Киеве – обеспечивать власть Рады. А она пусть сама делает остальное.

Варта гетмана Скоропадского

Немцы всегда скептически относились к организационным способностям славян. К чему, следует признать, имели основания. Управляющий-немец в имении или на фабрике был явлением российски типическим.

Немцы надавили на Раду. Гуманитарно-независимая Рада вспыхнула: мы не рабы, рабы не мы. Набравшийся в военных секретарях милитаристского духа Петлюра забыл мелкочиновничье прошлое и воевать с собственным народом отказался.

Не в силах сменить народ, немцы сменили правительство. Раде объяснили, что завтра немцы выгребут жратву от ее имени – и отойдут в сторонку полюбоваться, как озлобленные селяне порвут ее на гуляш по-сегедски. Задействовали пятую колонну – немцев-колонистов из Новороссии – и, собрав съезд советов, продавили избрание в национальные правители – гетман! – представителя славного рода Скоропадского. И чтоб слюшали сюда, герр гетман!

Войско наименовали вартой. Внешняя граница гарантировалась германско-русским договором, и варта исполняла роль вроде дивизий

МВД. Повзводно и позскадронно, реже – полубригадой с батареей конной артиллерии – варта имела задачей контролировать пространство самостийной державы.

Гетман не был социалистом. В классово чуждой социалистической Раде немцы сильно разочаровались. Замену ее на гетмана можно считать политической реакцией на германских штыках. Поместная знать поддержала гетмана, варта поддержала возвращающуюся в полуразграбленные поместья знать.

Тем временем стало тепло, и воевать стало легче. Взошли посевы, и согнанные с полученной было земли крестьяне на прокорм семей пошли к вернувшимся хозяевам в батраки. От ненавидящих взглядов добрых работников загорались крыши.

Во-от тогда возненавидели и немцев, и киевскую самостийну власть.

Свадьба

А-э-то-свадь-ба-свадь-ба-свадь-ба-пе-ла-и-пля-са-ла!! И-но-ги э-ту свадь-бу вдаль-несли!!! Помните песню? Ну так имела место в 18-м году свадьба знаменитая, как вынутая из седых легенд, о ней кто только ни писал.

Вернулся в свое имение серьезный пан: седые усы, брюхо в бархате, пальцы в перстнях. С дочерью вернулся: вспыхивающая от застенчивости юная красавица, тонкая талия и толстая коса. И жених с расформированного германского фронта вернулся: уже молодой полковник варты, ножны прадедовской сабли в самоцветах, чупрына воронова крыла и осанка молодого магната.

Залы убраны, столы ломятся, знатные гости здравицы провозглашают, военная молодежь кубки опрокидывает и в воздух палит, пьяных в тенечке складывают. На золотой поднос драгоценности бросают и пачки пестрых ассигнаций: не нищие подарки дарят молодым.

И разъезд варты, десятков конных, завернул на выстрелы в имение – да молодецким жестом хозяина их к столу: выпить за молодых.

– За природную нашу вольность да за свободную нашу землю! – провозгласил заезжий офицер, маленький и острый, как хореk.осушил

чашу, кинул оземь, неуловимым движением выхватил два нагана и одну пулю вогнал в лоб отцу, а другую – жениху. Пятифунтовые бутылочные бомбы рванули в другом краю столов, сметя публику осколками, хлестнули свинцом по самым расторопным короткие кавалерийские карабины, и пулеметной очередью от коновязи покрыл праздник легкий французский «шош».

Гранаты! – отчетливо скомандовал офицер, бешено горя глазами, и взрывы раскидали остатки смятенного праздника. – Огонь! – скомандовал он, и поспешные хлопки выстрелов опрокинули немногих, пытавшихся отбиться. – Сдавайся! – он вспрыгнул на стол, стреляя с обеих рук на любое подозрительное движение.

Полсотни еще живых, оглушенных и деморализованных гостей, собрали под стеной. Пулеметчик кончил набивать диск. Хлопцы вставили обоймы. Махно защелкнул оба снаряженных барабана:

– Прибрать кровососов. Огонь!

Выводили лошадей из конюшни, без суеты грузили подводы:

– Сначала – всё оружие и патроны. Седла, упряжь! Да верховых всех приторочь!

– Обувку сымай с них. Форму, одёжу.

– Нестор, а что со всем тем добром делать – с посудой, и другое?

– Так. Кто там? Работники. Слуги, в общем. Быстро – брать кому что охота. Сейчас запалим все.

Полчаса прошло: утянулся за холм обоз, прозрачно и неярко запыляла на солнце усадьба, горелой плотью потянуло от огня.

И как ничего не было.

Свадьба-2

Понравилось. Хитрость и маскировка – основа партизанской войны. А партизанской войне народ учить не надо: прикинуться невинным, убить исподтишка и скрыться, мол ни при чем я, – это в природе, в крови. Главная трудность – когда компания (отряд, группа, шайка, банда) большая: разбежаться по домам нетрудно – труднее собрать всех в один нужный момент. Так ведь и это умение – дело наживное. Так еще немецкие крестьяне при Лютере рыцарей били.

И тянется утомляющаяся от собственного веселья свадьба по горячему пыльному шляху. Невеста уже украдкой семечки лузгает, жених ко штофу с дружками прикладывается. Родители на отдельной бричке старые песни заводят, дивчата с подвод новые выкрикивают, бандурист гармонисту вразнобой. Встречные разъезды крестятся на икону, крикают после чарки, желают хозяйства да детишек.

Протянулись сквозь все село, и уже на выезде – раз, два, три! винтовки из соломы, пулемет из-под ковра! – «Огонь!» – зазвенели стекла в барской усадьбе, с ревом ворвались сбросившие маскарад хлопцы: кровь по лестнице, мозги по мощеному двору. Крутится Махно на кауром жеребце, с удовольствием хлопает самых храбрых из новенького маузера: заговоренный, следит за положением.

Не стало в усадьбе полуэскадрона варты расквартированной, и хозяев, и хлеба с инвентарем, и коней со сбруей, мебель и утварь как муравьи уволокли селяне бесследно, и самой усадьбы не стало в прозрачном пламени.

– Значит, так, громодяне. Бери что хочешь, если оно другим не взято: трудись свободно, живи честно. Коня береги. Оружие сховай. А надо – придет до вас человек, хоть днем хоть ночью, хоть конный хоть пеший, с приказом да сроком. Пойдете бар бить, белу кость сничтожать, за счастье простого народа биться?

Ревут крестьяне согласно!

Партизаны

Лесов в Новороссии нет. Как стол степь, в укрытии не отсидишься. При доме, при хозяйстве, при семье – живет себе мужик, крихтит под законом, кланяется власти, покоряется силе. А ночью – винтарь отец да шашка матушка, хо-па – и нет варты, и нет бар, и мадыарского отряда тоже нет. Свищи ветра в поле. От-кель добро? – да с ярмарки, на кабанчика сменял. От-кель конь? – да цыган блудилый за женины серьги золотые продал. Винтовка на огороде прикопана? – да с войны принес, у нас все их с собой брали, время такое, чего ее бросать-то было. Как приказ был сдавать?! Отец родной, да забери ты ее от греха, да чтоб не видел я ее, да не губи ты детишек малолетних ради, я ж с нее сроду не стрелял! вот те крест!

А головка движения – то там нашумела в гайдамацкой форме, то за триста верст в австрийских мундирах австрийцев же в клинки взяла, то эшелон хлеба на станции сожгла ночью. И нет ее.

Хреновень

В мае с севера и востока просочились люди, а допрежде людей просочились слухи. Что большевистско-эсеровское правительство – коммунистическое правительство! – силой да под расстрелами выгрывает у крестьян зерно подчистую. Только бы зерно... Мясо, сало, картошку, капусту, репу, подсолнух – все, что годится для пропитания. Ложись да подыхай! Продразверстка.

А ярмарки большевики запретили, и торговать в городе тоже запретили, и вообще менять хоть что на что запретили, а только сдавать властям. И за нарушение кара одна – расстрел.

И стали крестьяне по возможности красные продотряды уничтожать, и комиссаров к ногтю, и власть их от антихриста.

И пришли сведения, что в апреле красное правительство всех анархистов заарестовало, и многих расстреляли, а многих под стволом заставили отречься от своих идей и пойти под начало партии большевиков. И флотскую братву перекрестили, и старых идейных борцов объявили вне закона.

А потом объявили вне закона всех эсеров. Заслуженных каторжан снова сунули в тюрьмы. Несгибаемых революционеров расстреливали по подвалам. Врали, что устроили эсеры мятеж, а в чем тот мятеж, кто от него пострадал, что мятежники сделали – о том ни слова.

– Власть под одну свою руку подбирают, как вожжу на кулак!

– А с Дону надвигается власть того хуже. Казак к мужику лютый, казак мужика за человека не держит. А во главе у них белые генералы, и вернуть они хотят прежний порядок. Землицу отдай – и гни спину...

– А немцы поддерживают гетмана, а при гетмане – пань, баре, помещики да колонисты. И тоже все за прежний порядок, да и еще все грехи нам попомнить грозят.

– А Петлюра до себя всех скликает немца и гетмана бить. Но он самостийник, и он социалист. Также – власть, государство, – хомут на шею и живи по чужому приказу!..

Учитель засаленную газету читает. Бывший унтер чего в городе слышал пересказывает. А вот морячок от частей товарища Дыбенко куда подальше подался, где-то на Украине затаился Дыбенко в боязни расстрела бывших друзей:

– Конец скоро большевичкам, и не сумлевайтесь! Все их ненавидят, никто с ними не ладит! Да под ними и нет почти никого. Где белые, где немцы, где чехи, где эти из Учредилки бывшей.

Вздыхнул Махно, показал налить горилки, выцедил словно воду и кулаком занюхал.

– Куда ни кинь – везде клин. Ни гетман, ни генерал, ни самостийники нам не союзники. Одни сразу придавить хотят, а другие сначала на трудовом селянском горбу подъедут в рай – а потом уже используют да скрутят на свою пользу. И у всех какая-никакая сила. И какая-никакая своя правда. А большевики ба-альшую промашечку делают. Рабочие их голодные, а селяне ненавидят. И пощады им ждать не от кого.

– Это ты к чему?

– А и просто все. Люди они решительные, отчаянные, правительство скинули, власть взяли и не отдают. А используют власть по-дурному. Значит – что? У них – города некоторые, также заводы и оружия арсеналы. В союзе с ними мы отбиваемся – а тем временем крестьянство все переходит на нашу сторону. А крестьянство – это, почитай, почти весь народу.

– А потом?

– А потом, если перестанут нам быть нужны – мы их самих вне закона объявим!

– Га-га-га!

Старые друзья и мозговой штурм

Ох не сразу приходило понимание. Ох не сразу прояснялась обстановка, туманнее тумана и запутанней сыромятного узла на хомуте. Не сразу прояснялось решение, точное и сильное, как выстрел сквозь листву.

Сначала появился вдруг в Гуляй-Поле Аршинов-Марин – галстук, шляпа, саквояж, бомба на поясе и наган в кармане,

– Нестор! Ну – вот и принял я твое приглашение! – Обнялись.

По крышам бежал Аршинов-Марин с квартиры, штурмуемой латышскими стрелками Петерса. На крышах вагонов добирался.

– Вот тебе и союзники. Вот тебе и друзья! И ведь мы и во власть к ним не лезли, и в управление не лезли. Мы просто стояли на своей точке зрения: свобода. Государственнички, диктаторы, что с них взять... ну же и шкуры подлые..

Еще время – на подводе припылил со станции Волин (Эйхенбаум, петроградского профессора брат). Достал для возчика мелких ассигнаций из всех мест, снял потертый котелок с ранней лысины, внесли за ним неподъемный чемодан книг.

– Слава идет о вашей вольной республике, Нестор Иванович! В обеих столицах говорят.

За столом налили мясного борща, нарезали хлеба – без счета хлеб, белый, высокий; горилка в стаканах, соленья в мисках.

– За свободу! За вольный трудовой народ.

– Говорят о нас? – польщенно переспросил Махно. – И чего?

– Что вольный край. Что никто никого не принуждает. Что ничьей власти крестьяне не признают. А кто сунется – берутся за винтовки и уничтожают. И что ширится ваша территория с каждым днем.

– О це так. О це добре. – Ослабился Махно: – Наливай!

И явился, вразвалочку и загребая клешами, перед зданием Совета красавец: каштановые локоны до плеч, бескозырка на бровь, маузер в лаковой кобуре по бедру бьет:

– Ну? Кто тут анархисту с Балтики руку пожмет? Есть братья?

– Федька?! Щусь?! Решился?

– В гости звал? Ну – примамай. А то шо-то в Питере змеи подколодные душить стали революционных борцов.

Стал комиссар их сводного полка грозить децимацией. Это шо? Это за отступление в бою или другие грехи – расстреливают каждого десятого. Приказ наркомвоенмора Троцкого. Но с морячками он промашечку дал. Застрелил Федька комиссара, и охрану его на всякий случай, само собой, в штаб Духонина направили. А братва подалась кто до Черного моря, кто по домам, кто куда.

– Уж если бывший председатель всего Центробалта, один из главных людей рабочей революции Пашка Дыбенко от расстрела где-то тут недалеко скрывается – не то под Одессой, не то под Самарой, –

не, братишечки, нам с большевистскими кусучими клопами не по пути.

...И катится в зенит безумное лето восемнадцатого года, года безбрежных надежд и крушения миров: нет больше старого мира. И коротка душная новоросская ночь, и колеблется дорогой керосиновый огонек под сквознячком, отгибающим занавески на окнах.

– Сожрут они большевичков, как Бог свят. Злые большевички, жадные и глупые. И опоры им нет больше ни в ком. И что тогда?

– Верно. И нас жрать станут. С любой стороны власть – дышать не даст.

– Ну что, Нестор Иванович? А не вступить ли нам с ними во временный военный союз?

– Ста-анет, станет он с вами разговаривать. И знаешь почему? Потому что больше никто с ним сегодня разговаривать не хочет. То есть, позиция у вас для переговоров самая что ни на есть выгодная и своевременная.

– А кроме того – они и на мир с нами, тоже должны быть согласные. Абы против них не шли, да еще и хлебушка иногда давали.

...И теребили опасно телеграфиста, пока он не достучался своим ключом до харьковского комиссара. И пригнали Махно большевистский мандат, и известили Кремль о намечающемся решении украинского вопроса и визите нового союзника.

Вот так Нестор очутился в поезде. И пара хлопцев для охраны.

Москва. Кремль

«Председатель Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Республики хлеборобов Новороссии».

Ну что ж. Ничего особенного. На территории бывшей еще год назад Российской Империи – сегодня за тридцать новых государств. Мировой пожар, развал тюрьмы народов. А велика ли Республика-то? А и ничего – от Харькова до Екатеринослава, от Александровки до Луганска, так примерно. Това'гищи, да это же чуть не четверть Украины, это же как... половина Прибалтики! Да сегодня у нас самих ненамного больше в прямом управлении – от Питера до Тулы да от Смоленска до Ярославля...

– Еще бы не п'гинять! Обязательно п'гинять, батенька!

Ох был непрост Махно. Ох был смекалист. Многое успел передумать за тюрьму и каторгу. И умел слушать тех, кто старше и образованней – мотал на ус.

Несколько дней в Москве жил он по залегшим на дно анархистам, Волин и Аршинов дали адреса и устные инструкции. Расспрашивал. Ходил в большевистские клубы, слушал доклады и дискуссии – уяснял текущий политический момент, уточняя линию будущего разговора.

Он провел в Кремле два дня. В первый – был принят в ЦК и имел долгую беседу с Бухариным. «Коля-балаболка» при гарантиях собственной безопасности был ужасным сторонником террора.

– Правильно и неограниченно применяемые репрессии против врагов революции, товарищ Махно, – это чудодейственное оружие, способное приносить победу даже маленькой, но сплоченной группе в борьбе против полчищ врагов, разлагаемых собственной мягкотелостью!

– Вы когда-нибудь озверевших мужиков видели, товарищ Бухарин?

– Вот пусть это и будет последним, что суждено увидеть в жизни нашим непримиримым врагам!

– Немец – хороший солдат. А мадьяр – он и сам часто зверь. Классовый враг помещик от нас пощады не имеет. А вообще сила сегодня не на нашей стороне. Если зверями себя поставить – резню они устроят селянству, товарищ Бухарин. («А вот это то, о чем Волин предупреждал. Мы с самостийниками порежем друг друга, а потом большевики придут на пепелище и установят свою диктатуру».)

– А если силенок вам подбросить? Военному делу подучить?

– Мы думаем, именно такой союз мог бы принести пользу и нам, и вам.

– Да вы с чего же себя от нас отделяете?

– Да я здесь вот именно, чтоб говорить об объединении.

Назавтра перед Махно распахнулась дверь с другой табличкой: «Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов товарищ Яков Михайлович Свердлов».

Встал навстречу из-за огромного стола – немногим разве выше Махно, щуплый, обезьянистый, чернокурчавый в пенсне. Рукопожатие

и разминка-допрос без предисловий: зачем вы здесь? каковы ваши планы? чего ждете от встречи? настроения на Украине? почему вы не помогаете нашим гвардейским отрядам? чем мы можем быть полезны вам, а вы – нам?

Еще на следующий день, в час ровно, его принял, в сопровождении того же Свердлова, Владимир Ильич Ленин. Прищур, касание к плечу, кресло, чай.

– И как же ваши к'гестьяне восприняли лозунг: «Вся власть советам на местах»?

– Хорошо восприняли, правильно. С душой. Вот у нас в Гуляй-Поле вся власть и принадлежит Совету. Сами собираемся, сами решаем, сами исполняем.

– Вот это п'гек'гасно! Это и есть идеал госуда'гства т'гудящихся, когда оно уже становится п'гямым на'годным п'гавлением. Но скажите сами: ведь селяне еще частенько бывают несознательны? не очень политически подкованы? слабовато понимают последствия идущих событий?

– Случается, конечно. Хотя грамотные люди у нас есть.

– Это кто же? Ана'гхисты?

– В основном да. (Знает. Доложили. Свое гнуть будет.) Анархия – она более всего подходит вольному селянству. Сами робим, сами что надо меняем, своим умом живем. Ни у кого ничего не просим.

– А вот и лукавите, батенька! Здесь-то зачем вы? А потому что силенок маловато, помощь вам нужна. Винтовочки-то поди есть, а пат'гонов уже и нет, а? С Дону беляки, с запада немцы, союзников нет, так хоть с нами тепе'гь взаимопомощь наладить, а?

– Так ведь мы ж вам выгоду предлагаем, Владимир Ильич. По продразверстке крестьянин ничего не даст. Продотряды ваши будет уничтожать...

– Ах вы какой! Помогаете ми'говой бур'гуазии уничтожать п'галета'гиат как класс? пусть подохнет с голоду? Так потом ведь и всех селян ваших к ногтю! Не отсидитесь в своем хлебном к'гае! Только союз!

– Именно так я и думаю. На насилие и террор народ ответит тоже террором. А организованным порядком хлеб городу поставлять можно. А от города получать тоже нужное. Боеприпасы, мануфактуру, керосин.

– П'гедположим! Хо'гошо! А почему же не дать мужику возможность самому выби'гать между ана'гхистами и большевиками? Мужик умен, сам все поймет. Мы к чему гнем? Мы к тому гнем, что пока ми'говую бу'гжуазию не уничтожить полностью – она т'гудящимся спокойной жизни не даст! Вы же сами видите! Вы хотите хлеб сеять – а немцы его вывозят! Только вместе! Только всем сжаться в единый кулак! – Ленин стукнул кулачком по столу, звякнул подстаканник. – А'гхиважно понять: по пути нам с вами!

...Хорошо, размышлял Махно по пути из Кремля. Мы пока получим мирную сторону на северо-востоке, боеприпасы, оружие. Совместные операции, если сунутся белые. Хлеба будем давать... по возможности. Сколько селяне на месте решат и позволят. А тем временем красные будут видеть, что у нас жизнь свободная, справедливая, счастливая. И проникнутся нашими убеждениями. Свободным да счастливым все хотят быть.

... – Хит'гы мужички, – задумчиво говорил Ленин Свердлову. – Но нам сейчас этот на'годный г'азбойничек полезен. Нужен.

– Конечно, Владимир Ильич, – поддакивал Свердлов с излишне честными глазами. Считанные недели оставались Ленину до ранения неизвестно кем и для чего – и Свердлову до скоропостижной смерти от гриппа (единственной в правительстве). – Мы связаны брестским миром, обязаны признавать границы Украины: немцев бить не можем, хлеб с Украины брать не можем. Вот и подбросим Махно огоньку: пусть режет немцев и гетманцев и кормит город. А это будет и приближать мировую революцию в Германии, и ослаблять буржуазию на Украине, и уничтожать анархобуржуазный элемент на селе.

– А он получает от нас легитимность своего анаг'хического г'ая! – подхватил Ленин. – И будет дг'аться сейчас с ут'гоенной силой!

...Гражданская война – это революция, растянутая в пространстве и времени. А революция – это перераспределение власти во имя перераспределения собственности. Стратегия революции и гражданской войны – это умение сделать себе союзниками всех на пусть минимальный момент совмещения интересов – а затем ликвидировать всех союзников по одному, по мере того как только интересы одного начнут отщепляться от интересов других. Заканчивает революцию всегда самый прагматичный, предусмотрительный, циничный, расчетливый, коварный,

эгоистичный. Дело революции делают в основном другие – потом он припишет все подвиги себе?

Кропоткин

Легендарный в мире русский революционер, после Прудона и Бакунина признанный лидер и живой классик мирового анархического учения, князь из древней аристократии рода Рюриковичей, седой и крепкий старец, Петр Алексеевич Кропоткин был в это время в Москве. (И бывшие народовольцы, и анархисты, идеалисты и авантюристы всех мастей – все ринулись в 17-ом в Россию...) (Через два года, в подмосковном Дмитрове, мало не дожив до 80, он тихо угаснет под исход глухой к разуму и пощаде гражданской войны – подобно многим возвращенцам, интеллигентам, бывшим Революционерам из мыслящих...) – Спасибо, что среди ваших дел – нашли время навестить старика. – Рукопожатие Кропоткина было крепким, рука ширококостной.

Махно сиял почтением и восторгом (уважал и себя за эту встречу!). Учитель, вождь, – принимает его у себя в доме, протягивает руку, сажает за стол, накрытый к чаю!

– Это великое счастье для старика – дожить до вашей республики, видеть воочию то, ради чего жили мои великие учителя, и вот так запросто пить с вами чай – с человеком того самого будущего, о котором мы мечтали!

Махно краснел и не знал, куда девать руки.

– Это очень удачно, что в самом начале вашего революционного пути вам встретились именно анархисты. Я готов допустить, что вас избрала судьба, чтобы вашими руками проводить завершающий этап социальной эволюции – создание свободного производящего общества.

По канве разговора, разумеется, Махно должен был вставлять реплики и не только отвечать на вопросы, но и задавать их сам.

– Если мы сейчас начнем всерьез воевать, Петр Алексеевич, значит, нам понадобится командование. Военская дисциплина. А подчинение человеком человека – не отвечает идее анархии, нарушает

ее дух. Как же правильно поступить, чтоб не впасть в диктатуру закона, как остальные?

Нестор Иванович, дорогой мой! Главное – ничего нельзя доводить до абсурда. Если в семье дети не будут вовсе слушать родителей – это не анархия, а разложение экзальтированных болтунов. Если командира боевого отряда ставит общее собрание, если устав действий принимает общее собрание, и народ сам, весь, добровольно, решает исполнять единые приказы до времени победы – это добровольное содружество сознательных борцов за свободу. При этом – каждый имеет право УЙТИ. Если не предатель, то собрание должно его отпустить. Только убеждение! Вот что такое анархия. Да вы и сами знаете, простите.

– Петр Алексеевич. Вот я сейчас пошел на союз с большевиками. А они анархистов стали уничтожать. То есть, они наши враги. И я должен уничтожать их. Про выгоду союза все мне понятно. Но совесть как-то... точит. Вот с сомнениями этими я к вам пришел. Мечтаю помощь от вас получить насчет правильного понимания текущего момента.

– Нестор Иванович. Вы чай-то пейте, стынет. Конечно, по такому случаю не чай бы нам пить. Не обессудьте, время сейчас сами видите, не купить ничего в Москве. Даст бог еще свидимся. Самое главное сейчас рая вас что? Самое главное – беречь, пуще зеницы ока беречь вашу свободную анархическую республику. Это не шутка. Об этом и Сен-Симон, и Фурье, и Чернышевский... и – сбылось! Вы понимаете – сбылось! А когда свободный человек – испробовал свободной работы – на своей земле – среди своих свободных соседей и товарищей – вы его уже ничем не переманите, не переагитируете, не перекуете. Каждый день существования вашей республики – это ваш выигрыш, и движение к окончательной победе анархии в мировом масштабе. Соседние-то уезды и волости – тоже, поди, хотят жить свободно, как вы?

– Да в том-то и дело, селяне все за нас!

– А рабочие выгоду поймут. Без станка прожить можно – без хлеба нельзя. Говорил Бакунин Марксу, что нельзя обожествлять пролетариат! Тоже, понимаете, экономический идеализм!.. Базис – это производитель основного продукта питания. И по естественному принципу производственной общины строится общество – как ячейки... а не как клетка!

Угловатым агрессивным почерком он надписал Махно книгу «Поля, фабрики и мастерские» и проводил с крыльца:

– Берегите себя, дорогой мой! Такие люди, как вы, Драгоценны для революции. Пишите, как ваши дела. И знайте, что раньше или позже всему миру суждено жить так, как сейчас уже живете вы!..

Война

Вооруженный человек может быть миролюбив и терпим только в одной ситуации – когда безоружный беспрекословно исполняет все его сравнительно законные требования. Безоружный теряет свое миролюбие, звереет и вооружается, когда у него отбирают кровное добро, обрекая с семьей на смерть. Если огненный ураган гражданской войны летом 18-го года был в России обусловлен прежде всего продразверсткой и «классовыми чистками», то на Украине своего рода «продразверстка» проводилась во исполнение пункта договора о поставках для Германии: селянин зверел и видел в киевском правительстве врага, слугу немцев и прочих мадьяр.

Действия красногвардейских отрядов были прекрасны. Советская Россия подписала брестский мир с Германией, но Харьковская украинская советская республика, признанная Москвой и не признававшая Киев, ничего ни с кем не подписывала. Она была одним из краткосрочных «буферных государств» той стремительной эпохи: якобы независимые действия буфера позволяли формально обходить статьи договоров.

Таким образом, красные группы входили на Украину, вырезали по мелочи германские мини-гарнизоны и гайдамацкие отряды, и стремительно откатывались; держались в основном вдоль железных дорог – для быстроты маневра.

После чего являлись карательные части: кого-то необходимо после дознания показательно расстрелять либо повесить, кого-то перепороть, план сдачи продуктов государству выполнить тут же под прицелом. Разжиться себе добришком и понасиловать молодок: плоть требует бабы, а натура достатка.

После чего крестьяне дырявят вилами разъезд немецких драгун, режут ночью взвод спящей варты, закапывают на огородах винтовочки

в промасленных тряпках и курят на лавочках: надо бы как-то с немцем и гетманом разобраться, а то ведь не прожить.

И всплывает имя Махно. У него уже батальоны. Настоящая армия. Все из наших, такие же селяне. Живут и робят в доме. А свистнет за тыном посыльный – винтовку на плечо, седло на коня, скачешь рядом в село, бьешь германца и помещика – а вечером уже дома. О це дило!

Черная Гвардия

К лету 18-го Красная Гвардия была уже разоружена новой Красной Армией и расформирована. В Гвардии были эсеры, анархисты, меньшевики, то есть несогласные в чем-то с диктатурой большевиков люди. И ветераны, гордившиеся заслугами еще с весны 17-го. И непокорный, партизанствующий и разбойничающий элемент. Короче – гвардия свой срок отработала и была выкинута. Чистка, фильтрация, модернизация. Но название оставалось еще долго – красногвардейцы. Бойцы, то есть, за рабочую революцию против буржуазии.

Цвета анархии – красный и черный. Но красный уже «приватизировали» большевики. Черный – остался отличием.

Знамена, транспаранты, повязки – черные. Надписи – белым или серебряным. Грозно для врага, куражисто для своих. А череп с костями на черном фоне кто только не изображал за много десятилетий! Боец хочет наводить страх, это так простительно...

«Смерть или свобода!» – били по ветру буквы на реющих знаменах. «С угнетенными против угнетателей – всегда!» – выгибался дугой лозунг под ветром. Грозно, благородно – и искренне.

– Земля наша кормилица – черная; и смерть врагам мы несем черную, а мысли наши и слова – белые, светлые.

– Да здравствует наша, крестьянская, народная – Черная Гвардия!

Подъем

С середины лета стремительно наращивается повстанческая армия Махно. Это своего рода «кадрированная армия резервистов»:

разбита на роты (по деревням), батальоны (группы деревень и большие села). Собрались – метнулись – ударили – рассеялись и исчезли.

Вы что же думаете – с классическим гимназическим образованием анархисты не слышали фамилии Риэги и не читали в истории наполеоновских войн об испанской герилье?

...К хорошему человек привыкает быстро, и после трудового дня закусить стакан водки ломтем сала махновский штаб не избегал. Как сказали бы сейчас – лечебно-профилактическая доза для снятия стресса после нагрузок.

– Мы должны использовать выпавший нам уникальный исторический шанс! – гудел приятным баритоном Волин. – Именно сейчас, при всеобщем развале и безвластии, мы должны каждый день расширять сферу своего влияния и анархического уклада жизни. За порогом какой-то величины – мировая реакция уже не сможет повернуть процесс вспять. Крестьянская масса, если во главе ее стоит маленькая, но твердо сплоченная идейная группа, зубами и когтями, всей кровью и плотью будет защищать свою кровную землю!

Удержись тут на одной стопке. Звякало, булькало, играл лунный свет: ударили по селу первые петухи, крепка ночь за полночь.

– Мужик уважает силу, – тонким голосом рубил Аршинов-Марин. – А чужака мужик не любит. Если ты бьешь немца – мужик тебя уважает. А битый – он задумывается. Задумается – и пойдет в Германию, свою буржуазию бить.

– А варта сама разбежится, – даже в полумраке блестела жемчужная улыбка красавца-моряка Щуся.

Рождение легенды

К сентябрю повстанцы привели киевскую власть в раздражение. Пришел сбор урожая – а посланные обозы вырезаются и исчезают вместе с охраной!

– Этими бандитами пора заняться всерьез!

Гайдамацкие эскадроны патрулировали дороги, искали стычек. Германо-австро-мадьярские роты, при пулеметной повозке и полевом оружии, стояли гарнизонами в селах покрупнее. Отрядили два

аэроплана – для наблюдения и оперативной связи! Образца 1916 года «Ньюпоры» на своих велосипедных колесах садились на любую лужайку и, почихивая, могли летать на грушевом перваче.

А слава уже шумела! «Махно там, Махно сям, Махно вездесущ и неуловим!» Грабанул склад Федька Щусь с братвой – «Махно ударил!», разгромил на шляху десяток подвод с отделением конных свой бывший пастух Семка Каретник – «Махно отбил!» Пошаливали да расшалились: серьезные хлопцы.

Полк немецкой пехоты, полк гетманской варты и четыре эскадрона венгерской конницы выделила власть Для организованного уничтожения бандитизма в районе Гуляй-Поля. Методично прочесывали села, перекрывали дороги, стягивали кольцо.

Как ведется антипартизанская война? Да очень просто, хотя обычно с малым эффектом.

Клеятся по станциям, почтам, телеграфам, магазинам, заборам – объявления: такие-то вне закона, а за поимку награда столько-то, а за мертвого столько-то, а за любые сведения столько-то. Сообщать местным властям. Когда сумма достигает критической массы – остается только ждать: раньше либо позже выдадут обязательно.

Обыскивают и допрашивают всех подозрительных, пуская в ход «меры физического воздействия», равно как и «психического»: угрожают расстрелом семей, бьют, пытаются, режут, казнят. На войне белые перчатки пачкаются быстро. Смерть товарища озлобляет, кровь подозреваемого врага распаляет. Выбивают информацию.

Жгут и расстреливают для устрашения – в населенных пунктах подозреваемой зоны.

А сверху с тархтящих аэропланов сбрасывают вымпела с координатами вооруженных скоплений.

А разведка вербует информаторов и прикидывает линейкой и циркулем по карте: далеко ли успел отойти враг после последнего столкновения, какой район и в каких направлениях блокируем?

Неделю загоняли профессиональные офицеры Великой Войны (она еще не называлась I Мировой, она еще продолжалась...) махновцев до кучи, в кольцо: сжать и уничтожить. Неделю ускользали легкие летучие отряды, ан всё только в одном направлении...

И вот тебе лесок. Жи-иденький лесок, чащоб в Новороссии нет. И всей махновской армии в том леску – пара сотен. Остатки отряда его,

остатки Федьки Щуся, остатки Семки Каретника. Остальные – кто к себе сумел раньше ускользнуть, а кого побили в поле.

Патронов мало. Животы подвело. Пощады не предвидится.

Народное войско имеет перед регулярным два недостатка: неорганизованность в действиях – и нестойкость в передрыгах. Запахло смертью, и людишки приуныли.

– А может, попробовать сдаться?

– Лучше сам стреляйся, а то больнее будет. – Поржали мрачно.

– Выход один – ждать ночи, и в темноте пробираться... може, по одному.

– Да светлы сейчас ночи, луна большая.

– А по-козацки? Через камышинки срезанные дышать – и через реку под водой. А там вышли, ударили – и ушли. Га?

– В зад себе воткни ту камышинку. От коней не уйдешь.

– Та в темноте же!

– Да де ты взяв те камышинки? Чи воны здесь растут? Здесь луна тильки растет, казали же тоби!

Подвели итог. По одному – передавят. Скрытно – заметят. Сидеть ждать – переморят. Прорываться – уничтожат разом.

Когда смерть накрыла – инстинктивно люди жмутся в единый организм, на миру и смерть красна; не для смерти жмутся, а знает естество глубинное, что единый кулак сильней россыпи, единое усилие может сделать чудо, неподсильное порознь. И смотрят в надежде по сторонам: кто голова? кто, как на стержень, общую силу на свою волю наматает? Потому и готовы умереть за вожака, что сила в единстве, а единство в подчинении сильнейшей воле.

Вожак – это хладнокровие, уверенность и презрение к смерти. Это тот, кто всегда знает и всегда готов. И приносят ему себя в подчинение для своего же спасения, и могут просить униженно: прими.

Спокойный и злой, шагал Махно взад-вперед по полянке, вдавливая высокие каблуки сапожек в пружинящий лесной перегной. Руки за спиной, ноздри раздуты, верный адъютант Сашка Лепетченко никого не допускает.

– Слухай сюда! За рекой – пулеметы: на плеск и взмах всех посекут. На холме – конница: в угон покрошит. На тем поле у бал очки – пушки, и достанет нас шрапнель хоть тут где. А на дорогах разьезды должны быть, не дурны ж воны. И хрен ты проскочишь. А вон то –

бери биноклю, давьсь! – снаряды подвезли, с подвод разгружают. И перещелкают, как мух. Окопаться нам немає чем, и коней всих побьют. Ну – Федька? Ну – Семка?

Матерые бойцы, злые ругательства сплевывают: «Семи смертям не бывать, одной не миновать».

– Гоп, кума, нэ журысь, у Махно думки завелись!

Он не смущался никогда и был уверен всегда. Он нес вокруг себя пространство удачи. Он стал легендой после того боя. Никакого боя быть не могло, а заведомое уничтожение, спланированное и подготовленное.

Рождение тачанки

Влез в бричку, поерзал на откидном сиденье, попрыгал, пробуя рессоры.

– Так. Эту – и еще вон ту. Давай «максимы» сюда, оба. Один в эту, другой в ту. Да не так! на сиденье станови, дулом назад... Эй – веревки! Так, приматывай станок к спинке; ага, и под скамейку пропусти.

– Нестор, а как ты ее к цели задом развернешь? Нам-то – вперед же надо!

– Цель к тебе сама с заду забежит. Патроны собрать – набить две полные ленты.

– Так хлопцам же ничего не останется!

– Рубиться будут. По обойме хоть останется? И ладно.

Отобрал полусотню на конях посвежее. Наказал вторым номерам при пулеметах «держат пулемет хоть зубами! ленту перекосит – сам срублю!» Велел Щусю:

– Де твои часы золотые? Ровно час отмерь – ровно час, ты запомнил? – и на всей рыси давай прямо на батарею. Сразу, плотно, всем! И что бы ни было – вперед!

Вылетела из лесу полусотня – и, пластаясь, рванула наискось логом, мимо изготовленной мадьярской конницы. В центре группы неслись две брички с каким-то грузом: «Не иначе награбленное жалеют, куркули...» Бешеные звери четверней несли брички, и диким высвистом помогали себе кучера.

Блеснул на солнце галуном офицерский рукав – и взмах направил два эскадрона сверху наискось – в угонфланг пытающимся удрать повстанцам. Взлягнули подковы, полетел дерн, рассыпали искры обнажившиеся клинки! Не уйдут, мужичье...

Уже в хвосте беглецов оказались брички; слетела мешковина, ладные «максимы» довернули хоботы на радостных от скачки гонведов. И две длинные очереди, рассеивая в тряске пули по густой коннице, смели первые ряды. Через голову покатались всадники вперемешку с конями.

Пологий лог укрывал от огня пехоты. Мышеловка обернулась своей противоположностью. Загнанная было мышь хладнокровно расстреливала кошек.

Всаднику попасть на скаку в скачущую же мишень практически невозможно. Все законы снайперской стрельбы подтверждают это. А вот тряское разбрызгивание свинцовой струи по нарастающей в твоём прицеле массе конницы даёт сокрушительный эффект. Бились на земле и ржали бессильно кони, и синие мундиры с золотым шитьём шнуров пестрыми кочками устлали отставшую перспективу.

...После чего в кольцевом стане окруживших лес преследователей начала происходить медленная координация дальнейших действий: так что, все махновцы вырвались? или бросили своих раненых? или Ждать ещё чего? или провести разведку боем? Поскакали меж полков посыльные.

– А-а-а-а! – пулеметные очереди и сверканье клинков.

В этой нерешенности положения – полусотня вдруг налетела с тыла на четырехорудийную батарею и мгновенно вырубил прислугу

И в тот же миг сотни две махновцев с ревом вылетели из лесу, стремясь прямо на батарею.

Хлестнула с фланга кинжальным огнем залегшая на поле пехота, стали падать кони и люди. Но тут:

– Давай, Трофим. Петро, ну же, – без паники понукал Махно. – Покажите, какие вы такие артиллеристы. Чому вас на войне учили?

В обе стороны развернули пушки. Лязгнул затвор; ахнул дымок, подпрыгнула пушка – и первая шрапнель лопнула ватным облачком над пехотой, брызнув крупным градом.

– Быстрей, хлопцы, быстрей.

Вторая шрапнель лопнула над уцелевшими двумя из четырех мадьярских эскадронов, преграждая преследование.

– Швыдче!

Пару верст от леса до батареи преодолели за пару минут бешеной гонки. С ликующим воплем соединились со своими. Звонко и часто били орудийные выстрелы, добивая остатки кавалерии в одну сторону – и вжавшуюся в складки поля пехоту в другую.

– Взять на передки – да и угнать себе артиллерию, – осклабился Щусь.

– Остынь, – хмыкнул Махно. – Самим бы утечь.

Батько

– Ну шо, Нестор Иванович. Вывел народ из смертушки. Постарше – быть бы тебе батькой.

– Да-а, и характером взял, и умом, и уменьем... Уж и не чаяли выкрутиться.

Спасенный ощущает душевную потребность выразить свою благодарность. Если нет чем – то словом, и слово ищет, чтоб выразить возникшее отношение.

– А что постарше... Постарше мы все не дожить можем. Батько – он и есть батько. Не по годам, а по жизни.

Посмотрели оценивающе. С проверкой и любовью. Тридцать рокив – то уже не молодость...

– Ну шо... батько. Командуй! Привыкли. А там и приросло.

Легенда

На каторге его посадили в соляной колодец еще с одним, и сковали их кандалами вместе, чтоб совсем не убежать. А посадили туда за то, что поссорились, а за то поссорились, что тот слабых обижал. И вот они соль отбивают и лопатами в бадью ссыпают, и бадью поднимают сверху. И только раз в день им сверху в бадье – воды и хлеба. Через месяц их поднимать – а поднимают одного Махно, а

того нету. Где? А я почем знаю. А он его убил и по частям наверх в бадье под горой соли и отправил. А за дело.

А когда-то давно еще он на пана батрачил, и панская дочь над ним надсмееялась. Бедный был. А в семнадцатом году он усадьбу их сжег, и всех перебил, а только ее пальцем не тронул, и всем запретил. Так куда-то и уехала. А он ее помнит, оттого не женился.

А взгляд у него такой – что любой подчинится.

Брат Карп

Вот группа махновских партизан, явясь неизвестно откуда, входит в село. Вот им указывают старосту – везде власть имеет хоть какого своего представителя: а представитель следил, чтоб выполнялась сдача продукта для Германии.

Особо виселицами никто не увлекался.хлопотно, да показушно, да веревка дорога в хозяйстве, нехватка ведь всего. И патроны тоже дороги, порой дороже золота. Так что – резали. Рубили. Сунуть шашкой в горло, либо рубануть ключицу до сердца, либо прорубить острием череп: сначала потеха накипевшей злобе и тренировка руке, потом – обычное военное дело.

Прирезали старосту, сказали речь, поснедали и расположились отдохнуть. Тут и пожаловали гайдамаки с пулеметом на повозке. А патроны кончились.

Гайдамаки всё были не первого срока – немолодые и несильные на вид. И командир взвода, как волостной писарь. Жупаны синие, шапки алые, и сбитые дырявые сапоги; и потертые винтовки.

Выстроили тесно партизан вдоль стены амбара.

– Я Махно! – сказал Карп и шагнул вперед. – Они не виноваты. Слушались. Их можно отпустить.

Хорунжий варты покивал благосклонно Карпу и скомандовал. Взвод выровнял стволы и дал два залпа.

...Хоронить Карпа привезли в Гуляй-Поле. Могилу вырыли рядом с отцовской. Народу полное кладбище. Сам батько бросил первую горсть на гроб брата. Без сил уже тихо плакала мать на руках двух других сыновей.

– Було нас пятеро, а осталось трое, – тихо сказал батько братьям на поминках. – Желательно бы дожить до всеобщего счастья. Осторожнее как-то. А как?

Через два дня вырезали ночью роту немецкого гарнизона в сотне верст от Гуляй-Поля.

Красный день

В 1918 Россия перешла на григорианский календарь, и вся хронология пошла по «новому стилю». Это для понятности.

8 ноября 1918 года – был лучший день в жизни вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина. Во-первых – годовщина октябрьского переворота. Ну, вчера, сегодня, – ночью, короче: недаром праздник этот всё советские время шел в два дня – 7-го и 8-го. Во-вторых, 7 ноября – день рождения второго человека в государстве, наркомвоенмора и председателя Революционного Военного Совета Республики товарища Троцкого, в идеале можно выпить с корешем, все люди, все человеки. Символичное совпадение. А в-третьих – революция в Германии!

Это гениально!!! На германские деньги – повернуть переворот в России, вывести ее из войны, сдать Германии треть страны – ничего, и на них же повернуть там революцию и взять власть! строить коммунизм! создать советы и резать буржуев! Идиоты немцы только теперь стали понимать, что оплатили бесповоротное начало мировой пролетарской революции! О, как были посрамлены маловерные скептики, ругавшие Ленина за похабную брестскую капитуляцию! Ослы, не умеющие видеть дальше своего носа. Да, вот здесь понимаешь свою гениальность, и дух захватывает от свершающегося небывалого переустройства мира – сквозь кровь и к грядущему счастью всего трудящегося человечества! Дух взмывает на непогрешимых крыльях!

Под эту революцию немцы ушли с Украины восвояси.

М-да. Вообще-то немцы ушли со всех оккупированных территорий, потому что капитулировали, проиграли войну. Компьенский мир, прекращение огня. Мощь Англии, Франции и США. Одно из условий – уйти со всего захваченного.

Так что уходом немецкой армии с Украины, Донбасса, Крыма, Новороссии, части Белоруссии и Польши (как бы еще условно российской), Псковщины и т.д. – Москва обязана проклятой Антанте, выбившей Германию из войны. Узурпацию власти большевиками Антанта покуда не признала: есть ведь законное правительство, а не эти безумные бандиты и фанатики.

Главное – ушли немцы! И можно теперь там везде устанавливать советскую власть. Хотя не сразу. Потому что на местах никто не хочет диктатуры пролетариата. Сами жить хотят.

Свадьба

Снег и покой над миром. Дымки над крышами и свободные люди в деревнях. Решает все вопросы Гуляйпольский совет, а и нет никаких вопросов. Хозяйствуют люди. Полевых работ до весны нет, ремеслинничают помаленьку, скотину кормят и в гости друг к другу ходят.

Но за армией своей надо следить! Чтоб представлять – насчет оружия, и численности, и духа.

В хорошем каменном доме бдит культурный совет народной, сейчас мирно-домашней, махновской армии. Газету для типографии готовит. Паек для школьных учителей расписывает.

И входит Махно (пара телохранителей) в библиотеку – одну из комнат. Портреты Бакунина и Кропоткина, книжные полки и теплая печь. Здоровается, проходит, садится, смотрит.

– Сапоги бы вытерли, – говорит библиотекарьша. – Наследили. А это – центр культуры.

А зверел Нестор Иванович быстро с самого малолетства. Войдя же в силу – бил вдруг неожиданно и смертельно, как кобра. Сбил он щелчком снежинку с мерлушковой бекеши и улыбнулся:

– А ты вот и вытри. Сначала пол, а потом сапоги.

И хлопцы уставились на отчаянную дивчину.

– А може, вам и рот утереть, не? Чи той же тряпкой?

Хлопцы фыркнули и осеклись. Махно побелел и расстегнул кобуру:

– Вытирай-ка, милая, я сказал!

– Вон тряпка там – сами вытирайте!
А хороша девка. Смуглая, статная, черноглазая, и губы как вишни.
– Не боишься, что ли, батьки Махно?
– Все знают, вам человека убить – як муху. Что, стрелять будете?
Махно выхватил наган и дважды выстрелил в потолок:
– Вытирай!!
Девушка принесла тряпку и швырнула ему под ноги:
– Вон у вас охраны сколько! Пусть вам все вытирают!
Не выдержав, заржали хлопцы. Плюнул Махно и головой покрутил:
– Ну... дай хоть книжку какую, что ли...
...Он зашел в библиотеку назавтра:
– Галя, закрой пока, все равно никого нету. Пойдем проедемся.
Кони несли сани ровной рысью, свежий снежок скрипел под полозом и пах морозным стираным бельем.
– Ты выходи за меня замуж, Галю. И ухаживал бы за тобой, и сватов бы заслал, да видишь, время какое. Сегодня тихо, а завтра кто знает.
День попросила Галя на раздумье и получила два часа.
Не хотел Махно устраивать большую свадьбу, да все набивался и набивался народ в горницу, стоя пил за поздравления и дарил невесте мониста и ткани.
Ударили бубенцы под дугой, вылетел свадебный кортеж в степь, ленты в лошадиных гривах и переливы гармошек в рваном ветре.
– Теперь у батьки – матка! А хороша!

Александровск

Немцы ушли, петлюровские отряды заняли Киев, контролируя западную половину Украины. А юго-восток остался за республикой Махно, не впускали никого.

– Батько, рабочий класс протягивает свободному селянству руку дружбы и просит помощи. – Рабочие делегаты из города держались вежливо и даже зависимо, но притом весомо: цени, сам пролетариат без тебя не может и то признает. – Житья нет от жевто-блакитных, вся самостийность – одни грабежи да казни.

Идейные анархисты из штаба Махно усмехались торжествующе: вот и сбылось! вот и признал городской пролетарий главенство свободного земледельца, и пришел за помощью!

– А мне то на шо? – Махно уже научился подпускать опасной дурковатости: поди знай, в шутку все обернет грозный батько или вдруг вывернется и в расход выведет.

– Город деревне тоже полезен. Инструмент, мануфактура, ремонт оружия, да хоть ремни и посуда. В союзе оно все и налажено, без спекулянтов.

– Патроны. Орудия со снарядами. Единая свободная республика.

– Ну что, товарищи большевики и эсеры? Не получается без анархистов?

...В рассвет базарного дня втекли в город мелкими группами, ввезли пулеметы под зерном и картошкой, забрались за проводниками на чердаки и во дворы. И грохнули в полдень по церковному колоколу! По штабу, складам, казармам, по станции.

– Махно в городе!!

Вышибли самостийных легко на удивление. Подкрепление все вдавливалось в город, и хозяйственные крестьяне начали прочесывать дома. Гражданская война поставила на самообеспечение все воюющие стороны.

– А ну стой! Я же сказал – брать только то, что на себе унести можешь и что самому сгодится. А это что за горжетка?!

– Сейчас верну, батько!

Трах! Своей рукой расстреливал батько за мародерство сверх разрешенного самоснабжения.

– Мы – защитники трудового народа, а не грабители. Еще непонятливые есть?

Все деньги сносились до кучи в штаб – и наутро начиналось снабжение трудового населения: вдове тысячу карбованцев, инвалиду три тысячи, учительнице тысячу, погорельцам с выводком детей – пять тысяч на обзаведение...

– Деньги кончились, батько!

– Он бис им в ребро... Прощувайте остальные, граждане, спробуйте завтра еще зайти. Тюрьма – настезь:

– Анархическая теория запрещает лишать человека свободы! Виноват – народ будет судить. Тяжкая вина – расстрел. Исправится за

малой виной – наказать и отпустить на свободную работу.

Контрразведка

Необычный человек Лева Задов. По одному документу Задов, а по другому Зеньковский. По его словам – из Одессы, а слышали – с херсонщины. Афишу затертую при себе бережет: там он цирковой артист. А улыбка – лучше в темном переулке такого не повстречать, и здоров, как хороший коваль. Идейный анархист!

Заговорил у крыльца с махновскими культпросветчиками – и первым делом: помнит пару скрытых офицеров в городе, что выдают себя за простых обывателей, а сами, скорей всего, деникинские агенты.

– А пойдете-ка, Лева, до батьки.

Жмурится батька у теплой печки, как кот, молодая красавица-жена чай наливает.

– Соображение вот какое, Нестор Иванович. Про деникинскую контрразведку все наслышаны. Потому что большевистских агентов везде полно, все города ими переполнены. Пока мы на селе – всех своих мужики знают, не очень-то пошпионишь и внедришься. А в городе – здесь есть и белым сочувствующие, буржуазия городская, и красным сторонники, среди пролетариата. И надо, чтоб к нам никто не внедрился. И информацию про нас ни белым, ни красным не передавал. И теракт провести не смог. Твоя жизнь – дороже золота, батько.

Выслушал Махно, посербал с блюдечка чаю, отгрыз сахару белыми зубами.

– Так. Ты донес? Ты и пойдешь с хлопцами, ты их и заарестуешь. Ты и допрашивать будешь. Шпионы – расстреляешь. Невиновные – отпустишь... хотя... офицерье невиновное не бывает. Они все враги нашей свободе.

Через час донеслись дикие вопли. Махно в раздражении свистнул ординарца:

– Сашко! Он что, дурный, этот Левка? Скажи, батька велел – пусть сделает свою контрразведку где-нибудь в подвале, где стены потолще. Людей пугает!

Офицеров Левка застрелил сам:

– Сознались, батько, что связника от Деникина ждали – про вашу силу сведения передать.

Махно подумал:

– Может, и врешь. Но... лучше мы их, чем они нас. Скажи, чтоб поставили тебя на довольствие.

Дыбенко и жена его Коллонтай

Украшен перрон красными и черными полотнищами. Примерзая губами к мундштукам, выбивает оркестр из латунных труб «Интернационал».

Чухнул паром в последний раз паровоз, замер бронепоезд, и в салон-вагоне, склепанном броневыми листами, плавно отворилась дверь.

Чернобородый гигант в бескозырке и бушлате ступил на платформу и, оглядывая встречающих, с удовольствием замедлил взгляд на бескозырке же Щуся.

Оркестр грянул напоследок под удар барабана и смолк. Оцепление с примкнутыми штыками замерло. Махно вольно подошел к гиганту, но ладонь к белой папахе поднес:

– Командующий повстанческой анархической армией свободной республики хлеборобов батько Махно!

– Командир Заднепровской железной пролетарской дивизией комдив Дыбенко!

– Прошу в штаб для встречи и ознакомления с обстановкой, товарищ Дыбенко.

– Да сейчас. Обстановку я уже понял. Зайдемте на минутку ко мне, товарищ Махно... ну, за встречу перед рабочим днем, – повел рукой на вагон.

В салоне Дыбенко треснул в перегородку:

– Саша! У нас гость!

Вышла стройная, в прическе и воротничке, странно сочетая что красивая и немолодая явно... культурная и норовистая барыня. Протянула руку:

– Александра Коллонтай, начальник культпросвет-отдела дивизии.

– Махно... Нестор Иванович. Командующий повстанческой армией!

Выпили, закусили, закурили. Для вежливости – о политике, о Деникине: присматривались. Расклад был прост: у красных мало сил – у анархистов нет промышленной базы, источника боеприпасов. Деникин – враг общий. Петлюра – сумеет вырезать коммунистов и москалей – примется за республику интернационалистов-анархистов. По пути – докуда?

Уже в своем штабе Махно вежливо велел:

– Товарищ Лепетченко, начальника культпросветотдела позови мне.

Вошла Галина, протянула руку.

– Моя жена.

Дыбенко весело округлил глаза, впустил подкрученные усики над бородой:

– Я тебя понимаю, товарищ Махно, и очень одобряю ваше боевое сотрудничество!

Проведя инспекцию и утомившись (пили вровень), вечером в том же салон-вагоне, сидя двумя семейными революционными парами, подводили итоги.

– Я твои взгляды уважаю! Сам анархистом был. А сейчас – политический момент сменился. В общем, так. Выше комбрига я тебя сделать не могу – власти не имею. Но это – так, для вида, для формы. Если ты идешь под меня комбригом – все делаешь сам, как раньше, но прислушиваешься к общему руководству фронта. Мы твою самостоятельность не нарушаем. Ты бьешь Деникина – мы тебя снабжаем боеприпасами и вообще поддерживаем. Согласованность действий организовать можно.

– А дальше? – сумрачно спросил Махно.

Дальше? – приблизился гигант, дыхнул спиртом на жилистого непьянеющего карлика, перешел на шепот: – Ох, Нестор, никто не знает, что дальше. Все под богом ходим, хоть верь в него, хоть нет. Дальше – победим Деникина, победим Петлюру, сядем выпьем и продолжим разговор.

– Договорились, Павел. Приказ пришлешь мне в штаб. – Встал Махно, звякнул шпорами, пожал Коллонтай мягкую душистую ручку. Дыбенко протянутую кисть Галины поцеловал.

– Как красного комбрига – тебя будут рабочие уважать. Пора по городам ударить!

Анархокоммунистическая Советская Республика

Тула дала винтовки и патроны.

Александровск дал рабочий батальон. Коли махновцы стали Красной Армией – по закону им полагалось денежное довольствие. Условные 150 рублей стремительно мельчающими знаками заменялись посильным денежным содержанием – а кормиться в условиях паралича экономики пролетариям было нечем. Шли служить. В помощь чему ЧК проводила мобилизацию.

Большевицкая власть норовила засылать в части комиссаров. Комиссаров терпели, и дисциплина крепилась дополнительно.

Бешеным налетом взяли Умань.

В Мелитополь вошли густыми колоннами – белые откатывались.

Под вопли «ура!», стрельбу и конский скак с клинками – города брали в кино. Взять город – это:

Прикинуть время и маршруты движения разным частям; по одной дороге – столпятся, все сожрут и все загадят.

Обеспечить боеприпасы и продовольствие. И думать, где ночевки наметить – в селе чи в чистом поле. Сухо или дождь? Под телегой спать или в луже?

Разведка засылает под видом торгующих селян, да шукающих родню рабочих, да отбившихся от семьи баб, – разведчиков. Где силы стоят? Где штаб, где казармы, где пулеметы? Что на водокачке, что на колокольне, как укреплен станция, много ли паровозов и вагонов на путях? В то же время – захватывают языков и выбивают сведения. Принимают добровольных осведомителей, натерпевшихся под белыми, – да смекают по ходу, честно ли они пришли, или засланы?

Контрразведка жилы мотает из подозреваемых: откуда взялся? что здесь делаешь? а как удалось тебе увидеть то и это?

Откуда ударим? А где для отвлечения внимания стрельбу поднимем? А в резерв на всякий случай что выделим?

Во всем этом нет особой ученой премудрости. Есть нормальный ум, смекалка, опыт и способность учиться кое-чему по ходу дела.

Главная трудность в том, что соображать дома на печке горазд любой – а учесть все в суতোлке беспрерывных докладов, под градом неизбежных неожиданностей, под огнем, в неснимаемой тяжелой ответственности за всех своих людей и за последствия всех своих шагов – вот для этого нужно быть полководцем: хладнокровным, цепким, последовательным и бесстрашным, умеющим гнуть чужие воли в один намеченный жгут, преодолевающим чужие слабости и неумения.

Взяли Мариуполь, прошли по знойным улочкам, обсаженным тенистыми деревьями, под гром оркестра митинговали на площади, разместили раненых в больнице и в школе.

Взяли Бердянск – артиллерийскую базу Деникина!

– Реквизируйте у населения весь гужевой транспорт! Все подводы – под снаряды! Что не увезти – взорвать к чертям! Наша сила – в маневре!

Сутки горели и рвались склады, пацанва подбирала по улицам теплые зазубренные осколки; цветастый фейерверк трещал и рассыпался огненным цветом в ночном небе.

Взял: -1 Екатеринослав! (Будущий Днепропетровск), столица края, цветущий город, жители которого были уже донельзя задерганы войной и частой сменой властей. Цокали копытами конные разъезды, звенели подкованными сапогами по булыжнику патрули, еле держались на затылках лихие папахи.

То было огромное пространство народовластия. (Демократия в изначальном американском смысле, как отчеканил Бенджамен Франклин: «Пространство договоренности вооруженных мужчин».)

В Харькове, Екатеринославе, Александровске (Запорожье), Луганске – всем правили свободные Советы. Стучали типографские машины, отшлепывая тиражи анархических газет. Работали школы и мастерские. Ставили в театрах спектакли отчаянные артисты, сбежавшие от голода и ЧК большевистских столиц.

И взорваны были все тюрьмы. И знаменитый александровский централ, и харьковская пересыльная. (Их восстановят позднее...)

– В нашей республике тюрем не будет! Сам сидел – знаю, шо це таке.

В кратчайшее время – обитатели тюрем или разошлись по домам, или влились в армию, или были пристрелены на месте грабежа, буде

такие встречались.

Орден Красного Знамени

Наркомвоенмор и Председатель Р.В.С.Р. товарищ Троцкий правильно понимал насчет организации армии, которую и создал. По его указанию и настоянию ВЦИК учредил первый советский орден – Красного Знамени. Для красных героев!

Дальше начинается обычная для войны вообще и для всех советских начинаний также вообще история. Орден учредили в сентябре 1918 года. И тут же наградили им товарища Блюхера Василия Константиновича. За вывод из окружения Сводного Уральского отряда и соединение через 1500 км с частями 3-ей армии. Невелика и победа, но первый подвернулся под руку.

Орденом Красного Знамени № 2 наградили члена Р.В.С. 8-й армии Иону Эммануиловича Якира за тяжелую контузию в боях с казаками Краснова. В октябре 18-го.

Подробность же в том, что первую партию орденских знаков товарищ Троцкий получил только в январе 1919-го. И раздраженно телеграфировал из своего знаменитого летучего спецпоезда Председателю ЦИК товарищу Свердлову, что «Орден Красного Знамени невозможен, слишком груб и снабжен таким механизмом для прикрепления на одежду, что носить его практически невозможно. Выдавать его не буду, ибо вызовет общее разочарование». Короче: переделать все, сделать раза в четыре меньше, металл получше, что за бляха носильщика, понимаешь.

Теперь – сцена. Красные выбили Петлюру из Киева, он снова сидит в Виннице. Махно контролирует Донбасс, Азов, красным отгружается уголь и хлеб, Деникин утирается. И к Махно прибывает – лично! – командующий фронтом Антонов-Овсеенко. Который конкретно брал Зимний и арестовывал Временное правительство, который в пенсне, но с наганом, легендарный.

Оркестр, караул, встреча, доклад!

И из рук командфронта Махно получает Орден Красного Знамени №4! И звание красного комдива. Ну – стали уже делать нормальные ордена, а до того награждение прекратили.

На тот момент Махно сделал для Советской России неизмеримо больше, чем Блюхер или Якир. Он контролировал огромную территорию, не давал развернуться наступлению Деникина, отрезая его от стратегически важных районов и угрожая ударить в тыл при продвижении того к Москве. Он обеспечивал хлеб и уголь Москве. И не давал Петлюре распространиться на юго-восток (вместе с Григорьевым, который на тот момент также был красным комбригом).

Его повстанческая армия насчитывала от 30 000 бойцов (если основная масса разойдется до дому) до 200 000, если с винтовочками подойдут все симпатизирующие – порезать бар да пограбить в меру (насколько батько позволяет) добришка для хозяйства. 100 000 реально стояли под ружьем сейчас.

Артиллерийский парк – 60 полевых орудий: 15 батарей! 700 пулеметных тачанок – только бы патроны были, и сметем кого хочешь. 3 аэроплана и 3 бронепоезда.

Лирическое отступление

Прозрачна и хила ткань беллетристики, чтобы выдержать свинцовую гирию подлинной истории. Накал тех дней и пыл тех героев так горяч, не остыл до сил пор, что скукоживаются и исчезают страницы романов, в которые пытаются поместить то пламя.

Нет слова сильнее голой правды, да не любит она показываться голой. Вот и представляй себе сквозь туман времени и одежды фантазий...

Боже мой. Маленький слабый мальчик. Малограмотный сирота. Поденщик с детства. Отчаюга, хулиган, бандит, революционер, убийца. Каторжник.

И вот сотни тысяч вооруженных селян, миллионный край, ставший армией, смотрит на него влюбленными глазами, и восторженным ревом покрывает речи, и бросается исполнять приказы, и трепещет его гнева. И зовет его – батькой.

И ученые городские люди, из культурных семей, бывавшие за границей, теоретики анархизма, работают у него в штабе, и в культпросвете, в его подчинении. И сделал он то, о чем они мечтали –

свободное сообщество селян, которые сами решают свою жизнь и винтовкой отобьются от любого посягательства.

Как равного, принимали его Ленин и Кропоткин.

Погодите. Он еще договорится с Григорьевым, они еще скрутят шею Петлюре, Новоросскя и Малороссия объединятся в свободном строе, и тогда... тогда побачат большевики, за кем народ, и за кем правда.

...А ведь кличка его на каторге была «Скромный». Он вообще тих. И до власти не жаден. Просто гадов ненавидит. И страха не знает. Оттого и тянутся к нему люди.

Он – во-ождь. Истинный вождь! Не сам собою – но фокусируется в нем миллионная воля людей, и эта воля масс и есть его сила. Его сила и их сила – одно. Народ его породил. Без народа он – ничто.

За ним – объективный процесс истории. За ним – природная стихия народа. Волин понимает. И Аршинов понимает. А Кропоткин – он просто из великих мудрецов и пророков.

И вот хлопцы в теории не искушены – а все основы чувят верно. Ибо идет анархизм от души человеческой и от справедливости.

Понятен ли вам всемирный масштаб и драматизм происходящего? Человек творил судьбы мира и брал на свою руку ответственность за миллионы жизней и будущее страны. Он жизнью отвечает за каждый свой шаг, за каждое свое слово – да не своей жизнью, а всеми, кто ему доверился, кто уже отдал жизнь за светлое будущее для всех, кто еще должен народиться в этом светлом будущем, ради которого мы льем столько крови, и плачем над порубанными телами родных, и кричим в кошмарах.

Он верил – в счастье для всех, кто трудится и честен. Герои и святые горящих горизонтов – ангел за одним плечом, и черный бес за другим: как воскресенье и тень от переkreщенных стволов.

т.т. Каменев и Ворошилов

Станция Гуляй-Поле находилась верстах в восьми от самого села, что в России не редкость. Хотя в любой другой стране такое село называется городом – в 1913 тут жило более 10 000 человек.

Вот на своей родине, в своей собственной столице, Махно и решил принимать очередных высоких гостей.

Прибыл к перрону, как водится, бронепоезд с, как водится, бронированным салон-вагоном посередине. Высыпал из броневагонов отряд охраны, направил в стороны пулеметы.

Утро, листва шепчет, пыль летит, рельсы мазутом пахнут, мало торжественности.

И выходят из салона на дощатый полусгнивший перрон:

Председатель Совета Труда и Оборона, один из вождей партии большевиков и героев Октября – Каменев Лев Борисович. Вполне господского вида и в летнем пальто. Сподвижник Ильича.

И следом за ним – командующий войсками Харьковского округа Климент Ефремович Ворошилов. Усики щеточкой, сапожки зеркалом, галифе «Черное море» и гимнастерка мягкого дорогого сукна. Папиросу закуривает.

Прогуливаются! Ждут Махно. Батько задерживается в Мариуполе. Ясно, да? Подождут, не बारे. Махно работает.

Махно приехал с истинным шиком: к локомотиву был прицеплен один вагон.

Секретарь Каменева вспоминал:

«Махно – приземистый мужчина, блондин, бритый. Синие острые ясные глаза. Взгляд в даль, на собеседника редко глядит. Слушает, глядя вниз, слегка наклоняя голову к груди, с выражением, будто сейчас бросит всех и уйдет. Одет в бурку, папаху, при сабле и револьвере.

Поехали в автомобилях – всем разжился Махно. В центре Гуляй-Поля ждал строй бойцов каре. Махно произнес речь с трибуны, потом Каменев произнес, но ему хлопали и кричали меньше. Обедали, и Каменев косил на красавицу-украинку, жену батьки, а Ворошилов ухарски щурился.

Когда один из вождей в сопровождении командующего войсками наносит визит скорее, нежели инспекцию, – это почти дипломатический уровень. Собрали «актив», и Каменев прочитал доклад. Увы; места о коммунистах и ЧК одобрения собравшихся не вызвали.

В порядке прений председатель Гуляйпольского Совета Коган спросил: «Зачем большевики организовали эту постыдную травлю

нашего революционного анархического движения?»

Замятая неловкий момент, Махно указал в окно на дерево, где лично повесил белого полковника.

Махно демонстративно не пил спиртного. Пьяных не было.

Каменев сообщил Ленину свои подозрения: не соединился бы Махно с атаманом Григорьевым, не было бы головной боли... (Была в этих матерых эмигрантах предусмотрительность...)

Маруся Никифорова

Еще античные феминистки работали амазонками в древнегреческие времена. Христианское Средневековье пресекло непотребное смешение определенных Сверху функций разных полов. Однако женщиной оказался по усыпальном обмывании один из Римских Пап, женщины выбивались в люди на пиратских кораблях, и кавалерист-девица Надежда Дурова проложила дорогу в спецназ женщинам из русских селений. И вообще каждая революция имела свою Теруань де Мерикур.

Русская революция поставила женщину в авангард прогресса. Софья Перовская руководила бомбистами-нигилистами! Вера Засулич стреляла в губернатора! В конце концов, даже Фаня Каплан была определена конспиративными руководителями навсегда канувшего в тайну заговора как бы стрелявшей в Ленина. И шикарная идейно-бывалая красотка Коллонтай обратала не кого-нибудь, а руководителя решающего для революции Балтфлота Дыбенку. Роза Землячка руководила массовыми расстрелами в Крыму, Лариса Рейснер была комиссаром флотилии, а вклад Инессы Арманд и Надежды Крупской в бессмертное дело Ленина общеизвестен. «Женщина в революции» – о, это тема! ждет со стоном нетерпения свою автора-феминистку!..

Как постсоветские годы стерли грань между понятиями «заработать» и «награбить», так Гражданская война стерла грань между профессиями «революционер» и «разбойник». Грабишь богатых? убиваешь классово чуждых? проповедуешь всеобщее равенство? ждешь светлого будущего без буржуев? – ну, видимо, революционер.

Происхождение Маруси Никифоровой осталось малоизвестным. «Из мещан». На нескольких сохранившихся фотографиях отображена не актриса и не киска. Нефотогенична: дубовая рожа. Остались воспоминания: резка, хладнокровна, мгновенно соображает и решает, жестока.

Отряд ее никогда не превышал сотню конных. Был молниеносен и неуловим – поскольку в той серьезной круговерти ни одна серьезная сила не снисходила до того, чтобы тратить на поимку блохи – досадливой, но неопасной, ничего не решающей! Чуть что – отряд смывался, да и хрен с ним. Он был вроде рыбки-лоцмана при акулах, шакале меж волчьих стай.

Отчасти потому большевики еще в апреле 1918 прикрыли у себя анархистов – что любой разбойник мог объявить себя анархистом, отказать в подчинении кому угодно и успокаивать смущенные души бандитов приличной идейной подкладкой. Приблудившихся же «идейных» анархистов банды охотно кормили и слушали вечерами их рацеи о теориях, как уголовные на нарах велят вечером «романисту» «тискать роман», т.е. развлекать их беллетризованной байкой об изячной и авантюрной жизни.

К Махно Марусечка прибилась еще в Александровске. Ее интересовали города, потому что там были хорошие вещи. Ее интересовал Махно, потому что давал вольности и «крышу». Махно терпел ее как еще одного борца за анархию, легкого на подъем и привыкшего к самообеспечению и самоснабжению. Вот – все до нас тянутся!

О, это мог бы быть роскошный мелодраматичный сюжет из времен революции: два альбатроса, нашедшие друг друга в огненной буре. Но он был более идейный, и стал попрекать ее непринципиальностью, а она была более взбалмошная, и укоряла его за назидательность. И, плача скупыми слезами, эти души, созданные друг для друга, расстались, чтобы продолжать борьбу порознь и встретить неизбежную смерть в одиночку.

В серьезном бою отрядик Маруси был бы уничтожен, и она берегла своих, уводя от ударов: они не хотели умирать, они хотели грабить буржуев и убивать офицеров при надежных гарантиях победы и малого риска. Озверевший как-то батько отрядик расформировал, а Марусю загнал в лазарет сестрой милосердия. Этот вариант

монастырского покаяния беззаветной борчихе мгновенно осточертел, и она вымолила у Махно отпустить ее с хлопцами: ведь анархия – это всем воля?

В то время белые вышибли красных из Таврии, и следом сами пошли на север. «Белые тылы» оказались силовым вакуумом, и Маруся порезвилась на славу в хлебном и теплом Северном Крыму. Пока не нарвалась на нормальную роту, уничтожившую ее банду. Удостоилась в симферопольской контрразведке встречи лично с генералом Слащевым: победоносный командир полубопытствовал, что за феномен. После чего была повешена. У Слащева в тылу всегда был порядок и дисциплина.

Атаман Григорьев

Вы сейчас будете смеяться, но Григорьев тоже был красным комбригом. А потом – красным комдивом. А потом только перестал ими быть.

В Великую войну он хлебнул честного лиха, и к 17-му году выслужил офицерские погоны. Которые тут же и снял, потому что произошла революция (первая), и образовалась Центральная Социалистическая Рада. И Григорьев стал служить Раде. То есть под началом секретаря по военным делам Симона Петлюры.

Потом Раду сменил гетман Скоропадский, Григорьев послужил еще – и ушел к ставшему «авторитетным полевым командиром» Петлюре под Винницу: он был самостийник и не любил служить немцам.

Увы: петлюровцы грабили население и убивали найденных офицеров. Григорьев сам был местным, и сам был офицером, и не уважал конторщика Петлюру. А красные все засылали агитаторов! И обещали те агитаторы все, что хотелось слушателям. Агитпроп Троцкого работал хорошо. За плохую работу расстреливали. Могли и просто расстрелять. Для бодрости.

Красные сирены спели ему о братстве всех трудящихся и пообещали патронов немерено и подобающий чин. И все кивали на Махно – даже он понял и сотрудничает!

И григорьевская «республика» образовалась больше махновской! Его полки взяли Николаев, Херсон, Одессу! Вот чьи красные бойцы входили в эти города под красными знаменами.

Из справедливости отметим, что французские «интервенты» оттуда как раз перед этим смылись сами – во исполнение союзнических обязательств по версальскому миру. Так что «освободить» было, в общем, и не от кого – что облегчало более приятные стороны освободительного процесса: повеселиться и пограбить.

Григорьеву жутко понравилось быть красным комдивом. Он никогда в жизни не жил так хорошо. И власти такой не имел. А жидов и умников он недолюбливал. И вообще стал соображать о самостоятельной Украине без Петлюры: и сами управимся!

Товарищ Троцкий дал разгон товарищу Антонову-Овсенко: атамана вырастили?! И с ходу придумал гениальный план, традиционный и простой: полки героического комдива Григорьева двинуть на Запад, в Европу, в Румынию: резать бояр, освободить классовых братьев, помогать молодой Венгерской революции. А мы получим Украину без военной силы и сопротивления. А Григорьеву в отрыве от родных баз ноги-руки-то руманешти быстро повыдергают. А нет – так мы поможем, там видно будет.

Григорьев в Румынию не пошел, а в ответ послал красных совсем в другое место. И объявил себя вольным атаманом.

Понятно, что Григорьев думал об отношениях с соседом по местности батькой Махно. А Махно о Григорьеве. Союз был бы большой силой! А красным надолго доверять нельзя – эти волки только ждут момента, чтоб ты перестал быть нужен – и перехватить тебе горло. Но белых бить надо, с ними договор невозможен: они за государство помещиков. А Петлюра ныне сам слаб: еще поглядеть, кто под кого пойдет.

То был огромный и важнейший край: Причерноморье, Приазовье, Новороссия, Донбасс!

И холодные колючие голубые глаза товарища Троцкого, столько раз описанные очевидцами, блестели сквозь неизменное пенсне над картой в штабном вагоне.

– Как вы смотрите на положение с черноморским побережьем, товарищ Вацетис? Можно ли двинуть наши части на юг от Киева,

чтобы раздавить банды Григорьева?

– Тогда Петлюра возьмет Киев. А сверху нависают поляки. Средств у нас сейчас не хватает. – Главнокомандующий войсками республики товарищ Вацетис, еще один полковник бывший, кроток и уступчив.

– А если Махно бы натравить на Григорьева? Погодите-погодите..

То, что к Махно были подведены красные агенты влияния – не должно быть сомнений. (Вербовали быстро, угрожали без колебаний, политические платформы менялись под ногами быстрее, чем лошади в цирке.) Он к тебе всей правдивой душой – но в глубине той души взгляды могут быть коммунистические и польза пролетарская.

Итого! Договорились два великих атамана о встрече и союзе! Здесь надо понимать: у неразборчивого Григорьева людей и всего прочего было больше. А потому что дисциплины меньше, и грабить свободнее, и на твои политические взгляды плевать, и еврейские погромы на потеху души без ограничений, и москалей на фиг. Популизм полный.

Но. Авторитет Махно был выше. Вне конкуренции. Идеальный. Страдал за народ. Раздает бедным гроши и добро. Встречался с Лениным и Кропоткиным, сам Каменев к нему в гости приезжал.

Н-ну: добро пожаловать! Сельцо Сеитово. Ядро отряда Григорьева и штабная сотня Махно. Расселись вокруг стола в хате командиры, и повели совет. Договаривались плоховато. Каждый тянул одеяло на себя и козырял заслугами. Махно был резок. Григорьев – приземистый, кряжистый, сорокалетний, увешанный амуницией, – медленно накалялся, сдерживаясь: за ним больше веса и силы!

– Ой, батяно, батяно! – как-то среди паузы сказал он, и еще не окончил фразы – ощутилось мгновенное нарастание тревожных движений: словно та фраза была сигналом.

Реакция Махно всегда была мгновенной:

– Бей атамана! – крикнул он, отпрыгивая от стола.

Сидевший напротив Григорьева махновский сотник штабной сотни Чубенко вскинул над столом взведенный револьвер и всадил Григорьеву пулю в лоб.

Штаб Григорьева был тут же расстрелян, конвой разоружен. Культпросвет Махно мигом сочинил и распространил листовку, с

красочными деталями рассказывавшую, как Григорьев уже предался Деникину, за какие посулы и интересы, но бдительные бойцы разоблачили. Вот это и называется «Гражданская война»...

Печатному слову сильнее всего верят неграмотные.

И то – рассудить крестьянину: какая выгода Махно убивать Григорьева? И селяне пошли под Махно. Пока ничово нэ трэба? И ладно. А свистнет – буду знать, кто батько: а еще могу и подумать тогда.

И анархическая республика вольных хлеборобов распростерлась на пол-Украины. И сотни тысяч бойцов – кто по домам, землю пашет да коней выпасает, а кто в строю.

Съезд и съест

И все бы хорошо, да что-то нехорошо, как прозорливо писал детсковоенный писатель Гайдар.

В Харькове, столице то есть Советской Украины, состоялся 3-й Всеукраинский Съезд Советов рабочих, стало быть, крестьянских, ну и красноармейских депутатов. «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка!» – спели год как образованные комсомолки в красных косынках. Вот к коммуне съезд и гнул.

Вопрос о земле! Все бывшие помещичьи и кулацкие земли идут в собственность государства, и на них устраиваем сельскохозяйственные коммуны.

Стоп, туповато сказали крестьяне, услышав новость. Эти земли мы уже два года как поделили и пашем! Делили свои Советы, по справедливости. Поливали своим потом. За эту земельку кровь лили, били немцев, и офицеров, и панов, и гетмана, и Петлюру. Чего это – отдавать обратно государству?

А уж вот-то хрен вашему государству! – злобно сообщила вольная анархическая республика. Сами решаем, как жить!

В порядке симметричных политических мер в Гуляй-Поле собрался 3-й же Съезд Свободных Советов селянских депутатов – то есть съезд махновской республики. Батько сидел в президиуме. Президиум призывал прекратить матерные выступления, хоть бы и верные по существу.

Съезд попомнил большевикам и чрезвычайки с их расстрелами, и реквизиционные отряды для выгребания зерна, и диктатуру, и, короче, на резолюцию коммунистического съезда наложил свою: «Отказать!»

А вот это уже был бунт. И товарищи Ленин, Троцкий, Свердлов и компания стерпеть такого не могли.

Дыбенко прислал телеграмму, что съезд контрреволюционный.

Троцкий прислал приказ готовиться к походу на Румынию.

Нарком продовольствия с чудной фамилией Цюрупа прислал продотряды с телегами.

А вот патроны присылать как-то перестали. А они расходовались в постоянных боях с белыми и петлюровцами по рубежам махновской республики.

Крах: этап первый

Разведки работали хорошо. Линий фронтов как таковых не было. Люди ездили туда-сюда. Поезда ходили непредсказуемо, но обычно достигали пунктов назначения, даже в областях враждебной власти.

Деникин ударил в стык Южного фронта красных и армии Махно. И расслабившиеся повстанцы, оставаясь без патронов, отступали и таяли в воздухе, возвращаясь в облик разрозненных мирных селян. Наступление белых катилось на север могуче и неостановимо, как цунами.

Перед белым цунами катился мутный и жуткий вал слухов. Казнят, режут, вешают, насилуют! Казаки, кавказские конники, белые чехи и мстительные офицеры. Население снималось с нажитых мест и забивало дороги обозами со скарбом. Повстанческая армия задыхалась, зажата в пробках.

Белые взяли Николаев! Екатеринослав! Харьков!

На станции, где был телеграф, Троцкий слал отчаянные и грозные телеграммы Махно: комдиву Махно всеми частями отходить на север! Оборонять Красную столицу – Харьков! Сохранять линию фронта!

На второй станции Махно телеграфировал о невозможности. На третьей – о несогласии повстанцев, где народ решает все. Наркомвоенмор разъярялся, и на четвертой станции телеграфист,

обмирая и гогоча, под диктовку Махно послал товарищу Троцкому телеграмму затейливо матерную.

На пятой станции Троцкий объявил Махно вне закона. Как труса, дезертира, грабителя и нарушителя военных приказов.

И тут. И тут. И тут. Гигантский махновский табор, отбивающийся арьергардами от белых и кочующий на запад, пересекся с огромным красным табором, отбивающимся арьергардами от белых и кочующим с южных Крыма и Одессы на север. Комдив и Краснознаменец №4 Махно почти лично встретился с пересекающим его путь комдивом и Краснознаменцем №2 Якиром.

Справедливость требует констатировать, что сын батрака неслабо вломил сыну провизора. Обоих подгоняли белые, так что разборка носила черты несколько суетливые. Все части красных в зоне своей досягаемости махновцы разоружали; желающие могли вливаться в армию повстанцев, а были красноармейцы теми же крестьянами, мобилизованными под страхом расстрела семей... Командиры и комиссары расстреливались. То есть: красный поток, встречая пересечку махновского потока, переставал существовать. Сам Якир пробился с железным батальоном любимых бойцов – наемных китайцев-пулеметчиков.

Красные фронты Украинский и Южный развалились и исчезли.

От гигантской армии Махно осталось несколько тысяч... Прочие не то чтобы даже погибли – нет: регулярная армия уничтожает сбродное ополчение в основном методом рассеивания: ударить и разогнать, чтоб собраться боялись.

Еврейская рота

История Гражданской войны без еврейского вопроса – как суп без приправы: всё главное есть, а вкус какой-то неполный.

При подавлении ноябрьского 1917-го года восстании юнкеров в Москве был расстрелян и штабс-капитан Виленкин – георгиевский кавалер (мелочи!) и председатель общества отставных офицеров-евреев Георгиевских кавалеров (что важнее). Именно в порядке мести за этот расстрел член партии эсеров Леонид Канегиссер (еврей) казнил

(застрелил) председателя Петроградской ЧК Моисея Урицкого (еврея). Так что не в национальности счастье.

Поскольку не все революционеры были евреями, и не все евреи были революционерами, то отставное общество составило свое мнение о происходящем. Весной 1918 года группа офицеров, дошедших среди прочих на Дон, представилась Антону Ивановичу Деникину с обычным ходатайством: русские офицеры желают под его началом сражаться с большевистскими варварами-узурпаторами; то есть мы, русские офицеры еврейской национальности, вместе со всеми. Деникин был человек не сильного характера и деликатный: он долго благодарил и покашливал. И в результате отказал под благовидным предлогом двойного характера: поскольку на Дону много антисемитов среди казаков, то и Деникина могут не так понять, что нанесет ущерб числу и сплоченности его войск, и за офицеров тревожно, могут неосознательные казачки зарезать ненароком, что будет ужасно. Спасибо, господа, поклон вам, и идите с Богом, живите счастливо, как сможете. Сочетание еврейской национальности и белогвардейских взглядов, в силу исторического момента, вдвойне гарантировало все несчастья. Если одни не зарежут как евреев, то другие расстреляют как офицеров.

Теперь о Махно. Друг и контрразведчик Лева Задов был еврей, и главный анархист-теоретик дядя Волин (Эйхенбаум) был еврей, и товарищ председатель Гуляйпольского Совета Коган был еврей, а также евреи сочиняли махновские листовки и печатали махновские газеты. Махно не боялся повстанческих недовольств по поводу еврейского вопроса: он ничего не боялся, а расстрелы производились молниеносно. На царской каторге хорошо учили интернационализму. А истинный анархизм, и анархосиндикализм, и анархокоммунизм, отрицал вообще любые различия меж людьми: нет государств, нет религий, нет национальностей, а есть только свободные трудящиеся, и они братья, и непримиримые враги всем, кто против.

– Так что товарищи трудящиеся евреи. Вот мы с товарищем Волиным и товарищем Задовым считаем, что не стоит распределять вас по разным частям. Да в нашей анархической армии никто никого и не распределяет. Вы друг друга хорошо понимаете, промеж вами есть доверие. Значит. Принято решение! Организуется еврейская рота. Вы с конями, я так понимающие очень привычные. И не надо. Кучера есть?

Конечно. Значит. Пару тачанок вам выделим. Телеги там если что для передвижения берите свои, у кого что есть: у нас так заведено. Численность – как по обстановке. Но я так понимаю, что штыков до трехсот поставить можете? Вот и давайте.

– Командира себе выберете сами, но мы в общем одобряем Александра Тарановского. Он воевал, бывший унтер, опыт имеет, и в боях повстанческой армии хорошо себя показал как стойкий и беззаветный боец. Думаю, можно голосовать.

Тарановский поправил ремни амуниции, погладил усы, взмахнул папашой:

– Не подвели евреи Бар-Кохбу – не подведут и батьку Махно! Все знают, что в вольной анархической республике все равны, и каждый под защитой батьки Махно и анархической справедливости в действии! Так что если защищать свой общий дом и свои семьи с оружием в руках – значит, до последней капли крови, пусть увидят!

Нужно было унижать до полного ничтожества много поколений евреев, чтобы в Гражданскую еврей, ощутивший силу и власть оружия и военной организации, зверел от крови и делался в таком качестве не только с наслаждением храбр, но и одурело беспощаден. От Троцкого до ротных комиссаров – жестокость оцепеняла население, она вселяла жгучую ненависть – но и она же парализовала, лишая воли и возможности к сопротивлению.

Петлюровцы и поляки устраивали еврейские погромы в силу общего порядка вещей, исторической традиции и неприязни, ну плюс пограбить и понасиловать. В бойце, сатанеющем на войне от бойни, садизм есть нормальное состояние организма, который подчиняется приказу убивать людей, лично тебе ничего не сделавших. Кровавая глумливость как развлечение, щекотка нервов и признак лихости. Григорьевцы вырезали евреев подчистую. Казаки этим не брезговали и белые, и красные: жид был недочеловек. Мобилизованные в красную пехоту крестьяне ничем не отличались от крестьян, мобилизованных в белую пехоту. Однако это тема длинная... и неоднозначная, надо заметить.

...Еврейская рота в Гуляй-Поле была в первый раз сформирована еще в конце 1917. И командиром выбрала себе бывалого фронтовика, вовсе не еврея. Затем произошло гадство.

В апреле 1918 к Гуляй-Полю конкретно подошли немцы: наводить порядок и взимать контрибуцию. И красную дивизию Егорова, и батальоны союзного ему на тот момент Махно немцы потрепали и отбросили на других участках. Оставшаяся при малых силах Гуляй-Польская «головка», не в силах оказать немцам сопротивление, решила «искать консенсус». То есть: арестовала не согласных с ними остальных членов Совета и Ревкома и заявила о самостоятельной украинской линии и лояльности Скоропадскому и немцам. Так вот: при этих арестах заговорщики использовали именно еврейскую роту для арестов, охраны и т.п. Евреям дали понять, что сейчас войдут гетманцы и немцы, и либо надо ждать еврейских погромов, либо евреи должны проявить себя реальными союзниками, и перед новой властью за них похлопочут.

Узнав, Махно был не столько в ярости, сколько в огорчении. Не успел он собрать силы и выбить врага из Гуляй-Поля – как заговорщики сами освободили арестованных и сбежали, не дожидаясь бабкиной кары.

– А вот теперь борись с антисемитизмом среди местного населения, – зло сплюнул Махно.

М-да... Евреи «приспосабливались»... Вековой рефлекс, куда не денешься.

Роту расформировали к черту, не расстреливать же самим... И вот год спустя создали снова.

Опыт учит, и на этот раз усиленную пулеметами роту расширенного состава отвели в качестве арьергарда прикрывать Гуляй-Поле, на которое белые могли наскочить конницей. Конница была казачья, а с казаками евреям было ловить нечего: бейся до последнего патрона, иначе все равно зарежут. (Казачки уже нюхнули расказачивания, когда вырезали целые станицы – работали больше латыши Сиверса, но директива была еврея Свердлова.)

Короче, евреев подставили под Шкуро.

Сейчас вы снова будете смеяться, но Шкуро раньше тоже был красным комдивом. Потом Кубань, где сформировались его части и были вооружены красными, подверглась продразверстке, и конница Шкуро ударила по красным.

Интеллигент Деникин потомственного казака Андрея Шкуро недолюбливал – за партизанщину, жестокость и пронзительный

национализм. Антисемитизм был самой острой нотой в этом национализме.

Конное соединение Шкуро состояло из терских и кубанских казаков и остатков Чеченской кавалерийской бригады (с Великой войны еще).

Еврейская рота отстреливалась до последнего, нанесла урон и была вырублена под корень.

Что характерно – вскоре она была воссоздана и воевала почти до 1921.

С Петлюрой? Ну, рядом

С юго-востока драли повстанцев белые, а с северо-востока зло напирала красные. А на западе стоял твердо Петлюра. Коробочка. Ну?

И вот – Жмеринка. Осенние сады, и не одного еврея: кто и жив – затаился ниже травы.

Из Винницы приезжает Петлюра. Штаб, синие жупаны тонкого сукна, смушковые шапки с малиновым верхом, конная сотня на сытых конях – личная охрана.

– Та и хде же ваш батько?

– Дуже захворав батько, пан головной атаман, вже боялысь, шо помре!

Вчера назначили Шпоту начальником штаба (из комполка). Вид у Шпоты – на зависть самостийным. Ус смоляной, очи черные, чуб выбрит оселедцем по-запорожски и из-под мерлушковой папахи за ухом выпущен. И чешет на богатой мове чище Тараса Шевченки. Щирый украинец, свой брат, хрен ли нам москали!.. И отправил лукавый Махно на переговоры Шпоту в нейтральную Жмеринку: Петлюра в Виннице ставку держит, Махно в Умани пока расположился.

И охрана у Шпоты – таки же гарны парубки. И о чем бы им с хлопцами Петлюры спорить?..

– Ну, и яки ж твои полномочия, шанувный голова штабу? Предъявишь, чи как?

Свистнул Шпота, подали ему портфель, из портфеля папку, из папки бумаги: мандат, патент, грамота, нота – все напечатали в

походном штабе Махно на «американке», переносном печатном станке. Жить захочешь – не то еще предусмотреть.

Махно «изъявлял согласие», «признавал линию», «уважал старшинство» и «предлагал сотрудничество» на условиях «справедливого военного союза» в целях «полного освобождения ридной Украины от ига москалей, офицеров и коммунистов». Ну – и кто же откажется от такого союзника? Петлюре самому ребра сдавили, так что аж начинка лезет.

Итого. Махно обязуется идти рейдами на восток – бить белых, резать коммуникации и глотки, рвать подбрюшье деникинской армии. А Петлюра стоит против красных, прикрывая заодно и его тыл. Раненых оставляем по хатам – петлюровцы их не забижают, при возможности чем и помогут.

Выпили; обнялись, подписали подготовленный писарчуками документ. Привет батьке, пусть выздоравливает.

...Махно, со своим штабом и культпросветом при участии интеллигентского элемента, уже впитал этику гражданской войны. В этот самый день он издал прокламацию «Кто такой Петлюра?», объясняя вынужденность и временность этого союза. Чтоб свои бойцы не смущались. А если к Петлюре попадет? А скажем, что провокация красных – чтоб нас расколоть.

...К этому моменту войны все уже привыкли обманывать всех. Вот только белые были какие-то... упертые.

Брат Савва

Генерал Слащев у Деникина был вроде нелюбимого аварийщика: им затыкали дыры, он спасал ситуации – но был нелюбим за талант и победы. Он был неполитесен. Злорадно говорил бестактности. Наживал врагов. Был обиден своим профессиональным превосходством.

Отбросив и рассеяв Махно, Слащев требовал у Ставки: дайте время, позвольте добить, тыл необходимо зачистить! Деникин менторским тоном поучал: тыловые коменданты сами справятся с мелкими группами, Слащеву же надлежит присоединиться к общему наступлению на север, брать Москву. Да они нас от южных баз

отрежут, Ваше Превосходительство! Уничтожат коммуникации – и конец наступлению, а второго шанса не будет, силы тают! Я вас отстраню от командования в случае неподчинения, генерал.

Махновская армия восстанавливалась не по дням, а по часам. Из деревень, из щелей и запечков выползали селяне с винтовками, выводили тачанки из клуней, ехали ночным шляхом резать белых по гарнизонам.

Выстригались тачанками стойкие офицерские полки. Грабились склады и магазины с боеприпасами и амуницией.

– Отлично! – потирал руки Троцкий, получая донесения в своем штабном вагоне.

– 1-й Симферопольский и 2-й Лабинский полки разбиты махновцами, ваше превосходительство, – докладывали Деникину, почти достигшему Тулы. – Резервов практически не осталось.

...На курганах вдоль железной дороги засели повстанцы, и скупыми очередями (патронов всегда уже мало) сдерживали наступление цепей 13-й пехотной дивизии. Пыхнул один из множества прозрачных винтовочных огоньков, стукнул неразличимый в треске перестрелки выстрел, свистнула одна из множества девятиграммовых винтовочных пуль, и опустил голову на пожухшую траву еще один боец вольной республики.

Похоронили Савву Махно в родном Гуляй-Поле, рядом с отцом и старшим братом, и снова плакала поседевшая мать на руках двух оставшихся младших, и бил салют, и давал клятву Нестор.

Этапы большого пути

Кончался 19-й год, и шел 20-й.

Сходив в еще один рейд с батькой, селянин возвращался домой и приходил в себя. Залечивал раны, набирался сил. Заглядывали свои – кормил-поил их, укладывал на ночлег, давал свежего коня, оставляя себе притомленного. Можно сказать – основная масса махновской армии воевала по вахтовому методу: месяц похода – два дома. Понятно, что качество такого бойца было высокое. Он всегда – с отдыха и переформирования.

Теперь представьте конский пот, заскорузлое белье, грызущие вши. Давно вошло в привычку не жрать сутками, ночевать на земле под дождем, хвататься за винтовку при любом шуме.

Давно вошло в привычку убивать и видеть мертвых рядом. Превращение человека из живого в мертвого стало одной из черт повседневности, работы, образа жизни. Чужих раненых – достреливали или дорезали. Пленных никто не брал: что с ними делать? как содержать и зачем? а отпустишь – завтра же на тебя пойдут? Желающих – принимали к себе. Подневольных солдат могли отпустить на все четыре стороны. Офицеров и командиров-комиссаров убивали всегда.

Давно вошло в привычку делать сотню верст в сутки – дремля в седлах и на телегах. Вошло в привычку, входя в город, взрывать тюрьму, расстреливать «головку» и выявленных офицеров и пособников, менять белье на чужое, но более чистое, разживаться добром, но с оглядкой на батькины патрули, не разрешавшие лишнего. Выпускали срочно газеты – даже эсеровские и большевистские. Выгребали банки, раздавали большую часть денег беднякам. Восстанавливали советы и проводили митинг.

И – уходили, если белые подвигали серьезные силы к очередному городу.

Кривой Рог! Миллерово! Луганск! Мариуполь! Александровск. Екатеринослав. Полтава. Миргород.

Тиф и союзники

Социальные катаклизмы и природные процессы – стороны одного и того же. Еще Чижевский составлял график двенадцатилетнего цикла солнечной активности – и связанных с ней эпидемий и войн.

В результате Великой войны, которая стала называться I Мировой только позднее, погибло 10 миллионов человек только на полях сражений. С мирным населением, умершими позднее от ран в тылу и т.д. – все 20 миллионов. Рухнули империи – Германская, Австро-Венгерская, Российская и Османская. Последовали революции и перевороты – Русская плюс множество на всей территории бывшей России, а также Германская, Венгерская, Турецкая, а также в Северной

Персии, в Монголии, в Китае. Мир содрогался и рушился. Было отчего кружиться головам. Было отчего полагать возможной завтрашнюю Мировую Революцию – да она уже шла!

С точки зрения постороннего космического наблюдателя – российская Гражданская война была частью общей бойни Мировой войны. Раньше группы людей убивали друг друга только вот здесь (в Европе), а теперь стали еще и вот здесь, и здесь. (В течение целого года кончающаяся Мировая и уже полыхающая вовсю Гражданская шли одновременно, причем частично на одной и той же (весь запад Российской империи – Прибалтика, Белоруссия, Украина) или сопредельной территории.)

Если тиф – и брюшной, и сыпной – можно объяснить антисанитарией окопной жизни и разрухой в России, то «испанка» – жестокая форма гриппа – пошла косить весь мир, и отвоевавшуюся Европу прежде всего. Испанка собрала с глобуса 20 миллионов жертв – да это смертельнее отпыхавшей войны!

Ну, а в России к Мировой войне была еще Гражданская, а к испанке – тиф. На нашей улице был особенный праздник. Не все же средневековой Европе вымирать от чумы или вырезаться в реформатских войнах...

Настал 20-й год. Прибалтика и Финляндия получили независимость и контрибуции. На Северо-Западе стало тихо. Англичане вывезли склады с Севера и увели свои несколько полков.

Сибирские партизаны и «белочехи» сгрызли изнутри колчаковский фронт, и угроза Москве со стороны Сибири в общем миновала. «Союзники» вытянули ноги, войска и амуницию с Черного моря давно: в их стане шли свои распри, Версальский договор 1919-го года поставил, вроде бы (?..) точку в Великой войне.

Советская (русская) историография всего этого периода – в основном смесь разных форм лжи в идеологических целях. Этот пестрейший и горячий в мировой истории этап еще ждет своих исследователей. Не написано сколько-то внятного почти ни черта. Но фактом остается: с концом Мировой войны исчезли причины, конкретно породившие Антанту как военный союз. Россия как военный союзник перестала быть в какой бы то ни было форме. Ибо: цель союза была достигнута – враг повержен, раздавлен, ограблен, на все согласился. Союзникам от России больше ничего не требовалось.

Помогать какому бы то ни было российскому правительству против врага не внешнего, а внутреннего – такого в договоре не было. Пока большевиков можно было считать агентами Германии, действующими против интересов Антанты – Антанта имела основания и интересы заменить их русским правительством, которое продолжит войну Мировую, т.е. исполнение договора. А теперь, когда все кончено, – господа, это ваши проблемы...

Де-юре не существовало ни государства, ни правительства, с которым Англия – Франция – США заключали договор. Где Временное Правительство в изгнании? Кто правопреемник Российской Республики лета 1917? Где единство в стане «белых»? Да хоть лидер кто? И что он имеет реальной целью?

Россия – вечная головная боль Европы. И таблетки от нее оказались слишком дорогими. Господа – вспомните нашу Великую Революцию 1789! Возможно, Ленин – это российский Наполеон? А вспомнить нашу 1648 года! Король дурак, народ нищенствует, власть мешает формированию новых капиталистических отношений. Ну – отрубили мы головы своим – расстреляли они своего. Возможно, Троцкий – это их Кромвель.

Господа. Большевики отпускают все провинции на свободу. А эти «белые» – за прежнюю Империю. Нам очень нужен этот русский монстр, лезущий в Дарданеллы и куда ни попадя? Пусть большевики все развалят, и отлично!

Короче. Великая война кончилась. Мы русским ничего не должны. Их помощь никому уже не нужна. «Белые» какие-то раздрызганные и конкретно по большому счету промеж собой не могут стовориться. Занимаемся-ка мы своими делами.

...Вот и скосил жестокий тиф батьку Махно. И выбыл он из игры на долгие недели и месяцы. И лежал в горячке на грани жизни и смерти.

И без железного батьки, непобедимого и всегда знающего верный выход, стала скисать и рассеиваться республика. И, гоня перед собой бесславно проигравшего свой великий шанс Деникина, красные катились через махновскую территорию.

Тифозных пристреливали, и раненых пристреливали, и за найденное оружие пристреливали, и за укрытый хлеб, и если вообще не было хлеба для сдачи, и заложников расстреливали, если не могли

найти какого хотели атамана, или махновского бойца, или убили красного, или раздался где выстрел. А также вешали. Согласно директивам и телеграммам товарищей Ленина, Троцкого и всех прочих. Тут Москва была единодушна. Чтоб думать забыли о сопротивлении!!!

...Объективный ход вещей. И противостоящие ему герои – если верны светлому идеалу! А руки в крови, и ноги в грязи...

Купание красного коня

Всплывает фамилия Лентулова, и всплывает фамилия Маринетти, а уж строки Блока давно наизусть в хрестоматиях, горе буржуям, мировой пожар, закат в крови, и черный квадрат как обрыв ленты. Первые раскаты социальных потрясений отзываются в искусстве, как в сейсмографах, еще не чувствуемые окружающими, просто что-то тревожно в природе становится, как перед затмением.

Да не черный квадрат, а всецветный многоугольник революции, белая мечта и красная надежда распадаются на зубчатые лезвия радужного спектра, музыка сфер прорезается какофонией обвала: слушайте музыку революции! Красные, белые, зеленые, черные, заскорузлый крестьянин и золотой погон, серостуденистый мозг и серебряный клинок, ржание коней и материнские вопли, а уж слезинки младенцев сливаются в реки и моря, мешаясь с кровью всех лучших и храбрых людей эпохи, и пропитанная этой влагой вечная земля обретает твердость фундамента, на котором победители возведут любое прекрасное здание, если сумеют дожить.

Молнии и пепел, листва и сапоги, предательство и любовь. Резкие, яркие, размашистые мазки – зигзагами на картине революции, и Гражданская война – стремление каждого зигзага к совершенству и счастью, которое обретет себя в великой гармонии. Жесткая кисть Творца рвет полотно и сдирает краски до корда, и тогда тяжелый дым встает над яблоневыми садами.

Скрипят тележные оси, ревут волы, со стоном дышит человечье стадо, и четырехпудовой сталью русские «максимы» образца 1912 года постукивают на задках тачанок, распатронивая холщовые ленты.

Двужилен беззаветный карлик Махно, пылает смуглой чернобровой красой его Галя, и не боятся ни бога ни черта хлопцы, согласно кладя ладони на рукояти шашек. Все сгинем, но будет хорошим людям счастье! Соль земли: непобедим народ!..

Инструмент

Трехлинейного калибра, с пятизарядным коробчатым магазином, образца 1891 года, имевшая за основу аналогичную маузеровскую винтовку и чуть измененная Леоном Наганом, с малым приложением участия члена комиссии штабс-капитана Мосина, армейская русская винтовка. Характерно – игольчатый четырехгранный штык: угольная рана не закрывается и тем эффективнее. «Систер-ган» английского Ли-Энсфилда и далее по ходу оружейного справочника, вплоть до лидера – воспетого Буссенаром в «Каштане Сорви-голова» маузера. Четыре килограмма, начальная скорость пули – под 800 м/сек, страшная пробивная сила, убойная дальность 4 версты, реальная прицельная – метров до 800, попасть на таком расстоянии проблемно, пуля отклоняется в полете движением и плотностью пронизываемых воздушных масс.

Не менее прославленный револьвер системы бельгийца Нагана: классический трехлинейный калибр (7,62 – три десятые дюйма), нетипичные 7 патронных гнезд в барабане, гильза покрывает собой и всю пулю, чем предотвращается прорыв газов при выстреле меж барабаном и стволом. Рыльце пули чуть заплющенное, что увеличивает ударную силу. Для своего калибра и мощности – несколько великоват и тяжеловат. Очень надежен – как, впрочем, и все револьверы при соблюдении технологии и точности обработки (прост и доведен до совершенства давно).

Пулемет же американца Хайрама Максима получил большую золотую медаль на Парижской выставке 1895 года, и к 1914 стоял на вооружении едва ли не всех развитых стран, производимый по лицензиям. Единый с трехлинейкой патрон 7,62, те же баллистические данные, но благодаря стрельбе скорострельными очередями реальная прицельная дальность достигала полутора километров: хоть пара пуль

да зацепит. Надежен и благодаря водяному охлаждающему кожуху пригоден к длительной бесперывной работе.

И – маузер, маузер! как обычно называли не маузеровскую винтовку, не маузеровский пулемет, и даже не автоматический (самозарядный, на самом деле полуавтоматический, как практически все магазинные пистолеты) пистолет с магазином в рукоятке; и даже уже не самого старика Маузера. А именно длинноствольный пистолет с коробчатым магазином на 10 патронов, расположенным перед спусковым крючком, чем и характерен. Ствол длиной 200 мм как правило, 100 мм назывался «коротким»; а бывали варианты и до 400 мм. Очень сильный для пистолета патрон того же калибра 7,63 (одна сотая здесь условна, скорее для удобства маркировки, потому что к другим системам эта бутылочная гильза никак не подходила). Огромная пробивная сила и прицельная дальность; престижен в силу дороговизны и внешней эффектности, а также близок по смыслу к компактному автомату: вроде и мал, и бьет довольно далеко, и зарядов много. Мог примыкаться к своей деревянной кобуре-пеналу как к прикладу, тогда был вообще карабин, что и рекламировалось еще до войны.

Об этом потому так подробно – и то мельком! вскользь! второпях! упуская много важного! – что оружие было главным имуществом миллионов людей. Оно спасало жизнь, им добывалась победа, за его потерю расстреливались, им хвастались перед другими: душу в него вкладывали. Это был тебе и дресс-код, и престижный аксессуар, и вместо часов от Патек Филип, и мобильного... Хорошие сапоги, хорошие галифе, хорошие ремни офицерской полевой портупеи; и – оружие. А оружие – красиво и манко: его знатные любители и знатоки по кайфу делали.

И щеголял народ огромными кольтовскими сорокапятикалиберными пистолетами с крупными короткими пулями, отбрасывающими человека на пять шагов; и английскими тяжелыми револьверами «Вебли-Скотт» калибр.505, отрывающими руку и чуть не голову; и немецкими 9-мм люгерами со скошенной рукоятью, удивительной точностью и силой боя – аж череп разлетался! (они еще редко назывались тогда парабеллумами); и австрийскими манлихерами и штайерами...

И браунинг, браунинг! Старик Мозес Браунинг знал, что изобретает, это он ввел в обиход плоский полуавтоматический магазинный пистолет, пригодный к карманной носке и убивающий не хуже револьвера, только перезаряжается и взводится сам! Так что еще долго все аналогичные пистолеты так прямо и назывались – браунинги. Под тот же девятимиллиметровый калибр был боевой вариант (в отличие от 6,35 и 5,65 «дамских», жилетных, сумочных), и убивал исправно, и имел оттенок «культурности» – подобал людям высокопоставленным и интеллигентам более, чем расхожий и громоздкий револьвер.

(Невозможно удержаться от замечания, что знаменитый советский ТТ – это браунинг № 2, сделанный под маузеровский патрон 7,63, мы потом у Германии купили две патронные линии и нашлепали патронов море.)

Английские, французские и американские пулеметы систем «шош»; «льюис» и «кольт», а также «браунинг» мы рассматривать не можем: здесь не трактат об оружии, а было их сравнительно немного, и патроны всегда представляли проблему, разве что вывезли вагонами с белого склада, поставленные им союзниками: а кончатся патроны – хоть бросай пулемет.

Патроны – меняли, доставали, ради них рейды планировали и города брали, где склады. Ради них на соглашения шли и условия принимали – а что делать?..

Трехдюймовые полевые орудия, редко – тяжелые 107 мм. Шрапнель и фугас, взрыватель дистанционный (трубка) и ударный. Аэропланы «Ньюпор» и «Сопвич», танки французский «рено» и английский Mk-N. Эта песня войны и убийства не имеет конца! Ньюансы – смаковали!

Это все – вросшая заедино прослойка эпохи, молекулы вещества той жизни.

Ультиматум

– Разумеется, они не могут пойти на этот ультиматум. – Главнокомандующий войсками Советской Республики Сергей Сергеевич Каменев, сменивший, стало быть, на этом посту Вацетиса,

постучал мундштуком хорошей турецкой папиросы по крышке серебряного портсигара и закурил.

Председатель же Реввоенсовета Республики Лев Давидович Троцкий поболтал в чае ломтик лимона и отхлебнул со звуком.

– Ликвидировать махновщину надо так и так. Своим предложением мы – выигрываем – что? Первое. Мы показываем свое миролюбие и готовность всех простить и сотрудничать. Мы вносим раскол в их ряды; многие послабее и поглупее будут выступать за польский поход и против безнадежной борьбы с нами. Второе. А вдруг да согласятся? Положение их трудное, попробовать-то можно. Третье. Самим фактом этого приказа мы без всяких послаблений даем им понять, кто в доме хозяин. Отправляйте!

Вагон мотнуло, чай плеснулся, Каменев процедил сквозь усы ароматный дым: отдал распоряжение. Несся сквозь страну, расталкивая ширящиеся границы, бессонный состав, и на рукавах часовых матросов, несущих караул в проемах тормозных площадок, топорщились специально сделанные эмблемы: «Поезд Председателя Р.В.С.Р.».

Шел январь 20-го года. Реввоенсовет махновской республики стоял в Александровске. Где ему и был вручен приказ – приказ! – Троцкого: очистить занимаемый район и в безотлагательном порядке выступить всем на польский фронт, присоединившись к красным частям.

Реакция была предсказуемо злобной.

– У нас тут разные партии свободно ведут свою работу – большевики их всех же запретят. Да что запретят – перешлепают по законам военного времени.

– И газеты закроют!

– Товарищи! У нас без ограничений законно действуют рабочие профсоюзы. Руководство профсоюзов выступает категорически против ультиматума красных. Мы их диктатуру уже хорошо повидали! Пролетарская диктатура, а на самом деле диктатура над пролетариатом такая, что хуже царизма.

Все помнят, как ижевские рабочие пошли к Колчаку против красных драться! Это ж подумать – Колчак лучше был! В результате.

– Как там батько? Получше? Дядя Волин! Товарищ Щусь! Ну, надо ж им объяснить! Шо власть наша законная, советская...

Махно напоили отварами, сменили пропотевшую рубаху, приподняли в постели:

– Вот такие наши ответные соображения, батько. Одобряешь?

«В ответ на приказ товарища Троцкого Р.В.С. Свободной Селянской Республики Новороссии, считая также своим долгом счастье всех трудящихся всех стран, предлагает рассмотреть следующие условия».

Контрпредложение было разумным – и неприемлемым. Добре, мы будем выполнять ваш приказ и сражаться беззаветно под вашим руководством. Но – сначала еще немного уточним. Командование вооруженных сил нашей Республики подписывает военный договор о содействии и старшинстве с командованием вооруженных сил вашей Советской Республики. А также договор руководства вашего и нашего. Хоть Ленин и Махно, хоть другие полномочные лица. Что Екатеринославская и Таврическая губернии вами признаются независимыми. И наша вольная советская республика живет со своими законными советами как независимая. И будем верные друзья. И тогда вместе будем бить поляков и белогвардейцев.

Советские агитаторы, то есть агитаторы из советов вольной махновской республики, пошли в красные полки. Мобилизованные в эти красные полки крестьяне слушали их с удовольствием: за волю и дом!

Брат Григорий

Гениальность Троцкого состоит прежде всего в том, что люди, ненавидевшие советскую власть – за нее воевали! Потому что деваться им было некуда – такие создавались условия. А там и – свыкались, притирались друг к другу и своим делам, находили хорошие стороны, желание жить и самоутверждаться брали свое, инстинкт жизни и счастья брали свое... ВГТ и воевали 75 000 русских офицеров – да больше половины всего офицерского корпуса! – военспецами в красных частях. И честно воевали: добросовестность приличного человека и страх за расстрел семьи. Плюс невольный даже профессионализм.

Но если солдату казалось, что можно дезертировать без наказания, что чаша весов наклоняется не в пользу красных – уходили полками и дивизиями. Ну так сейчас, в результате агитации, на сторону Махно перешел даже батальон китайцев! Правда, бесстрашным и корыстным китайцам пообещали денег, а красные выплату задержали.

– Поляки, белые, Махно... Эдак мы потеряем Украину! – зло сказал Троцкий. – Что у нас высвобождается на Востоке, Сергей Сергеевич?

Полки грузились в эшелоны и перебрасывались на махновский фронт, хотя такового фронта еще не было.

Формировались ЧОН – части особого назначения, чекистско-карательные отряды. Часто бок о бок с ними продвигались продотряды – осуществлять продовольственную диктатуру.

Выявление «махновских бандитов» и «их пособников», а также «кулацких элементов» проводилось элементарно. И на этот счет тиражировались описания примерных случаев и инструкции. В захваченном селе бралась группа заложников – и если крестьяне не выдавали тех, кого от них требовали: заложников расстреливали тут же, посреди деревни, всем на страх. Затем отбирали вторую группу – и все повторялось. Особо инструкции подчеркивали, что практически не было случаев, чтоб на грани третьего расстрела – да не выдавали кого надо.

Особо же «злостные» селения уничтожались поголовно. А как очаги классово чуждой заразы – борьба с «эпидемией».

(Так «рассказывание» с поголовным иногда уничтожением станиц началось после того, как в начале 1918 года в армии Сиверса, преследующей жалкую еще и крошечную Добровольческую белую, взбунтовались донские и кубанские казаки: пошедшие воевать, против «гнета царя и помещиков, чтоб не вернулись», они были возмущены карательными акциями против мирного населения.)

Любуйтесь обычным отрядом, условно-средним. Рота латышских стрелков, отделение китайцев-пулеметчиков, еврей-комиссар и командует городской пролетарий с искаженным от умственного усилия лицом: он передовее всех и проводит революционное насилие ради счастья. А народишко в деревне, давно привыкший к разнообразным реквизициям и грабегам, все не может постичь, как это взаправду

можно расстреливать неповинных людей ни за что, требуя выдать то, чего нет в деревне!

– Чтоб на сто верст в округе и сто лет вперед и думать не смели о сопротивлении! – энергично взмахивал кулачком Ленин в Кремле. – И обязательно вешать человек сто из кулачества! («И побольше расстреливать!») – шли вслед записки и телеграммы.)

...Вот так и ехало несколько конных и оружных, и наскочили на продотряд в деревне, и ворвались со стрельбой, успев застрелить и срубить нескольких и крича выстроеным под пулеметом людям отбирать оружие и бить гадов.

Истребив скоропалительно самоявленных спасителей, двоих взяли ненадолго в плен:

– Ну? Откуда взялись, кто такие?

– Я Махно! – Гришка выставил ногу, расправил плечи, сплюнул. – А будем мы – сами знаете хто. Революционеры, анархокоммунисты и верные защитники трудового народа. Который вы, злобное большевистское отродье, грабите и убиваете.

– Не надо анархической пропаганды, – попросил латыш, командир взвода, косясь на трупы комиссара с разрубленной шеей и командира с пулевым отверстием над ухом. – Вы нам и нужны. Подвиньтесь сюда, да, так. Огонь!

На все четыре стороны

Кладбище, ветер, небо, кресты. Итог. Сюжет и рисунок жизни завершен, и смысл прогревается.

Емельян Махно. Убит немцами. На Великой войне. За веру, царя и Отечество.

Карп Махно. Убит самостийными гайдамаками в борьбе за советскую власть.

Савелий Махно. Убит белыми в борьбе против помещиков и бар за равенство и счастье трудового народа.

Григорий Махно. Убит красными в борьбе за свободу и справедливость угнетаемого трудового крестьянства.

Вот что такое народная война.

И если побеждает в ней народ – то это ненадолго...

Пьет батько. Справляет батько горькую тризну по братьям своим. И седую высохшую мамку можно только обнять за плечи и баюкать молча. А слова не идут. Нет слов. И слез уже нет, чтоб душу облегчить. Высохли в груди слезы и жгут. И только после много выпитого иногда пробивает.

Вырубает батькины хлопцы злую нечисть, и давно нет в сердцах пощады. Латыши и эстонцы, китайцы и мадьяры – сколько чужих, сколько наемных убийц за гроши привели большевики в вольную Новороссию. Раздевают их донага и рубят за околицей. Да только больше русские и украинцы же под клинок идут. И евреи комиссарят...

Прошла по Украине буденновская дивизия Апанасенки – после еврейских погромов живых не осталось. Так кто кем правит, кто кому служит? Прав Кропоткин, национальность почитай и не существует, не имеет значения.

Дома и стены помогают, разведка работает, народ сам прибегает: вот там красные идут. Идем врозь скрытно к тому месту – и разом соединяемся, вместе бьем красных. Как будто и нет нас – а только для боя и победы мы из-под земли появляемся.

Армию мы любую слошим. С тачанок в степи выкосим. В селах на ночевке вырежем. Ударим конницей из лога, расстреляем фланговым огнем из лесочка, сожжем склады, перехватим обозы. Не в армии дело...

Жестоко воюет Троцкий. Тактика выжженной земли. Доставят газетку с очередным ленинским воззванием, а там: «Беспощадный террор! Уничтожение врага как класса!» А классовый террор – это убивают без пощады малых и старых. Семьи, роды, все земляки – просто стираются, как не было, только пустота в памяти зияет.

Поэтому время пощады кончилось. К добрым – и мы добрые. К жестоким – наши волчьи зубы еще в царские довоенные времена хорошо люди знали. Классовая война? Помещиков и офицеров мы давно ликвидируем без рассуждений. Ничо, сердце не мягче вашего. Но – своих?! Крестьянских детишек убивать, крестьянских баб?!

Ничего... Увидите – над нами победы быть не может. Бить кровососов будем вечно. И восставать наша армия будет, как из пепла. Мы – народ! Хрен победишь. Да еще хлебнувший воли и

справедливости. Хлеб – всему голова. И народ – бессмертен. Поймете, никуда не денетесь...

...В молниеносных рейдах метались неуловимые махновские отряды и полки. На огромном пространстве размером с половину Германии, от Кубани до Полтавы, от Азова до Харькова, гремели тачанки и сверкали клинки.

Хмурились в поезде Председателя Р.В.С.Р., и хмурились в Кремле. «Мы теряем Украину...» «Все на борьбу с махновщиной!»

Белая рука помощи

Далеко на северо-западе красные получают свою порцию по морде от поляков, а поляки крепко имеют по гордой физиономии от красных. Но конец такой, что происходит «чудо на Висле» и ясновельможные паны поддали всемирным революционерам вплоть до разгона, интернирования, забирания территорий и позорной растерянности Москвы.

Посему в Гуляй-Поле сравнительно тихо. Спорят партии, выходят газеты, профсоюзы стыдят своих рабочих, которые решили при анархии, раз сами хозяева, меньше работать и больше получать, а не срastaется. ВоенРевСовет Гуляй-Поля – бдит: лишь постоянные рейды по контролируемой территории обеспечивают свободу республике.

Про красный Агитпроп не забыли? Интеллигентные дамы, купленные за селедочный паек поэты, теоретики красной пропаганды с образованием шесть классов гимназии, рослый бритоголовый Маяковский. Отдел агитации и пропаганды – то бишь на нашем новоязе: пиара и рекламы. Р.С.Ф.С.Р.!

Черную пайку и воблу надо отрабатывать! Как? Думайте, идиоты! Нет – не все идиоты были среди получателей еды и любителей сходить посмотреть на расстрелы в лубяньских подвалах (куда так дружески приглашал Блюмкин своего друга Есенина).

Газеты и плакаты рисуют образ Махно: пьяное и донельзя расхристанное существо, безбашенный бандит, по агрессивности и безмозглости злейший враг советской власти на Украине. Пособник белых, таким образом.

Мы никогда уже не узнаем, читал ли генерал Врангель советские газеты. Но достоверно известно, что человек он был грамотный. И более чем разумный. И жесткий. И отнюдь не старый.

Когда Антон Иванович Деникин позорно и глупо провалил всю кампанию, как и предсказывали несколько толковых офицеров заблаговременно по его ошибкам, он уехал в Париж. Он утомился и потерял веру. Он переживал, что его плохо слушаются. А заставить себя слушаться он не умел.

Военный Совет ВСЮР – Вооруженных Сил Юга России – снял его и передал командование Врангелю. До этого Врангеля не подпускали к самым верхам. Сравнительно молод, способен, много хочет... конкуренто-опасен, одним словом. Да не одного Врангеля не подпускали к центральному командованию. Правили генералы, прошедшие отбор в тупо-бюрократическую царскую эпоху: послушен, скромн, пороха не выдумает, странных мыслей не имеет. Сделав карьеры, они очень оберегали чин и положение.

(Почему большевики нарывали и возносили тогда таланты? В первую очередь военные? Потому что победа необходима – а расстрелять кого угодно можно в любой миг! ЧК при себе, а Ленин с Троцким главные! Так что – поднимай на должность, а чуть что – шлепнем.)

Итак. В Крыму сидит барон Врангель, расчетливый, хладнокровный и жесткий. Он вышел пехотными дивизиями в Таврию и Северное Причерноморье. Обласкал работяг отремонтировать английские танки. Занял левобережье Днепра. Обозначил фронт от Александровска до Бердянска. Хорошо идет!

И в Гуляй-Поле прибывает парламентар. Он поправляет – я не парламентар, я – посол. От главы республики Врангеля к главе республики Махно. Знаю, что рискую жизнью, но жизнь страны и народа дороже. И мне, и вам. Уполномочен вручить лично, в собственные руки.

И вручает батьке письмо, подписанное начальником штаба вооруженных сил Правительства Южной России. Генералом Шатиловым. С предложением о сотрудничестве. Имеем все основания вступить с вами в равноправный и полезный обоим сторонам союз.

Батько сидел в кресле, вытянув перед собой забинтованную ногу. Мучило ранение разрывной пулей в ступню. Воспаление не спадало,

доктор боялся гангрены, боль не давала спать. Болеть было некогда, не так давно от тифа оправился, и злой ослабевший батько спасался уколами морфия. (Тогда и стали строить байку о наркомании Махно, морфиниста и кокаинщика.)

Русская Армия (уже не «добровольческая»). Основная часть воинов – трудовые крестьяне, а бок о бок с ними рабочие с заводов. Командиры – те, кто три года кормил вшей в окопах Великой войны, делил все опасности и тяготы с рядовыми солдатами, имеет боевые раны и награды за подвиги. Главное:

Воюет Русская Армия исключительно с коммунистами, с диктатурой большевиков, с комиссарами и чекистами, с расстрельщиками и продотрядами. А после победы – всенародные выборы и строй общества по усмотрению народа.

Таким образом, Русская Армия – не враг Махно, а союзник. Враг у нас общий. Слово свое мы держим. Забудем старое, надо спасти родину! Плюс боеприпасы и любые гарантии.

Врангель был прав.

Ход был неожиданным и очень сильным.

Махно был ошеломлен.

– Так. Ответ получите завтра. Свободны. Хлопцы! Накормить, расположить как полагается посла, чтоб все было в порядке.

Незаметный конторщик или кто там рефлексивно выпрямился в офицерскую вытяжку, щелкнул разбитыми ботинками и повернулся через плечо четко. Махно сощурился и вздохнул.

– Ну, шо скажете? Товарищи командиры и товарищи теоретики?

– А не выпить ли нам, батько, по поводу такого предложения? – оживленно шлепнул себя по ляжке Щусь.

– Никак ты, Федя, офицером стать захотел?

– Не. Но это значит – и для тех и для других мы во какая сила!

Засели совещаться всерьез и надолго.

– Конницы у них мало совсем осталось, – сказал командующий махновской конницей Семен Каретников. – Казаки кто побиты, кто у красных, кто сбег. Хотят, чтоб мы им конницей помогли.

– Тылы мы будем контролировать, – сказал начальник контрразведки Левка Задов. – Народ весь наш, в народе белякам веры нет. Так что тыл всегда поддержит нас. Наша сила над ними в этом союзе.

– О! – поднял палец Махно и выпил.

– Нестор, – сказал дядя Волин. – Нестор Иванович. Белые – те же государственники. Вот возьмут Москву и Питер. Проведут, положим, Учредилку даже. И будет обычное буржуазное государство. Буржуазный суд. Конституция. Право торговли и собственности. А значит – будут капиталисты. И угнетение человека человеком. И все по новой. Мы об этом много раз говорили...

– Да мы их потом всех в моголевскую губернию определим! – хищно осклабился Щусь. – Пускай сперва нам трошки пособят большевиков ликвидировать!

– Мы всю дорогу белых и помещиков ликвидировали как класс, – вслух скорбел Махно. – А теперь станем их союзниками. Народ что скажет? Что мы продались. Народ – за белых? Нет, против. Народ за нас – потому что мы обороняем его и против красных, и против белых. Армия наша – какая? Народная, анархическая, против любой власти, за селян. А если мы за белых? То вера нам будет не та. И армия – ослабнет очень сильно. Разойдутся хлопцы по хатам – а обратно не дозовешься...

– А – жаль! – с силой сказал Аршинов-Марин. – Вся Украина была бы наша! А Москва с Петроградом пускай им достанется... Эх!

...Наутро «посол» посмотрел в глаза Махно и слегка побледнел.

– Предложение ваше мы отвергаем, – подтвердил Махно. – Так что уж простите, ваше благородие, но придется вас расстрелять. Так народ решил. А решение народа у нас выше всего.

– Что ж, – пожал плечами офицер, – надеюсь, что как посол я имею право на особое отношение. Папиросы приличной ни у кого не найдется? Уж больно у меня махра дрянная... для конспирации.

Он выпил предложенную чарку, уселся без приглашения и закинул ногу на ногу:

– Помянете мои слова, господин Махно, вы совершаете сейчас роковую ошибку. И воздастся вам мерой за меру. Что вы, как умный человек, и сами прекрасно понимаете. Ну – пойдете, куда там у вас?

– Да не получается иначе, – с досадой сказал ему вслед Махно.

– А может, не умеете? – улыбнулся от двери офицер.

В грохоте и звоне миров рушилась и возрождалась величайшая Империя, шестая часть всей земной суши, и потоки крови, кипящей от страсти, смывали любые ограничения и пределы. Ликующим заревом отвечивала в душе Мировая Революция, кто был ничем – становился всем, высшими лицами государства – в одночасье. Страдание и боль имело великий высший смысл: новый мир для всех хороших людей.

Ах, куда же ты, Ванёк, ах куда ты, Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты...

Тысячу лет будут вспоминать теперь русские всё меньших стран свою великую легенду – Великую Гражданскую Войну, не знавшую равных в мировой истории. Не было никогда на пространствах столь огромных такой пестроты противоречивых трагедий и безумных надежд. Царство Божие на земле – вот оно, рядом, на расстоянии штыка, с завтрашним рассветом, не поздней будущей весны. Мудрые умы и светлые души всех стран учёно предсказали это: Томас Мор и Сен-Симон, Маркс и Нечаев, Прудон и Бакунин, Жорес и Плеханов, Кропоткин и Ленин.

Сгнила старая формация, отгуляла заживевшая буржуазия всех стран, и общий кризис капиталистической системы разразился Великой Войной – ради наживы капиталистов. Наша эпоха – новая: телеграф, телефон, радио, аэропланы и поезда связали земшар, как апельсин для рождественской елки. Пролетарии всех стран – объединяйтесь! И Интернационал грозит всем угнетателям!

Весь мир насилья мы разрушим
до основанья, а затем
мы свой, мы новый мир построим:
кто был ничем – тот станет всем!

Лишь мы, работники великой
всемирной армии труда
владеть землей имеем право,
а паразиты – никогда!

Музыканты так же хотели есть, как рядовые бойцы, их так же грызли вши и валила горячка, и помятые медные трубы переходили от

сгинувших к новым владельцам, и меняли фунт житного за новые обмотки с убитого, и могли отдать револьвер за шмат сала. Великое горе сливалось с великой надеждой, и нелюдская жестокость соседствовала с той нежностью заскорузлых сердец, когда с матерком и кривой усмешкой отдают свою жизнь ради твоей.

Но мертвые, прежде чем упасть,
делают шаг вперед.
Не винтовке, не пуле сегодня власть,
и не нам умирать черед.

И пройдет полвека, и четверо ребят затают на четыре голоса квадратом с негромкой печалью стихи, известные тогда всем со школьных хрестоматий:

Мы ехали шагом,
мы мчались в боях,
и яблочко-песню
держали в зубах.
Ах, песенку эту
поныне хранит
трава молодая,
степной малахит.

Но песню иную о дальней земле
возил мой приятель с собой в седле,
он пел, озирая родные края:
«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Он песенку эту
твердил наизусть.
Откуда у хлопца
испанская грусть?
Ответь, Александровск,
и Харьков ответь:
давно ль по-испански

вы начали петь?

Скажи мне, Украина, не в этой ли ржи
Тараса Шевченко папаха лежит?
Откуда ж приятель, песня твоя:
Гренада, Гренада, Гренада моя?

Он медлит с ответом,
мечтатель-хохол:
«Братишка, Гренаду я
в книжке нашел.
Красивое имя -
высокая честь:
гренадская волость
в Испании есть.

Я хату покинул, ушел воевать,
чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать.
Прощайте, родные, прощайте, семья,
Гренада, Гренада, Гренада моя!

Мы мчались, мечтая
постичь поскорей
грамматику боя,
язык батарей.
Восход поднимался
и падал опять,
и лошадь устала
степями скакать.

Но яблочко-песню играя эскадрон
смычками страданий на скрипках времен.
Так где же, товарищ, песня твоя:
Гренада, Гренада, Гренада моя?

Пробитое тело
наземь сползло,

товарищ впервые
оставил седло.
Я видел: над телом
склонилась луна,
и мертвые губы
шепнули: Грена...

Да, в дальнюю область, в заоблачный плес
ушел мой товарищ и песню унес.
С тех пор не слышали родные края
«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Отряд не заметил
потери бойца,
и яблочко-песню
допел до конца.
Лишь по небу тихо
сползла погода
на бархат заката
слезинка дождя.

Новые песни придумала жизнь,
Не надо, ребята, о песне тужить.
Не надо, не надо, не надо, друзья...
Гренада, Гренада, Гренада моя!

Не будет больше этого времени, не будет. Без мала век прошел – и жалкие меркантильные интересы заболотили народы и страны. И уже нелегко большинству и понять, как можно оставить обеспеченную жизнь ради счастья человечества, о котором лишь старые демагоги говорят сегодня за зарплату.

Посмотрите старые фотографии. Посмотрите старые кинохроники. Эти ребята в шинелях архаичного покроя почти-почти дотянулись до небес! Апостолы взяли винтовки, решив, что того света нет, и порядок надо наводить на этом.

Мы отвлеклись. Мы забежали вперед.

Перекоп. Эпопея

1. Генерал Яшка Слащев.

Много писано, как красные под руководством товарища Сталина обороняли Царицын, но редко поминали, что Деникин, идя на Москву, лихо их оттуда вышиб. Ну да, ненадолго.

Много писано про штурм Перекопа, но почти никогда – что красные толклись там всю зиму-весну 20-го года, и многие их штурмы и наступления были безуспешны и обернулись пустыми и серьезными потерями. Не брался Крым!

В бравшей Крым 13-й красной армии заменили не справляющегося Геккера на командарма Пауку, а Пауку-на Эйдемана, но толку было столько же. В 13-ю влили Латышскую и Эстонскую дивизии – «кремневых бойцов»! Тяжело катались по рельсам, грохоча трехдюймовками, десяток бронепоездов. Авиагруппа, сформированная из ветеранов Мировой войны, вела разведку и поливала сверху пулеметами. Армия насчитывала десять дивизий, не считая вспомогательных частей. У нее было все, и от нее не было толку.

Если раньше молодому, талантливому и жесткому Слащеву не давал ходу Деникин, то теперь его использовал Врангель. Слащев из соплей построил рокадную железнодорожную колею и перекидывал свои ничтожные части с одного фланга на другой. Давал красным втянуться в узкости перешейка и бил по частям. Муштровал и вдохновлял батальоны ополчения из студентов и гимназистов. Местность была пристреляна, запасные позиции для маневра обжиты, пулеметчики отобраны и обучены. Красных было вдесятеро больше, и они приходили в отчаянье. Крым был неприступен. «Взять невозможно!» – докладывали командармы в Москву.

2. Обстановка.

И наступает лето, и поляки вламывают красным на Висле, потери в сотни тысяч человек, провал кампании: не донесли на штыках

счастье до человечества Европы! Мировая Революция как-то начала откладываться с завтра на несколько отдаленное будущее...

И тут Врангель опрокидывает и сметает этих бездельников, которым все дали, 13-ю армию, и выходит в Северную Таврию, и собирается правым флангом занимать Донбасс, а левым дружить с Петлюрой. Доваландались в Крыму, идиоты, ругается Троцкий!

А Махно методично уничтожает красные отряды, советы и комбеды по всей Новороссии и Юго-Восточной Украине, режет коммуникации, грабит склады, не пропускает обозы с продовольствием... То есть нормально работать в таких условиях совершенно невозможно.

А на Кавказе и в Закавказье плохо, ребята, там местные без перерыва бузят и не организуются. А в Туркестане этим баям и басмачам еще англичане добра подбрасывают и персы помогают... головорезы. С Дальнего Востока, кстати, из умно и изящно созданной Лениным буферной Дальневосточной Республики – непонятно как выковырять 70 000 японцев, это вояки бесстрашные, жестокости и цепкости несравненной.

А недорезанный лорд Уинстон Черчилль все долбит свое: задушить большевизм в колыбели, пока этот чудовищный младенец не вырос, дабы сам удушить всех. Ядовиты англичане...

Трудно бороться за коммунизм против стоголовой гидры мировой буржуазии, товарищи.

3. Договор.

И тут – хоп! – Врангель, развивая наступление, хорошо подготовленными и экипированными частями занимает Гуляй-Поле.

Не упускать шанс! Гуляй-Поле всегда для Махно имеет особенное значение.

И красный парламентар чл посол является к Махно. На предмет обсудить условия союза. Вы революционеры – и мы. Вы против белых – и мы. Вы за народ – и мы. Давайте опять дружить!

– Опять обманут, суки, – сказал Махно.

– В этом-то и сомнений нет, – сказал Аршинов-Марин.

– Вопрос: какую пользу мы можем извлечь из союза? – сказал дядя Волин. – Мы им нужны для помощи против Врангеля. А они нам? Ведь победим – а потом они нас снова вне закона объявят!

– Как пить дать! – сказал Щусь, давно уже сам ходивший с подобающим званием атамана. – Тут надо приладиться – как бы их, в случае чего, самих первых порубать?

– Не возьмут они без нас Крым, вот в чем дело, – сказал атаман Каретник, то бишь Семка Каретников; эдакий командующий кавалерией всей повстанческой армии, своего рода махновский Ланн или Мюрат. – Мы им сейчас очень ценные!

– Белым всё одно не одолеть, – вздохнул Махно.

– Как сказать, – раздумчиво протянул Волин. – Если румыны откусили Бессарабию, турки – пол-Армении, поляки – пол-Белоруссии... так почему белым не откусить Крым? Признает Европа их правительство, продолжит помощь, и станет Крым отдельным.

– Как, в сущности, до Екатерины и Потемкина, – согласно пожал плечами Аршинов-Марин.

– Те-те-те! – поцокал батько, подняв палец. – А шо, громодяне – хто красным выгодней в Криму: беляки – чи советские селяне, анархокоммунисты?

Поняли; оценили; закурили.

– Есть шанс, – взвесил Волин.

– Спробовать можно, – блеснул зубами Щусь.

4. Условия договора.

Все бойцы Революционно-повстанческой Армии Украины, а также вообще все анархисты, захваченные красными в плен, находящиеся на данный момент в тюрьмах и концлагерях, немедленно освобождаются.

Анархисты имеют право издавать свои газеты, излагать анархо-коммунистическую точку зрения на текущий момент.

Анархисты имеют право участвовать в выборах в местные советы и все советские органы.

Армия эта батьки Махно вливается как структура в ряды Красной Армии, подчиняется командованию Красной Армии и его

соответствующим органам и участвует в совместных военных действиях против белых вплоть до окончательной победы.

После чего область Таврии и Крыма отводится для участия там анархокоммунистов в советской деятельности и самоустройстве жизни сельского населения в тех объемах, которые были оговорены выше. Проще говоря – после победы можете в Крыму и рядом участвовать на равных правах с нами в народной жизни, высказывать свои взгляды и вообще мирно сотрудничать в рамках нормального закона.

Вообще выглядит допустимо. Правдоподобно. Нельзя исключать. Есть смысл пробовать.

Подписали в Харькове, столице Советской Украины. С советской стороны: командующий Южным фронтом Фрунзе, член Реввоенсовета фронта Гусев, вездесущий функционер Бела Кун. Со стороны Совета Революционно-повстанческой Армии Украины: атаман Куриленко, атаман Попов.

Махно почел за благо сказать больным. Мучила незаживающая нога, и свежая сабельная рана на лице, и оцарапанный пулей затылок, и то и дело трепала лихорадка... А главное: сохранить за собой пространство для политического маневра. Мол, я не подписывал, я от атаманов могу отмежеваться, и т.д. Научились.

5. Штурм Перекопа.

Переброшенная с востока 51-я дивизия Блюхера стала основой Перекопской штурмовой группы.

Когда дело дошло до дела, армия Махно оказалась очень маленькой: «Всю головку дам! А селяне по домам сидят, да и перебиты почти все за эти годы...» Итого – около 4000: конница Каретника и полк пехоты при тачанках.

Переход через Сиваш: черная ночь, ледяная ноябрьская вода по горло, винтовки над головой, грозное и неожиданное для врага «ура!» с выходом на берег, – все это столько раз было в скверной литературе и дурном кино (а хоть и не дурном), что решительно нет деталей для добавления.

Однако: основная часть сводной махновской бригады была брошена на Турецкий Вал – в лоб. Рядом с еще одной бригадой

блехеровской дивизии.

Врангель уже подготовил армию к эвакуации морем. Все боеприпасы пускались на отражение последнего штурма: беречь больше незачем. Шли и неслись сквозь стену огня.

Блехеровская 51-я дивизия потеряла три четверти состава. Что никого не смущало. Крым взят!

6. Неизбежная благодарность.

– Вряд ли они всерьез поверили, что мы отдадим им Крым... – сказал Троцкий.

Командарм Фрунзе продиктовал секретарю приказ:

– Все махновские части включаются в состав 4-й красной армии. Подчинение командованию армии. Подчинение красноармейской революционной дисциплине. Назначение комиссаров.

– Что означает – будут делать что приказано, – сказал Гусев.

– Что означает – приступить к ликвидации, – откровенно озвучил Бела Кун.

Следует сказать, что красные дали Махно три дня срока на исполнение этого приказа. И хлопцы во главе с батькой непростительно лопухнулись.

– Уже погодим, – решил Махно, когда до него дошли эти сведения.

Лишаться армии – дурных нема.

Волин ударил кулаком по столу и опустил голову.

– Черт!! – сказал он. – Если они объявят войну конченой – так конец и нашему договору. Делай что хочешь. А если не конченой – то надо подчиняться. Поймали дураков!..

– Успокойся, – вздохнул Аршинов-Марин. – Если надо кого расстрелять – формальности никого не волнуют.

– Приказ исполнять не будем, – решил Махно. – Поторгуемся еще с ними. Мы союзники, противоречий нет.

Ночью на 26 ноября все находившиеся в распоряжении красных части махновцев были окружены и уничтожены. Пленные расстреляны.

Все представители Революционно-повстанческой армии Украины, находившиеся на тот момент в Харькове, были арестованы и расстреляны.

«Войскам фронта считать Махно и его отряды врагами Советской республики и революции».

...Небольшая группа конницы при тачанках сумела прорваться ночью из Крыма и добраться до батьки.

7. Кстати об евреях.

Все местные органы ЧК на территории Украины и Новороссии получают приказ: немедленные аресты всех примыкавших к Махно – то есть к движению Революционно-повстанческой Армии Украины и внебольшевистской Советской Власти – анархистов всех направлений и мастей. Тут же арестовываются: Волин (Эйхенбаум), Арон Барон, Лия Гетман, Гофман, Коган, Цейлих, Таратута, Аккерман, Консе и Марк Мрачный, не считая фигур менее заметных и всякой мелочи.

Заметьте, господа: три четверти царских офицеров воюют у большевиков – а самые последовательные и радикальные из евреев-революционеров, т.е. анархисты, выступают заедино у Махно. Пестра Гражданская война, спутан клубок, туг узел.

И рубит его карающий меч революции без пощады.

Последний взлет

«Хрен догонишь!» – было написано на спинках тачанок.

Бескрайна и безжизненна зимняя степь. Кому пустыня – да кому любой огонек дом родной.

Раны мучили батьку. Он пил часто. Пузырилась пена в углах бешеного рта, и валила падучая. Злоба сжигала его, злобой держался, когда слабела вера.

Ан не все кончено! Да не хочет народ жить под большевиками! И каждый день тому дает новые ручательства.

Двигают на Махно Первую Конную армию Буденного: прижать банды к морю, рассеять, вырубить! Итог: отряды Махно

выскальзывают меж буденновских полков – зато одна из бригад Конармии, знаменитого «краснознаменца» Маслакова, в полном составе поворачивает оружие и начинает воевать против красных.

Двигают на Махно Вторую Конную товарища Миронова. Два десятка (!) маршевых эскадронов, перекинутых с Кубани и Северного Кавказа, на территории возрождающейся на глазах махновской республики исчезают – чтоб оказаться в Революционно-повстанческих формированиях!

Лично Ленин требует «подтянуть изо всех сил!» главкома С.С. Каменева: где броневики? где аэропланы? как используется лучшая конница? у нас нет хлеба! нет дров! вас кормят! а бандиты всё руют!

Пара тысяч деморализованных бойцов на глазах превращается в 10-тысячную силу штыков, до 4 тысяч сабель, три сотни пулеметов!

Триандафиллов выпил перед обедом рюмку разведенного спирта – сказал злорадно Фрунзе:

– Не зажмем мы его, Михаил Васильевич. Преимущество в мобильности, применимости к местности и разведке всегда будет на стороне партизан.

В вежливой и профессиональной форме это означало: планов-то я тебе составлю сколько угодно, и самых лучших и верных. Но заставить ваших несчастных разгильдяев мои планы выполнить вы не можете.

Фрунзе бережно ценил своего начштаба, благодаря которому сам прослыл талантливым полководцем. Поэтому он посмотрел на Триандафиллова вполне кротко, как умеют быть кроткими люди, жестокие естественно и непринужденно. И спросил ожидаемое:

– И что же вы предлагаете, в таком случае?

И стал есть суп, пока горячий. В щели салон-вагона задувал ледяной ветер.

– Гонять его будем, – сказал Триандафиллов. Полковник и штабист, он испытывал сугубо профессиональную неприязнь офицера к партизану, смешивающему правила войны. – Ударная группировка, не распадаясь, должна преследовать его по пятам, не давая отдыха.

– А в селах придется ставить гарнизоны для оказания сопротивления, – кивнул Фрунзе. – Сначала они будут наносить махновцам посильный урон. А потом мы будем карать села за пособничество.

И гарнизоны, и селяне тем обрекались на уничтожение. Триандафиллов никак не отреагировал. Это означало, что вопрос вне его компетенции. Пусть коммунисты сами разбираются.

– Потери надо вовремя восполнять, – сказал он только.

Фрунзе кивнул спокойно.

...Красный террор продолжал выжигать землю. Орудийный огонь разметал деревни в прах. Мужчин и женщин заставляли вместе раздеваться перед расстрелом. Продармейцы и чоновцы плену предпочитали часто самоубийство: чтоб не вымотали у живого кишки, не срубили с тела все части, не содрали кожу, – озверели до невообразимого и махновцы...

– Не трать патроны, зарежь их, – кидал обычное замечание командир подчиненному.

Мечась по огромному пространству и теряя людей, Махно дошел до Дона. Казаки – люди воли, они поддержат, ведь в повстанческой армии казаков много! Поднимем Дон, поднимем Кубань, Терек – народ пойдет теперь на Москву, а не белые генералы!

Казаки не поднялись. Некому было подниматься. Рассказывание было проведено крепко. Кремль оказался прав насчет террора. Уничтожили столько и так, что уцелевшие на месте боялись голову поднять.

Шла весна 1921 года. Тая в последний раз, маленькая армия Махно двинулась обратно на Запад...

Бои принимали обреченный характер. Да подошло время пахать землю, сеяться пора.. И люди стали растекаться по домам, прикидывая: меня-то – не расстреляют? не донесут соседи? отбрехаюсь ли? жить-то как теперь?..

Амнистия

– Мировая революция откладывается...

– На приближении Мировой революции надо сосредоточить все силы!

– Для этого сначала самим надо силы собрать.

В Политбюро шли споры. Самый прагматичный, циничный и расчетливый, самый властолюбивый и самоуверенный из всех, Ленин

продавил свою линию – как обычно. Кончаем с военным коммунизмом, не крутится машина. Что? Да, конечно, временно, именно временно, батенька. И объявляем НЭП – хорошо звучит? – новую экономическую политику. Пусть дышат, работают, чег'т с ними. Народ накормим, жирку подкопим, и дальше двинемся.

Продразверстка была заменена продналогом. Того горького хрена нынешняя редька оказалась послаще. Перестали поголовно загонять крестьянина в государственную коммуну. Хозяйствуй уж себе, если хочешь. Запахло жизнью после невозможных для жизни мук.

А поскольку именно за свою землю, за свое хозяйство и право жить своими руками и своим желанием – за это мужик и боролся, – так теперь он хотел хозяйствовать.

Отмену военного коммунизма завоевал народ.

Похоже, никто еще этого не уяснил в своей глубинной и простой, как тонкая нить внутри колбасы, сути. Всеобщее и повальное огосударствление всего, коммунизация, уравниловка, распределителовка, – не работали и привели страну в коллапс, потому что народ сопротивлялся им как мог. От скрытого саботажа на рабочих местах – до массовых народных восстаний.

И Революционно-повстанческое народное движение на Украине и в Новороссии – было самым яростным и упорным очагом этого сопротивления.

Понятно ли? Гражданская война началась всерьез и повсюду, когда стали забирать у мужика хлеб, распределять все и делать коммуны под управлением комбедов. Гражданская война кончилась совсем, когда эту хрень непереносимую отменили. Вот так.

Отвоевали себе хоть кое-какие свободы! Хоть немного (а и немало для крестьян!) хозяйственных свобод!

Так что отчасти Махно Гражданскую войну выиграл. Хоть на четверть!

Ему этого было мало. Но многим его хлопцам оказалось достаточно.

Повторим. НЭП ввели не после Гражданской войны. Совсем иначе. Гражданскую войну прекратили введением НЭПа. Ортодоксальные кремлевские коммунисты под давлением вооруженного народа и всеобщего саботажа пошли на компромисс с народом, на соглашение.

Хрен с вами, граждане, получите себе вот это и вот это. Но командные высоты все за нами!

Ладно, давайте хоть так, согласились граждане.

...А параллельно с объявлением и введением НЭПа объявлялись амнистии «мятежникам» и «бандитам». Всё, по полям, забыли старое, иди работай так, как хотел. Не тронем.

Пятый Всеукраинский съезд советов также объявил «амнистию-прощение всем бандитам, которые добровольно явятся до 15 апреля». Печатали в газетах, распространяли листовки, сбрасывали порхающие листы с аэропланов над лесами и клеили на заборы. Амнистию продляли, потом еще продляли.

И это сработало.

Обнимались, прощались, долго смотрели вслед. Бросали оружие и измученно, с робкими счастливыми надеждами, возвращались до дому.

Больше у Махно армии не было. Так, группа верных и отчаянных, беззаветные революционеры и закореневшие головорезы.

Преданный, как пес, Левка Задов. Улыбчивый и хищный до оледенения Федька Щусь.

И жена Галя.

Последний штурм

Война кончилась. Но не сразу это понималось. Семь долгих лет прошло с последнего «мирного» лета 1914. Это было – в другую эпоху, в другом мире, за неизмеримой далью неслыханных дел. Выросло и вжилось в окружающую круговерть новое поколение – не знающее толком ничего, кроме умения убивать и выживать. Это было для них – как наркотик, как любовь, как русская рулетка. Шершавые волки, солдаты удачи, профессионалы войны. Те, кто доберутся до заграниц, будут как магнитом тянуться во Францию, сбрасывать старые имена и биографии при вступлении в Иностраннный Легион: сгинут в боях на всех континентах или доживут спокойную старость скромными французскими пенсионерами,

Сейчас эта братия сбивалась вокруг Махно. И сейчас он принимал всех. Это были отпетые души, бойцы высшей пробы. Потерявшие всех родных крестьяне, позабывшие дом солдаты, бравярующие близкой

смертью анархисты-черноморцы, опьяневшие от садизма пленные мадьяры и ненавидевшие большевиков лютей гибели казаки. Есть люди, не приемлющие поражение и не смиряющиеся ничем.

– Мы ще посмотрим, хлопци, – сказал Махно даже весело, хлебал кулеш из котла: скрывались в днепровских плавнях.

– Глотки порвем кому хошь, – сказал Щусь.

– И уйдем от кого угодно, – подтвердил Задов. Две сотни было у батьки, при паре тачанок. Об артиллерии забыли и думать.

– Делать надо то, чего от тебя не ждут, – сказал Аршинов-Марин.

– Вот в Харькове-то нас и не ждут, – сплюнул Махно и дурашливо почесал в галифе.

– Чешется у тебя, батько?

– А и почешем!

План выглядел так запредельно, из-за грани смерти, в пасть которой сами совались, что стали смеяться: а, кураж пошел! Всерьез? А вот да!

– Шо мы, мало городов брали? Или Харьков их больше?

– Через села пройдем, батько, людей подыдем.

– В Харькове арсенал. Нам только арсенал взять и раздать оружие населению, а там запылает.

И вдруг почувствовали, да и все время знали – не запылает. Ушло время, вышел огонь.

«А хоть порубаем гадов, чтоб знали, что живы мы!» ...В четвертом часу утра, лишь отбелило восток и обрел серую полупрозрачность воздух, полтысячи конных с двух направлений влетело в сонные улицы. Звенели подковы, гремели выстрелы, трещали по булыжнику колеса тачанок, и леденящий визг парализовал город:

– Махно!

Срублен случайный ночной патруль. Одним взводом заняли станцию, прямо в вокзале расстреляв красноармейцев. В одном белье забегал в казармах гарнизон, расхватывая винтовки.

Магия имени была велика. Неужели опять воскрес из пепла, взял город? Хуже смерти не бывает, а смерти не миновать.

Но силы были слишком неравны. Хлестнули пулеметы со стен арсенала. Беглый огонь из окон казарм сменился густыми залпами. Захваченный на станции бронепоезд был с холодным паровозом – и

хотя десяток рванувших в городе снарядов добавили паники, но изменить ничего не могли.

– Большой гарнизон, заразы, – тяжело дыша, Махно вогнал в маузер новую обойму. Звенели стекла Харьковского Совета, кругло и гулко лопнули в комнатах гранаты.

Группа Щуся с наскоку взяла было двухэтажный особняк ЧК, но из флигеля рядом пачками били неизменные латышские стрелки, а свои люди наперечет.

– Ну шо? Гульнули? Уходим пока!

Это был классический ночной налет конницей. Не дать сонному врагу опомниться и попробовать перехватить все жизненно важные места. Не перехватывались. Глубоко в подсознании сидело: все равно как красные опомнятся – срывать надо...

...Местная власть скрывала позор всячески. Махно считался окончательно ликвидированным! За налет на столицу Украины командование местных (республиканских, то есть) ЧК, ЧОН и Р.К.К.А. – могло и под расстрел угодить! Кого проворонили? Кого дезинформировали?!

Официально объявили: мелкая банда, пытаясь объявить себя давно сдавшимися либо ликвидированными махновцами напала на окраину и была уничтожена. В числе трупов – бывший атаман Щусь.

– От суки! – сказал Махно, прочитав и отбросив газету на серой дрянной бумаге, из которой торчали щепки.

Финал

28 августа, после еще нескольких налетов на городки поменьше, после стычек с красной конницей, уходя от преследования, с остатками последней сотни, людей штучных, отборных, надежнее не бывает, Махно переправляется через Днестр в Румынию.

Четырехлетняя эпопея еще не отошла в прошлое и не ощущалась беспримерной и фантастической.

Если бы взгляд действительно обладал способностью зажигать – под синими, почерневшими от ярости и отчаянья глазами Махно воспламенился бы весь оставленный берег.

Лодка с шуршанием въехала носом в песок, и Галю стошнило в воду. Она была беременна.

Часть третья ИСКРА

Румыния. Тюрьма. Побег.

1. Два десятка человек – маузеры и наганы под одеждой – бредут по дороге. Приближаются к селу. Оглядывают его издали: соломенные крыши, дымки из труб, плетни. Аист смотрит со своего гнезда – вздетого на оглоблю тележного колеса.

2. Вечером стучат в дверь. Бедное крестьянское жильё. Махно достаёт из кисета золотой царский червонец. Крестьянин жадно берёт его в корявые пальцы, пробует на зуб. Его жена ставит на стол деревянный поднос с мамалыгой – кирпичом круто сваренной кукурузной каши. Нарезает ее на ломти суровой ниткой. Приносит глиняный горшок с обратом от простокваши, наливает по кружкам жидкое синеватое пойло. Скучный ужин в тесноте.

3. Они спят в крестьянском сарае, когда на рассвете клацают затворы: румынская стража. Лица стражников спокойны: не первую группу с Советской Украины они берут, порядок есть порядок. Румынский унтер, командующий нарядом, показывает пальцем на Галины золотые сережки и кивает. Махно шагает вперед и смотрит ему в глаза, унтер отступает на шаг и делает успокаивающий жест: нет-нет, не надо.

4. Вновь шагает группа по дороге, теперь уже по паре румынских стражников перед и позади маленькой колонны.

– Что с нами будет-то, Нестор? – спрашивает Галя.

– Что-что. Оформят вид на жительство. Как сочувствующим, бежавшим от враждебного большевистского режима.

– А дальше?

– А дальше жить будем.

5. Кабинет, офицер за столом, Махно на стуле.

– Вы не просто бежали от террора. Вы перешли границу суверенного государства как вооруженная группа, организованная, с оружием в руках. Каковы ваши цели?

– Какие тут цели... Жизнь спасти. А с оружием – как же без оружия, далеко не уйдешь. А при встрече мы его сдали, как положено по вашему порядку.

– Чем вы занимались на русской стороне?

– Боролись с властью большевиков за свободную Украину.

– Все так говорят. – Офицер пишет протокол. – Придется задержаться у нас до выяснения обстоятельств.

6. Концентрационный лагерь – то есть именно лагерь, где сконцентрированы люди определенной принадлежности и по какой-то причине. Несколько бараков, старые палатки, шалаши. Колючая проволока по периметру, скачущие часовые на угловых вышках.

Мужчины бродят группами, сидят на земле, играют в затертые карты, маются от скуки. Отдельный барак для женщин, есть даже несколько детей.

Кислым Варевом тянет от кухни. Белая тряпка с красным крестом болтается над медпунктом, там нансеновская миссия.

– Зимой мы здесь сдохнем, – говорит Махно.

– Да скоро выйдем, – успокаивает вечный оптимист Задов.

– Не нравятся мне руманешти. – Галя трогает округлившийся живот.

7. Уже стемнело. Галя подходит к вышке и тихо зовет наверх:

– Эй! Э-эй?

Свешивается часовой, щурясь.

– Золото, – говорит Галя. – Водка есть? Сало есть? – Вынимает из ушей сережки и протягивает на ладони.

Часовой спускается и протягивает руку сквозь жидко натянутую (а куда денутся-то?) колючую проволоку. Сзади из темноты высовывается рука и слегка придушивает его.

Белея кальсонами, связанный и с кляпом во рту, он остается под кустом подале.

8. Двое румынских стражников, угрюмых, деловитых и на удивление молчаливых, дают в ухо боязливому румынскому крестьянину, выводят лошадь, запрягают в телегу и уезжают в темноту.

9. Две телеги несутся по темной дороге со всей возможной скоростью, мягко прыгая на песчаных колдобинах. Полтора десятка человек не могут сдерживать шуточек, держась друг за друга и понукая лошадок:

– Вот у смены будут глаза, когда его под кустом найдут!

– А шо, батько, не наведаться ли к какому боярину в гости вот так?

– В Румынии красных нет, можно и пошуровать!

– Точно! А у Ленина с Троцким еще денег взять – на мировую революцию!

10. День, лесок, овражек, костер. На деревянных вертелах жарят большие куски мяса, жадно едят.

– Зьилы коняку... бедолага... А ничего, мягкая, молода была...

– А где Левка делся?

Из зарослей выходит Задов с бутылкой самогона:

– Выпьем за свободу, батько! Пока не за мировую, так хоть за нашу!

– Ты где горилку взял?

– Где-где. Где всегда. Добровольная реквизиция. Махно хватает винтовку:

– Ты что, всех нас решил в тюрьму?!

– Батько! Стой! Пошутил, ну! Серебряна табакерка у меня была. Ну, поменял. Выпить захотелось, давно тут сидим, ну!

Бутыль по кругу, выпили, закусили. Так Левка еще и табак с газеткой достал, развернув тряпицу: тоже выменял. Задымили в блаженстве:

– Не, хлопцы, жизнь вже не кончена. Мир – он большой!

10. Ночью тихо переходят границу, пригнувшись пересекают поле, по пояс в воде через ручей... Окрики и звук погони с румынской стороны. Гулко бьют в ту сторону две винтовки, взятые у лагерных стражников.

– Не сунутся... Руманешти воевать не любят!

– Давай быстрее до Польши, хлопци!

Польша. Тюрма. Побег.

11. В корчме Махно трясет кисет над ладонью, и оттуда падает последний червонец.

– Хозяин!

Гуляют махновцы последнюю гульбу.

– За то, что живы! Встают тихо:

– За всех, кого нет!

– Да, хлопцы, всех так сразу не помянешь...

– Все, что могли, мы сделали, – говорит Задов, пьет и стучит кружкой об стол.

– Так, – соглашается Махно. – А с другой стороны, все, что могли, мы еще не сделали. Не сделали! – бешено говорит он.

12. Прощаются на улице.

– В работники всегда можно наняться, – говорит один.

– Батрачить, конечно, не сладко. Но и умирать не всегда охота.

– Потихоньку сапожничать можно, шорником, опять же.

– Да бросьте вы, хлопцы! Польша армию укрепляет, бойцы всегда нужны. Дело привычное. Они, говорят, солдат хорошо содержат.

– Да хто тэбэ возьме?

– Да документы всегда купить или сделать можно! А они много Украины и Беларуси заняли, так что украинцем польску армию не удивишь.

– А я, может, в Одессу вернусь, – говорит Задов. – Одесса большая, родни-друзей было много, уцелел же кто-то. Сховают. А там поглядим. А документы на Молдаванке куплю, уж там всегда...

12. Городок, площадь, булыжник, муниципалитет, польский красно-белый флаг с орлом, костел.

В душном помещении, заполненном галдящими просителями и переселенцами, Махно с Галей стоят в очереди к чиновнику. В руках у них заполненные заявления, на лицах – покорная тоска эмигрантов.

13. Кабинет, офицер за столом, Махно сидит на стуле – стандартный интерьер. Офицер вертит в руках заявление Махно и еще какие-то бумаги.

– Мещанин Гродненской губернии Масюк Никифор Ильин, – читает он и поднимает взгляд. – А вот другая версия: «Из концентрационного лагеря Фалешты для перемещенных лиц»... так, ладно, вот здесь: «При нелегальном переходе границы вел огонь по пограничной страже»... Нет, сразу вот: «Особо опасный преступник Махно Нестор Иван, широко известный на территории Советской России как батько Махно, руководитель бандитских отрядов...» Ну, короче, вы меня поняли. А вот и фотография, где вы с длинными волосами. Вы плохо подстрижены.

14. Махно стоит в тюремной камере под окном и смотрит сквозь решетку на луну в вырезах облаков. Он словно к чему-то прислушивается.

15. А в тюремной больнице рождает Галя, заходясь в крике, акушерка принимает младенца, шлепает, показывает изможденной Гале девочку.

16. Через несколько дней в больничной палате доброохотливая медсестра объясняет Гале:

– Здесь порядки свободные, не то, что ты мне рассказывала про Россию. Хватит, натерпелись под ними. Тем более что вы украинцы, а Украина – часть Великой Польши, так что вы свои, это хорошо. Я тебе твою одежду принесу, и ты на прогулке делай вид, что как будто на свидание к кому пришла. К женщинам каким-нибудь пристройся – и выходи со двора с ними. Женщина с младенцем – обычно даже пропуск не спрашивают на выходе.

17. Большой тюремный двор, прогулка, толчея, часовые на стенах. Галя с младенцем на руках подходит к Махно, он берет девочку на руки, смотрит, целует, качает.

Галя говорит много, быстро, негромко. Прогулка подходит к концу. Они обнимаются – и расстаются.

Оборачиваясь, привставая на цыпочки и маша ему, Галя с толпой женщин выходит в ворота. И Махно утирает слезу.

18. В огромной камере плотники сколачивают трехъярусные нары. Когда они отлучаются обедать, Махно хватается здоровенный брус, пристраивает на плече, в другую руку берет плотницкий ящик с инструментами, и идет к выходу.

Идти ему тяжело. Он пересекает двор. Двое часовых при открытой в воротах калитке.

– Поможьте, пан, – просит Махно, пристраивая брус поудобнее.
Часовой помогает ему подвинуть брус ровней, чтоб не перевешивал.

И Махно выходит за ворота.

Пройдя полквартила до угла, он бросает брус и ящик, сердито плюет: «Яка тяжела, зараза!» и спокойно продолжает путь.

Германия. Тюрьма. Побег.

19. – Рус? – переспрашивает скромный немец на окраине городка. – Поланд? – тычет пальцем в сторону польской границы.

– Арбайт! – говорит Махно, показывая жестами: работать и есть.

– Вальтер! – зовет прохожего немец и начинает объяснять, показывая на Махно.

20. – А самый большой был гад – это, я тебе скажу, Махно, – говорит золотушный солдатик, хлебая лагерную баланду из жестянки.

Махно спокойно кивает, хлебая из жестянки на двоих. Кругом сидит на земле тьма таких же оборванных солдат, а дальше – колючая проволока, но уже в два ряда, опоры завалены внутрь, часовые бдят – все всерьез. Это лагерь для интернированных красноармейцев. Тех, кто в 20-м году сумел уйти от польских войск на север – и был пропущен Германией через границу на свою территорию, а вот дальше – посидите пока, а там решим вашу судьбу.

– Хоть Деникин был, хоть Пилсудский, это все же война, – продолжает изливаться тщедушный красноармеец. – А Махно – этот из-под земли выскочит ночью, порежет – и снова нет. А потом ты селян стреляешь, а они ночью тебя режут.

– А зачем же ты селян-то стреляешь?

– А они там на юге все кулаки! Все махновцы! Всех их надо под корень! – и солдатик долизывает баланду.

Махно, белея и со свистом дыша, берет у него жестянку, с силой надрывает надломленный край банки – и в руке у него торчит рваный язычок жести:

– Под корень?! – пузыря бешеную пену, клекочет он и острой жестью рвет солдатику горло. – Под корень селян?! Гады!!! Палачи!!! Палачи!!!

Он валится навзничь в припадке, кругом собирается толпа.

– Махно хотели?! Я Махно!

«Сумасшедший», – говорят в толпе. «Припадошный. Да охрану позовите кто».

– Доктора! Человек помирает! Што ж мы, не люди?!

21. – Господин офицер говорит, что рад интересному знакомству, – переводчик склонился над кроватью Махно.

Тюрьма, больница.

– Лучше бы выпустили, – говорит Махно.

– Вы чуть не убили человека. Это преступление.

– «Чуть», – хмыкает Махно. – На шо я вам?

– Советская Россия требует вашей выдачи.

– Вот спасибо.

– На родине вас повесят.

– А здесь?

– Вы должны ждать решения своей судьбы.

22. Доктор озабоченно ощупывает ногу Махно, выстукивает грудь, рассматривает рентгеновский снимок:

– Мы будем лечить вас. У вас ослаблен организм. Хорошее питание сейчас невозможно. Есть кому носить вам передачи? Пока вы здесь, я надеюсь вам помочь.

– Чтоб большевики повесили меня здоровым? – спрашивает Махно через переводчика. – Не знаю, успеет ли он меня вылечить...

23. Ночь, дождь, ветер, стена. Окошко наверху. Оно распахивается.

В палате Махно, делая остальным знак не издавать звуков, вылез из постели, раскрыл окно и высунул простыню под дождь. Когда она намокла – свернул в жгут и обвязал два соседних стальных прута в оконной решетке.

– Посидите с мое на каторге, ребята, не тому научитесь, – беззвучно бормотал он.

Всунул в это мокрое кольцо ножку стула и стал крутить, как завинчивают тиски. Узел стянулся намертво. Двойной мокрый жгут толщиной в руку потек струей воды. Битая мокрая простыня прочна, как канат. Махно, сопя, налегал на рычаг спинки-ножки стула, завинчивая все туже, кольцо ткани вокруг двух прутьев все туже, и прутья стали прогибаться, сближаясь... еще... еще... и вот они уже почти вплотную.

Махно перевел дух. И повторил номер с соседней парой прутьев.

Через каких-то полчаса меж погнутых прутьев зияла дыра, достаточная для мелкого худощавого человека.

Палата следила, затаив дыхание.

– Простыночки, хлопцы, простыночки швидче давайте, – пришептывал Махно, вытаскивая из-под них простыни.

Тюремный люд был в восторге.

Простыни были связаны, эта веревка почти достигала земли, Махно сказал: «Спасибо, хлопцы» и вылез.

Он спустился без помех, спрыгнул оставшиеся пару метров и исчез в темноте.

Все дороги ведут в Париж

24. По воскресному бульвару прогуливается обычная семья, небогатая и приличная. Рослая, смуглая, красивая жена. Маленький, худощавый, прихрамывающий муж. И между ними, держась за руки – девочка лет пяти. Они одеты скромно, но с учетом моды.

25. – Дядя Волин!

– Нестор!

Объятие, отодвигание, взгляд в глаза, улыбка.

– А я уж думал, вас всех тогда в Харькове расстреляли! Вот, опробовал им под конец слегка отомстить! Ну, может, не очень вышло, но все же чтоб знали батьку Махно!

– Ну, в общем, удалось сначала немного договориться; старые заслуги, профессиональные революционеры. А потом заменили на высылку. Вот – здесь.

– Делать-то что думаешь?

– Да уж поздно мне другим делом в жизни заниматься. Ты за газетами следишь? В Испании наши силу набирают. Там основная сила для рабочего класса и крестьянства – анархосиндикализм. Они социалистов совершенно забили.

Они сидят в кафе, пьют белое вино и строят планы.

26. Париж – это в большой мере город бульваров и кафе. Так что ничего удивительного, если встреча и происходит на бульваре. Вблизи кафе, к которому оба имеют понятную склонность. В этом кафе собираются анархисты. В Париже много анархистов. И вообще революционеров. И вообще авантюристов всех мастей. Будущих диктаторов и бывших королей. Миллионеров, мечтателей и гениев.

– Я ждал, когда ты сюда зайдешь, – сказал Ашинов-Марин, раскрывая объятия, и полы пальто распахнулись.

– А Волин сказал, что ты на Соловках, – удивился Махно.

– Шлепнули бы меня на Соловках, – хмыкнул Аршинов-Марин. – Сбежал на пересылке. Они же пока толком охранять-то не умеют. Только расстреливать научились. Пройдемся? Погода хорошая.

– Погода хорошая, да нога плохая, – сострил Махно. – Побаливают, никуда не денешься, старые раны. Давай посидим.

Сели, взяли, огляделись.

– Что делаешь-то, Нестор? Что с деньгами? Махно махнул рукой:

– А, перебиваюсь. То-се, по мелочи.

– Что-то тебя никто не видит. В клубах говорили, что не поддерживаешь никаких связей с эмиграцией, с земляками. Что так?

Махно пожал плечами, сделал глоток:

– А что у них? Старые счеты, новые обиды, барские замашки... Или вот. Знаешь. В мае Шварцбард, наш, анархист, застрелил Петлюру. За еврейские погромы на Украине.

– И правильно сделал.

– Да чего правильно... Мы с Петлюрой пусть и сталкивались, но у него была своя идея, Украина для украинского селянства. Ну, за государство он. Националист, не спорю. Но антисемитом он не был, я знаю, и погромы устраивать не приказывал. Наоборот, старался дисциплину держать. Не умел как следует. Антисемитские настроения среди селянства и без него были, сам знаешь. И его за это убивать – все равно что Буденного за еврейские погромы, что его казаки устраивали. Устал я от кровушки.

– Рано устал, – без сочувствия сказал Аршинов-Марин. – Сейчас главная сила мира – Северо-Американские Штаты, да? А там что? А там небывалый подъем анархического движения! Анархосиндикалисты возглавляют профсоюзы, объединяют рабочий класс и фермеров-производителей. Социализм уступает место анархизму, дорогой мой Нестор Иванович.

27. – Галя! Галюшко! Да брось ты это все, иди сюда. Читай, на! И фотографию смотри! Такое не подделаешь, правда?

«Смертный приговор американским анархосиндикалистам Сакко и Ванцетти вызвал широкую общественную реакцию в СССР. В Москве и многих крупных городах прошли митинги и демонстрации в защиту Сакко и Ванцетти. Именем Сакко и Ванцетти назван целый ряд предприятий: карандашная фабрика в Москве, обувная фабрика в Архангельске и многие еще. Заметим, что давать объектам имена еще живых людей принято только в Совдепии. Некоторые аналитики считают, что такая активная поддержка ультраортодоксальным марксистским режимом американского анархизма говорит о том, что Москва начинает более терпимо относиться ко всем проявлениям антикапиталистических рабочих движений. Другие полагают, что

анархизм наиболее присущ рабочим и крестьянским слоям России, и период жесточайшей коммунистической реакции теперь неизбежно сменяется более либеральными течениями, отвечающими пролетарским воззрениям. На фото: митинг московских рабочих на площади Маркса в защиту Сакко и Ванцетти».

– Это интересно... Советская власть защищает анархистов... Ты думаешь, это будет иметь последствия?

– «Последствия»... Это не последствия! Приходит наше время... не сглазить бы, фу, черт. Если Америка и Россия совместно выступают в поддержку анархизма – так это только вопрос времени, когда мы победим. Люди хотят сами, ты чуешь?

– Хорошо бы, конечно, думать, что не зря мои мамка с отцом погибли. – сказала Галя и вздохнула, делая паузу грусти.

– Четверо братьев моих, четверо братьев полегли в борьбе со всеми четырьмя сторонами света, – Махно мотал головой, улыбался, нервы давно были ни к черту, слезы близки. – Помяни мое слово, Галюшка, будет Леночка наша жить в свободном мире, счастливо жить будет, и мы с тобой для того тоже силы вложили, и кровь пролили. Все хорошо, Галя! Все правильно.

28. Шумят типографские машины, сер воздух от свинцовой пыли, мутны окошки. У наборной кассы стоит Махно – с ранней сединой, с уродующим лицо огромным шрамом, покашливающий, старающийся не опираться на больную ногу. Он вяжет строку в верстатке, оттискивает на бумаге:

С УГНЕТЕННЫМИ ПРОТИВ УГНЕТАТЕЛЕЙ –
ВСЕГДА!

Часть четвертая
ПРОТУБЕРАНЦЫ

Письмо Кропоткину

Дорогой Петр Алексеевич!!!..

Зная положение России в смысле продовольствия, и чувствуя, как отзывается это положение на Ваших старческих физических силах, я обсудив с товарищами, и мы решили послать Вам несколько пудов съестных припасов, которые считаем необходимыми для Вас. Вместе с этим посылаю Вам несколько номеров нашей повстанческой газеты «Путь к свободе» и выпускаемых нами листков. И прошу Вас как близкого и дорогого для нас, южан, товарища, написать нам свое письмо о повстанчестве, нашей области которое правильно отражается в нашей газете.

Кроме этого очень важно было бы для крестьян, если бы Вы написали в нашу газету статью о социальном строительстве в деревне, которая еще не заполнилась миром насилия.

Пока будьте здоровы.
Жму крепко Вашу руку.
Уважающий Вас
«Батько» Н. Махно.

Гуляй-Поле,
30-го мая
1919 году

Резолюция 3-го съезда Гуляйпольских Советов
Обсудив всесторонне беспристрастно, без давления
какой бы то ни было политической партии вопросы по

докладу с мест и по текущему моменту и принимая во внимание, что настоящее положение на Украине и в Великороссии характеризуется захватом власти политической партией (коммунистов-большевиков) , не останавливающимися, ни перед какими мерами для удержания и закрепления за собой государственной власти с центра вооруженной силой, проводящих свою преступную по отношению к социальной революции и трудящимся массам политику, съезд постановляет:

1. Мы, съехавшиеся крестьяне, рабочие и повстанцы, еще раз горячо протестуем против подобного насилия и заявляем, что нас такие приказы не пугают и мы всегда готовы к защите своих народных прав.

2. Съезд признает, что 3-й Всеукраинский съезд Советов не является истинным и свободным выразителем воли трудящихся, а потому считает, что только съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, над волеизъявлением которых не будут чиниться никакие насилия, будет истинным выразителем воли трудового народа.

3. Протестуем против реакционных приемов большевистской власти, проводимых комиссарами и агентами чрезвычайек, расстреливающих рабочих, крестьян и повстанцев под всякими предлогами, что подтверждается имеющимися у нас данными.

4. Чрезвычайные комиссии, предназначенные для борьбы с настоящей контрреволюцией и бандитизмом, превратились в руках большевистской власти в оружие для подавления воли трудящихся и достигли размеров в отдельных отрядах в несколько сот человек разного оружия. Требуем все эти прекрасно вооруженные реальные силы отправить на фронт, распределив их по разным здоровым революционным частям, борющимся с действительной контрреволюцией.

5. Мы требуем немедленного удаления всех назначенных лиц на всевозможные военные и гражданские ответственные посты...

6. Мы призываем товарищей рабочих, повстанцев и красноармейцев соблюдать в своих рядах революционную дисциплину и прекратить всякую национальную травлю.

7. Мы требуем социализации земли, фабрик и заводов.

8. Мы требуем изменения в корне Продовольственной политики, замены реквизиционного отряда правильной системой товарообмена между городом и деревней и насаждения широкой сети обществ потребителей и кооперативов и полного упразднения частной торговли.

9. Требуем полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т.е. партиям и группам, и неприкосновенности личности работников партий левых революционных организаций и вообще трудового народа.

10. Диктатуры какой бы то ни было партии категорически не признаем. Левым социалистическим партиям предоставляем свободно существовать только лишь как проповедникам путей к социализму, но права выборов путей оставляем за собой.

Долой комиссародержавие!

Долой чрезвычайки, современные охранки, долой борьбу партий и политических групп за власть, долой однобокие большевистские Советы! Да здравствуют свободно избранные Советы трудящихся крестьян и рабочих!

Почетный председатель съезда

Батько Махно.

Почетный член съезда Щусь.

Тов. председателя Коган.

Секретарь Мавроди.

10 апреля 1919года

ПРИКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ И НАРШІВОЕНМОРА

№ 108

8 июня 1919 г.

Прочеть во всех полках, ротах, эскадронах, командах.

Конец махновщине!

Кто является виновником наших последних неудач на Южном фронте, в особенности в Донецком бассейне?

Махновцы и махновщина.

На словах эта братва сражается со всем миром и побеждает всех врагов, но когда дело доходит до боя, махновские командиры бесстыдно покидали вверенные им позиции и бессмысленно откатывались назад на многие десятки верст...

Махновцы предательски обнажили правый фланг Донецкого фронта и тем самым нанесли тяжелый удар ближайшей армии.

Мало того, махновцы принялись разлагать соседние части: из штаба Махно рассылались агитаторы по соседним полкам с призывом не подчиняться установленному Советской властью командованию, а переходить на махновское положение, т. е. в ряды бесшабашной, разнузданной, небоеспособной махновской партизанщины.

Гуляйпольские заправилы пошли еще дальше. Они назначили на 15-е июня съезд воинских частей и крестьян пяти уездов для открытой борьбы против Советской власти и того порядка, какой установлен в Красной Армии.

Терпеть дальше подобное издевательство со стороны зарвавшейся банды стало невозможным. Если бы дать махновцам осуществить их план, мы имели бы новое Григорьевское восстание из Гуляйпольского гнезда.

Ввиду этого центральная военная власть категорически воспретила съезд и направила надежные честные воинские части для наведения порядка в районе махновщины.

Правда, немало еще осталось шкурников и громил, которые в разных частях называют себя махновцами и стремятся проникнуть поближе к Гуляй-Полю: там нет дисциплины, там нет обязанности честно сражаться с врагами рабочего народа, стало быть, для труса и бездельника – рай земной.

Но после устранения Махно от военного дела махновщине будет положен конец суровой рукой...

Рабочему классу и крестьянству нужна полная, решительная и скорая победа над белогвардейской армией помещиков и капиталистов. Эту победу нам дадут стройные регулярные красные полки, спаянные железной внутренней дисциплиной и готовые беззаветно бороться и умирать за счастье трудового народа.

При поддержке всех сознательных рабочих и честных трудовых крестьян мы такую армию создадим.

Долой трусов и громил!

Долой григорьевцев и махновцев!

Да здравствует честная рабочая и крестьянская Красная Армия!

Председатель РВСР Л. Троцкий.

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК КП(б) УКРАИНЫ

29 сентября 1920 г.

Слушали: О переговорах с Махно.

Постановили:

а) Поручить Оргбюро совместно с Реввоенсоветом Юго-Западного фронта Манцевым и Закордотом наметить представителя при Махно.

б) Дать подпольной организации директивы оказывать содействие Махно, обращая главное внимание на усиление в его отрядах дисциплины, революционной спайки.

в) Наши отряды, не вливаясь в отряды Махно, входят по мере надобности в оперативный контакт .

г) Сформулировать директивы поручить т. Косиору.

д) Соглашения не оглашать, ограничиваясь сообщением после перехода Махно в тыл Врангеля.

е) Против освобождения анархистов принципиально не возражать, что поручить т. Манцеву.

Секретарь ЦК С. Косиор.

Приказ о пресечении мародерства

При занятии города Екатеринослава славными партизанскими революционными войсками во многих частях

города начались грабежи, разбой и насильства. Творится эта вакханалия в силу определенных социальных причин (ибо это черное дело творится контрреволюционным элементом с целью провокаций). Во всех случаях это делается от имени славных партизан-махновцев, которые борются за независимость, счастливую жизнь всего пролетариата и трудового крестьянства. Чтобы предотвратить этот разгул паскудства, что творят люди без чести, и совести, которые позорят всех честных революционеров, недовольные светлыми завоеваниями революционного народа, я именем партизан всех полков объявляю, что всякие грабежи, разбои или насильства ни в коем случае допускаться не будут в данный момент моей ответственности перед революцией и будут мной останавливаться в корне. Каждый преступник, который совершил преступление и, особенно под именем махновцев или других революционных отрядов, что творят революцию под пониманием восстановления советского строя, будут беспощадно расстреливаться, о чем объявляю всем гражданам, призывая их также бороться с этим злом, подрывающим в корне не только завоевания революции, но и вообще жизнь честного труженика.

Главнокомандующий Батько Махно.

ДОНЕСЕНИЕ

комдива 1-й Заднепровской дивизии П. Дыбенко из освобожденного Мариуполя

Совнаркому У.С.С.Р.

В боях ОТЛИЧИЛИСЬ 8-й и 9-й полки, артиллерийский дивизион, разбив наголову противника, захватив богатую военную добычу. Стойкость и мужество полков было неопишимо. При наступлении полки обстреливались со стороны противника и французской эскадры с 60 орудий. Несмотря на губительный огонь противника, полки шли без выстрела до соприкосновения с противником, после чего под командой доблестного командира 8-го полка, неоднократно отличавшегося в боях, т. Куриленко бросились в атаку. Укрепления противника были взяты штурмом.

Во время штурма мы потеряли 18 убитых, 172 раненых. Противник опрокинут был в море. Эти славные полки без отдыха снова перешли в наступление. Прошу награждения 8-го и 9-го полков, артиллерийского дивизиона особыми Красными знаменами и командира 8-го полка т. Куриленко орденом Красного Знамени. Командиру 9-го полка т. Тахтамышеву и командирам батарей артиллерийского дивизиона объявить благодарность.

Захвачено более 3,5 млн. пудов угля. Французская эскадра после предъявленного нами ультиматума спешно покинула порт. За один день из порта вывезено 300 тыс. пудов угля. Погрузка угля продолжается. Средства пока отпущены. Из дивизии требуется срочно комиссия для отправки и распределения угля. Захвачено два тральщика, которые спешно приводятся в исправность, мной временно назначены на тральщике старшины, машинисты, трюмные кочегары, сигнальщики, рулевые и комендоры, требуются командиры, механики, штурман.

При дальнейшем наступлении казаки с оружием в руках сдаются целыми сотнями. Наши части подошли вплотную к Таганрогу.

Листовка

С угнетенными против угнетателей всегда

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ, КРЕСТЬЯНЕ И ПОВСТАНЦЫ,

В тяжелые дни реакции, когда Русская Революция, окруженная со всех сторон врагами, когда Украина осаждалась бронированным кулаком немецко-австрийско-мадьярского империализма, когда трудовые массы Украины задыхались, истекали кровью от невыносимого гнета Петлюровских, добровольческих палачей и всех жестоких, варварских наймитов помещичье-буржуазной своры, когда...

«Гуляйпольская группа анархистов «НАБАТ». Исполком Военно-Революционного Совета Гуляйпольского района.

Батько МАХНО

Веретельников.

Приказ по Южному фронту

Согласно постановления военного совета от 4 и 9 мая 1919 года 3-я бригада 1-й Заднепровской дивизии с 1-го мая 1919 года разворачивается в дивизию, которая именуется «первая украинская повстанческая дивизия» и подчиняется 2-й Украинской армии, на командные и административные должности дивизии избраны следующие лица: начальником дивизии Махно, начальником штаба Яков Озеров, помощником начальника штаба Веретельников и Горев.

Командарм 2 – Скачко Член Реввоенсовета {Гусев}

Приказ

Председателя Реввоенсовета и Паркомвоенмора
№ 107.

от 6 июня 1919 г.

ст. Балаклея.

Группа лиц, объединенных вокруг партизана Махно, встала на путь изменника и предателя Григорьева и приступила к организации заговора против Советской власти. Эта банда из Гуляйполя осмелилась назначить на 15-е июня съезд анархо-кулацких делегатов для борьбы с Красной Армией и Советской властью.

Этот съезд запрещен. Объявляю, что всякий участник съезда будет рассматриваться, как изменник, который в ближайшем тылу наших красных войск организует заговор и открывает ворота врагу.

Махновцы призывают к себе из других частей и армий перебежчиков.

Объявляю:

Всем военным властям и заградительным отрядам, высланным по моему распоряжению, отдан приказ ловить всех тех предателей, которые самовольно покидают свои части и перебегают к Махно, и предавать их Революционному Трибуналу, как дезертиров, для суда по законам военного времени.

Им кара может быть только одна – расстрел.

Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом России и Украины мне приказано навести порядок на фронте в Донецком бассейне и в ближайшем тылу.

Объявляю, что этот порядок будет наведен железной рукой. Враги рабочей и крестьянской Красной Армии, шкурники, кулаки, погромщики, махновцы, григорьевцы, будут беспощадно раздавлены регулярными стойкими, надежными частями.

Да здравствует революционный порядок, дисциплина и борьба с врагами народа!

Да здравствует Советская Украина и Советская Россия!
Л. Троцкий.

Из мемуаров генерала А.И. Деникина

«Махно решился на смелый шаг: 13 сентября он неожиданно поднял свои банды и, разбив и отбросив два полка генерала Слащева, двинулся на восток, обратно к Днепру. Движение это совершалось на сменных подводах и лошадях с быстротой необыкновенной: 13-го – Умань, 22-го – Днепр, где сбив слабые наши части, наскоро брошенные для прикрытия переправ, Махно перешел через Кичкасский мост, и 24-го он появился в Гуляй-Поле, пройдя в 11 дней около 600 верст.

В ближайшие две недели восстание распространилось на обширной территории между нижним Днепром и Азовским морем. Сколько сил было в распоряжении Махно, не знал никто, даже он сам. Их определяли и в 10, и в 40 тыс. Отдельные банды создавались и распылялись, вступали в организационную связь со штабом Махно и действовали самостоятельно. Но в результате в начале октября в руках повстанцев оказался Мелитополь, Бердянск, где они взорвали артиллерийские склады, и Мариуполь – в 100 верстах от ставки (Таганрога). Повстанцы подходили к Синельникову и угрожали Волновахе – нашей артиллерийской базе... Случайные части, местные гарнизоны, запасные батальоны, отряды государственной

стражи, выставленные первоначально против Махно, легко разбивались крупными его бандами.

Положение становилось грозным и требовало мер исключительных. Для подавления восстания пришлось, невзирая на серьезное положение фронта, снимать с него части и использовать все резервы. В районе Волновахи сосредоточены были Терская и Чеченская дивизии и бригада донцов. Общее командование над этими силами поручено было генералу Ревихину, который 13 октября перешел в наступление на всем фронте. Наши войска в течение месяца наносили один удар за другим махновским бандам, которые несли огромные потери и вновь пополнялись, расплывались и воскресали, но все же катились неизменно к Днепру. Здесь у Никопольской и Кичкасской переправ, куда стекались волны повстанцев в надежде прорваться на правый берег, они тысячами находили смерть.

К 10 ноября весь левый берег Нижнего Днепра был очищен от повстанцев. Но в то время, когда наши войска начинали еще наступление, Махно с большой бандой, перейдя Днепр, бросился к Екатеринославу и взял его... С 14 по 25 октября злополучный город трижды переходил из рук в руки, оставшись в конце концов за Махно...»

Из личного дневника жены Махно Галины Кузьменко

«19 февраля нового стиля 1920 года. Сегодня утром выехали из с. Гусарки. Часов в одиннадцать утра приехали в с. Конские Роздоры. Тут наши хлопцы обезоружили человек 40 «красных». Из этого же села к нашему отряду присоединилось несколько хлопцев. Стояли тут недолго, часа три, после чего переехали в Федоровку.

20-21 февраля. Переночевали в Федоровке на старой квартире. Утром послали разведку в Гуляй-Поле. После обеда выехали из Федоровки. По дороге встретили своего посланца, который известил, что в Гуляй-Поле стоит человек 200-300 красноармейцев. Наши решили ночью сделать налет и обезоружить красных. Вечером мы прибыли в с. Шагарово, где и остановились на несколько часов. Отсюда снова была

послана разведка, которая должна была выяснить расположение как начальников, так и войск (красных). Часов в 12 ночи выехали из Шагарово на Гуляй-Поле. По дороге нас известили о расположении вражеского войска. Быстро мы выехали в с. Гуляй-Поле и разместились на околице, а все пригодные к бою хлопцы пошли сразу к центру, а потом и дальше обезоруживать непрошенных гостей. Красноармейцы не очень протестовали и быстро сдавали оружие, командиры же защищались до последнего, пока их не убивали на месте. До утра почти с 6-го полка было обезоружено. Части, которые еще оставались не обезоруженными и до которых дошла наконец очередь утром, сразу начали храбро отстреливаться, но, быстро узнав, что их товарищи уже обезоружены, и сами сдали оружие. Очень замерзли и устали наши хлопцы, пока покончили с этим делом, но наградою за этот труд и мучения у каждого повстанца было сознание того, что и маленькой кучке людей, слабых физически, но сильных духом, вдохновенных одной великой идеей, можно делать большие дела. Таким образом, 70–75 наших хлопцев за несколько часов одолели 450-500 врагов, убили почти всех командиров, забрали много винтовок, патронов, пулеметов, двуколок, коней и прочего.

Покончив с этим делом, хлопцы разошлись кто куда – кто пошел спать, кто домой, кто к знакомым. Мы с Нестором тоже поехали в центр. Кое-что купили, кое-кого навестили и вернулись на свою квартиру. Начали собираться обедать, когда вдруг влетает в хату Гаврюша и говорит, чтобы скорее запрягали лошадей, потому что с горы по пологовской дороге спускается вражеская кавалерия. Быстро все собрались и выехали. В центре остались Савелий Махно, Воробьев и Скоромный. Когда выезжали из села, в центре была жуткая перестрелка. Часа через два мы были уже в Санжаровке. Тут постояли часа три и вечером переехали в Вилоговку, где и переночевали.

22 февраля. Встали, позавтракали и выехали через Успенку на Дибривку. Успенковские хлопцы обещали приехать к нам в Дибривку. В Дибривке встретились с

товарищем Петренко, который уже начал со своими хлопцами работу и начал хвастать, как обезоруживали небольшие части, которые заезжали в Большую Михайловку. Встреча была очень радостная. Петренко сразу заявил, что идет с нами. Переночевали в Дибривке. 23-го я ночью угорела, целый день чувствовала себя плохо. Утром, часов в 10, наши хлопцы схватили двух большевистских агентов, которых расстреляли. После обеда выехали на Гавриловку. В Гавриловке захватили двух агентов, которые забирали скот, а также одного инженера, который приехал устраивать ревкомы и исполкомы, а также выяснить, кто воюет с Петлюрою, с Махно и с Деникиным. Тут мы переночевали. Был митинг.

23 февраля. Кажется, сегодня выедем отсюда. Тут остается Феня. Убито двое. Из Гуляй-Поля приехали члены Культ-Просветкомиссии, которые не успели выехать одновременно с нами, и рассказывают, что коммунисты убили старого Коростылева и была перестрелка между Савкой Тыхенко и другими большевиками. Ходят слухи, что Савка убит. После обеда выехали из Гавриловки через Андреевку на Комарь. Тут был митинг. Греки страшно хотели видеть батьку, но он отказался выйти. Они постояли возле квартиры и разошлись. Тут на квартире учительницы «цокотухи» переночевали.

24 февраля. Сегодня Феня оставила нас. Нестор сказал: «Вот Феня осталась – и жалко». Мне тоже жалко, что она осталась. Но для нее это лучше. Как выяснилось, она нужна была только мне, и то не всегда, остальным же она была обузой, и они в большинстве относились к ней враждебно. Я в таком положении не хотела бы быть, не хочу, чтобы была в нем и она. Оставила нас – и хорошо сделала. А я?!.. А мысль была остаться где-нибудь вместе с ней. Была... А почему же я не осталась? Или и правда испугалась того, что меня уже в Гавриловке видели и знают люди? Нет! Или, может, потому, что Нестор сказал сторяча: «Если останешься, то не считай больше меня своим мужем» ? Тоже нет! Напротив, тут-то

неприменно бы осталась... Может быть, то, что Нестор пообещал мне сменить обстоятельства? Все не так!

Так что же? Что?.. Да известно что. Апатия, безразличие ко всему на свете, физическое и духовное бессилие... Эх... какое занудство, какая гадость! Не хватило духу довести мысль до чувства.

25 февраля. Выехали из Комаря на Большой Янисель. Тут встретили двух хлопцев. Все выжидают, пока коммунисты сильно допекут. Постояли в Большом Яниселе недолго, ибо получили известия, что туда идут коммунисты в численном большинстве. После обеда переехали в Майорское. Тут поймали трех агентов по сбору хлеба и прочего. Они расстреляны. Сегодня приезжий гуляйпольский житель подтвердил слухи про то, что Савку и еще какого-то хлопца, который был с ним, убили коммунисты. В Яниселе узнали, что Лашкевич и Кожин арестованы красными.

26 февраля. Переночевали в Майорском. Стоим пока тут. После обеда выехали через Кременчуг на Святодуховку.

февраля. Ночевали в Святодуховке. Часов в 10 утра выехали на Туркеневку. Остановились в школе Лупая. Принимали очень радушно. Только пообедали – слышим в селе стрельбу. Выскочили во двор. Выяснилось, что человек 25 кавалеристов ворвались в село со стороны Успеновки и начали стрелять по нашим. Вмиг все наши поднялись на ноги и застрочили по ним из пулемета, а человек 10 кавалеристов погнались за ними. Выбежали из села на гору и быстро исчезли за холмом. Вдруг через несколько минут на вершине показалась цепь пехоты, а между пехотой – кавалерия. Быстро на небосклоне стало появляться все больше и больше войска, которое рассыпалось в цепь и начало идти на Туркеневку. Выделилось человек 30 кавалеристов и двинулось левым флангом в обход. Наши хлопцы, увидев это, быстро возвратились. Мы стояли часа полтора и наблюдали за вражеской цепью. Она сначала шла, потом остановилась, постояла и стала неохотно собираться в кучу. Было видно, что большой охоты наступать фронтом на село не было. Много наших хлопцев были за то, чтобы дать

бой, но многие были и против. Врагов было значительно больше, да и в нашу задачу не входило давать пока бои красным, если для этого не было жгучей необходимости. Мы выехали из села. Когда они увидели, что мы оставили село, снова цепью начали наступать. Мы вечером приехали в Шагарово, накормили лошадей и ночью выехали через Гуляй-Поле, Варваровку на Башаул. Ужасно утомили лошадей и сами утомились. Дорога очень трудная – снег намок и почти половина его уже растаяла. Ни санками, ни тачанкою ехать невозможно.

28 февраля. Сегодня встали поздно, потому что вчера поздно и утомленными легли. Вчера вернулись хлопцы, которые оставались в Гуляй-Поле. Сегодня приехали к нам Данилов, Зеленский и еще несколько своих старых хлопцев. Ночуем в Башауле.

29 февраля. На улице непогода. Вода из снега, грязь, туман. Ехать будет очень трудно. Пока еще стоим на месте. Позавтракали и выехали на Воздвиженку. Навестила Рыбальских.

1 марта. Получили известие, что в Рождественке (5 верст) кавалерия и обоз. Ночью приезжали оттуда разведчики и побили одного дядьку за то, что тот на вопрос: «Кто в селе и сколько?», дал ответ: «Не знаю».

Позавтракав, выехали на Варваровку. Когда выезжали из села, увидели дедку с обрезом, который вышел для того, чтобы убить жену Кольчиенко, которая ехала с отрядом. Дедка этот был отцом Кольчиенко, у него живет первая жена последнего с тремя детьми. Обиженный поступком сына, старенький отец вместе со своей опозоренной невесткой решили, что во всем виновата «она» и что пусть лучше погибнет «она», чем погибнут четверо. Подъехали к дедку хлопцы и говорят: «Отдай, дед, обрез». – «Берите, – говорит, – я и без обреза ее, подлюку, убью».

Хлопцы, смеясь, проехали. Проехал другим переулком и сын с кавалерией, и «она» на тачанке, а дедка постоял, потоптался на месте, посмотрел нам вслед и поплелся назад в село.

В Варваровке узнали, что в Гуляй-Поле коммунисты. Будучи с разведкой впереди, встретили о. Стефана, который рассказал, что командир полка тот самый, который был тогда, когда мы обезоруживали 6-ой полк, и который тогда успел скрыться. Постояли в Варваровке около часа и двинулись на Гуляй-Поле. Приблизившись к селу, узнали, что красные делают обыски и кое-кого арестовывают. Дальше узнали, что они быстро выезжают. Выслано было вперед два пулемета и человек 10-12 кавалеристов, которые и погнались за красными. Мы все выехали в село и разместились в своем «уголке». Скоро приехали хлопцы из погони и сообщили, что ранен и пленен командир Федюхин, много красноармейцев ранено, многие разбежались по полю и человек 75 гонят пленных. Батьке захотелось видеть командира, и он послал за ним, но посланец быстро вернулся и сообщил, что хлопцы не имели возможности возиться с ним, раненым, и по его просьбе пристрелили его. Пленных оке, предупредив, чтобы в третий раз не попадались, ибо живыми не отпустят, – распустили.

Из документов выяснилось, что Федюхин после обнаружения своего 6-го полка сформировал снова «карательный отряд», которому поручено было «производить обыски и реквизиции», а также производить аресты подозрительных лиц в районе махновских банд. Постояли в Гуляй-Поле часа 2 и вечером выехали на Новоселку».

Приказ
8 октября 1920

На левом берегу Днепра от его устья до района Никополь противник пассивен. В районе Александровска группируется его 1-й корпус. Из района Волноваха противник отошел в район Гуляй-Поле, Пологи, Цареконстантиновка.

Приказываю:

Первое. Повстанческой Армии с получением сего выступить из района Старобельск и следовать по маршруту Ново-Екатеринославль, Изюм, Барвенкова, Петропавловка и

сосредоточиться в районе Мал. Михайловка за Чаплино, Григорьевка, Покровское, Штарм – ст. Чаплино.

Второе. Необходимые предметы снабжения начснабдюж отправить на ст. Изюм.

Третье. Начсвязи фронта подготовить связь Чаплино – Харьков.

Четвертое. Представить подробный расчет движения армии. О прибытии в Изюм, Барвенкова, Чаплино телеграфировать.

Пятое. О получении и распоряжениях донести. Командюж Фрунзе.

Нестор Махно

Русская революция на Украине

«...Я видел перед собой своих друзей-крестьян – этих безымянных революционных анархистов-борцов, которые в своей жизни не знали, что значит обманывать друг друга. Они были чистые крестьянские натуры, которых трудно было убедить в чем-либо, но раз убедил, раз они тебя поняли и, проверив это понятое, убедились, что это именно так, они возвышали этот идеал на каждом шагу, всюду, где только представлялась им возможность. Я говорю, видя этих людей перед собой, я весь трепетал от радостных волнений, от душевной бури, которая толкала меня сейчас же, с завтрашнего дня повести по всем кварталам Гуляй-Поля среди крестьян и рабочих пропаганду, разогнать Общественный комитет (правительственная единица коалиционного правительства), милицию, не допустить организации никаких комитетов и взяться за прямое дело анархизма...

В эти дни к нам в Гуляйполе приехал агент от образовавшегося из состава социалистов-революционеров уездного комитета Крестьянского союза – товарищ Крылов-Мартынов с целью организовать в Гуляй-Поле комитет Крестьянского союза.

Как бывший политический каторжник, он заинтересовался моим житьем-бытьем, встретился со мной и поехал ко мне на квартиру попить чаю и поговорить. А потом он остался у меня до следующего дня.

Тем временем я предложил членам группы подготовить крестьян к завтрашнему сходу-собранию, чтобы на этом собрании положить начало организации Крестьянского союза.

Эсер Крылов-Мартынов – недурной митинговый оратор. Он нарисовал крестьянам красивую картину будущей борьбы социалистов-революционеров в Учредительном собрании (созыв которого предполагался) за передачу земли крестьянам без выкупа. Для этой борьбы нужна поддержка крестьян. Он призывал их организовать в Крестьянский союз и поддерживать партию социалистов-революционеров.

Этот случай был использован мною и целым рядом членов нашей группы крестьян-анархистов. Я говорил:

– Мы, анархисты, согласны с социалистами-революционерами в том, что крестьянам необходимо организоваться в Крестьянский союз, но не для того, чтобы поддерживать партию эсеров в ее будущей диалектической борьбе с социал-демократами и кадетами в будущем (если оно будет) Учредительном собрании.

Организация Крестьянского союза необходима для того, с нашей революционно-анархической точки зрения, чтобы крестьянство влило максимум своих живых, энергичных сил в русло революций, раздвинуло шире ее берега, углубило революцию и, расчистив пути к ее развитию, определило ее конкретную сущность и сделало бы заключительные выводы из этой сущности.

А эти заключительные выводы трудового крестьянства логически окажутся следующими: утверждением того, что трудящиеся массы села и города, на подневольном труде и на искусственно-порабощенном разуме которых зиждется власть капитала и его слуги, наемного организованного разбойника – государства, могут в своей жизни и борьбе за дальнейшее свое освобождение вполне обойтись без опеки политических партий и предполагающейся их борьбы в Учредительном собрании.

Трудовое крестьянство и рабочие не должны даже задумываться над Учредительным собранием. Учредительное собрание – враг трудящихся села и города. Будет величайшим преступлением со стороны трудящихся, если они вздумают ожидать от него себе свободы и счастья.

Учредительное собрание – это картежная игра всех политических партий. А спросите кого-либо из посещающих игорные притоны, выходил ли кто из них оттуда необманутым? Никто!

Трудящийся класс – крестьянство и рабочие, которые пошлют в него своих представителей, – в результате будет обманут тоже.

Не об Учредительном собрании и не об организации для поддержки политических партий, в том числе и партии социалистов-революционеров, трудовое крестьянство должно сейчас думать. Нет! Перед крестьянством, как и перед рабочими, стоят вопросы посерьезнее. Они должны готовиться к переходу всех земель, фабрик и

заводов в общественное достояние – как основы, на началах которой трудящиеся должны строить новую жизнь.

Гуляйпольский Крестьянский союз, начало которому на этом собрании-митинге мы положим, и займется начальной работой именно в этом направлении...

Агента от уездного партийного комитета Крестьянского союза – социалиста-революционера – наше выступление не смутило. Он соглашался и с нами. И в те же дни 28-29 марта 1917 года было положено начало организации Гуляйпольского Крестьянского союза.

В комитет союза вошло 28 крестьян, среди которых очутился и я, несмотря на то, что я просил крестьян мою кандидатуру не выставлять. Я был занят открытием бюро группы и ее декларацией.

Крестьяне на мою просьбу ответили тем, что выставили мою кандидатуру в 4-х участках и в каждом избрали единогласно. Таким образом, комитет Крестьянского союза был избран.

Председателем комитета крестьяне утвердили меня.

Началась запись членов в союз. В течение четырех-пяти дней записались поголовно все крестьяне, кроме, конечно, собственников-землевладельцев. Эти глашатаи собственности на землю обособлялись от трудовой массы, надеясь сгруппировать свои силы самостоятельно и, притянув к себе невежд из рядов своих батраков, выдержать свой фронт до Учредительного собрания, надеясь, что в последнем их поддержат социал-демократы (Российская социал-демократическая партия в то время еще ревностно отстаивала это право собственности на землю) и они победят...

Этот вопрос перед трудовым крестьянством стоял очень остро, потому что земельные секции при Общественном комитете по указаниям центра особо настаивали перед крестьянами, чтобы последние до будущего решения Учредительным собранием вопроса о земельной собственности платили арендную плату за землю помещикам, по уговору с последними. Крестьяне же, наоборот, считали, что с началом революции, в которой они наполовину освободились политически, кончилось рабство и эксплуатация их труда, затрачиваемого ими на бездельников-помещиков.

Вот почему крестьяне, будучи еще плохо организованы и мало подготовлены к всестороннему пониманию сущности отнятия всех земель от помещиков, монастырей и государства и провозглашению их

общественным достоянием, настаивали, перед членами союза на овладении функциями земельной секции. Здесь крестьяне упорно настаивали, чтобы дела земельной секции были переданы членам группы анархистов-коммунистов. Но мы, члены группы, упросили их таких желаний пока не формулировать во избежание преждевременной вооруженной борьбы с властями из города Александровска (наш уезд). В группе же постановили вести упорную агитацию в Гуляй-Поле и по району, чтобы крестьяне настаивали перед общественным комитетом на упразднении земельной секции и на том, чтобы не мешали крестьянам организовывать самостоятельные земельные комитеты.

Проповедь этой идеи принята была крестьянством с энтузиазмом. Однако из центра пришел приказ в Общественный комитет, гласящий, что земельные секции есть часть общественных комитетов и упразднять их строго воспрещается, но нужно переименовать их в земельные отделы...

Действуя в Общественном комитете по наказу Крестьянского союза, мы добились от Общественного комитета сперва взятия земельного отдела под непосредственное мое руководство. Это был момент, когда при помощи крестьян из союза и самого Общественного комитета, а также и с согласия группы анархистов-коммунистов я стал на время фактически идейным руководителем всего Общественного комитета.

Наша группа стала на этот опасный путь исключительно под моим влиянием. Меня же на это толкнуло то, что я за два месяца революции следил за нашими анархическими журналами и газетами и не видел в них ни тени стремления анархистов создать мощную организацию, чтобы, овладев психологией трудовых масс, выявить свои организаторские способности в развитии и защите начинающейся революции. Я видел свое дорогое, родное движение за эти месяцы по-старому раздробленным на разного рода группировки и задался целью дать ему толчок к объединению в деле революции по почину группы крестьян-анархистов из подневольной деревни. Тем более что в это время я уже серьезно подмечал у наших пропагандистов из городов пренебрежение к деревне.

Первое мая 1917 года. Ровно 10 лет, как я в последний раз участвовал в этом рабочем празднике, поэтому я с особым

напряжением вел агитацию среди рабочих, солдат пулеметной команды и крестьян для организации его.

Я собрал все документы о том, что делалось за последние числа апреля рабочими по городам, и представил их в группу, чтобы члены подготовили свои комментарии, чтобы проинформировать крестьян, рабочих и солдат.

Командир 8-го сербского полка прислал к нам делегацию, чтобы выяснить наше отношение к желанию полка Сербского государства участвовать вместе с трудящимися Гуляйполя в празднике рабочих. Конечно, мы этому желанию сербского полка не противились. Не противились даже тому, что он выйдет при полном боевом вооружении. Мы надеялись на свои силы, способные разоружить этот полк.

Манифестация началась по улицам Гуляй-Поля в 9 часов утра. Сборный пункт всех манифестантов – на Ярмарочной площади, ныне площади Жертв Революции.

В скором времени анархисты своим выступлением и информацией о выступлении петроградского пролетариата 18-22 апреля с требованием к правительству удалить 10 министров-капиталистов и передать всю власть Советам крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, о выступлении, которое силою оружия было подавлено, превратило манифестацию в демонстрацию против Временного правительства и всех социалистов, участвовавших в нем.

Командир 8-го сербского полка в спешном порядке увел полк по месту жительства. Часть пулеметной команды заявила себя солидарной с анархистами и влилась в ряды демонстрантов.

Демонстранты были настолько многочисленны, что их шествию не видно было конца. После того, когда вынесли резолюцию «Долой правительство и все партии, стремящиеся нам навязать этот позор...» и двинулись по улицам с песней марша анархистов, они проходили несколько часов непрерывными рядами в 5-8 человек.

Настроение было настолько приподнято и направлено против правительства и его агентов, что политиканы из Общественного комитета, офицеры из пулеметной команды, за исключением двух любимцев солдатской массы – анархистствующего Шевченка и артиста Богдановича, все попрятались в штабе сербского полка, а милиция,

которая за все время своего существования никого еще не арестовывала, разбежалась из Гуляй-Поля.

Анархисты сделали доклад массе демонстрантов о чикагских мучениках-анархистах. Демонстранты почтили их память коленопреклонением и попросили анархистов вести их сейчас же в бой против правительства, всех его агентов и буржуазии.

Однако день прошел без эксцессов.

То было время, когда власти из Александровска и Екатеринослава обратили уже свое внимание на Гуляйполе и не прочь были вызвать его преждевременно к бою.

Весь май прошел в напряженной работе на съездах крестьян в Гуляй-Поле и Александровске.

На александровском съезде я сделал доклад о том, что трудовое крестьянство Гуляйпольской волости не доверяет дела революции общественным комитетам и взяло комитет под свой контроль. Поясним, в каком порядке.

Делегаты от крестьян на этом съезде, приветствуя гуляйпольских крестьян, обещали у себя на местах проделать то же самое. Присутствовавшие на съезде эсеры были довольны, но эсдеки и кадеты подчеркнули съезду, что акт крестьян Гуляйполя по отношению к общественным комитетам идет вразрез с политикой общего в стране нового правительства, что это, дескать, пагубно для дела революции, так как такой контроль над установленными территориальными единицами – общественными комитетами – крестьянской организации обезличивает физиономию правительственной власти на местах.

Кто-то из крестьян выкрикнул: «Совершенно верно! Мы поэтому-то будем стараться у себя на местах обезличивать общественные комитеты в области их правительственных замашек до тех пор, пока не преобразуем их в нашем духе и понимании нашего права на свободу и независимость в деле отобрания у помещиков земли».

Этого заявления из рядов крестьянских делегатов достаточно было, чтобы эсдеки и кадеты умиротворились. В противном случае делегаты от крестьян покинули бы зал заседания. А им оставаться в пустом зале было стыдно. Они в этот период революции еще надеялись преодолеть революционное настроение трудящихся.

Этот съезд в Александровске кончился тем, что вынес резолюцию о переходе земли в пользование трудового общества без выкупа и

избрал уездный комитет. Эсеры радовались, эсдеки и кадеты злились, а делегаты от крестьян, разъезжаясь по своим местам, советовались, чтобы организовать на местах самим, без помощи этих политических «гавкунов», чтобы объединиться селу с селом и повести вооруженный поход против помещиков. Иначе, говорили они между собой, революция погибнет и мы останемся опять без земли...

А когда я и Шрамко возвратились с уездного александровского съезда и доложили Крестьянскому союзу Гуляйпольского района о его результатах, то крестьяне очень сожалели, что послали нас на этот съезд, говоря: «Лучше было бы нам не участвовать на этом съезде, а созвать свой съезд у себя в Гуляй-Поле от волостей Александровского уезда. Мы уверены, что здесь подвинули бы вопрос о земле и захвате ее в общественное пользование скорее к цели. Однако делать нечего, надеемся, что наш Гуляй-Польский комитет Крестьянского союза ознакомит всех крестьян не только Александровского уезда, но и прилегающих к нему Павлоградского, Мариупольского, Бердянского и Мелитопольского с нашей позицией в этом вопросе, чтобы, таким образом, в Александровске знали, что резолюции мы очень недолюбливаем. Нам нужно живое дело».

Это заявление крестьян родило декларацию Гуляйпольского Крестьянского союза, гласившую, что «трудовое крестьянство Гуляй-Польского района считает своим неотъемлемым правом провозгласить помещичьи, монастырские и государственные земли общественным достоянием» и провести это провозглашение в недалеком будущем в жизнь. В заключение призывалось (особой листовкой) все трудовое крестьянство подготовиться к этому акту справедливости и проводить его в жизнь.

Этот голос гуляйпольских крестьян был услышан далеко за пределами Екатеринославской губернии. После этого начали стекаться в Гуляй-Поле делегации от крестьянских деревень, не принадлежавших Екатеринославской губернии, на совещание. Тяга растянулась на целые недели. Мне лично как руководителю Крестьянского союза делегации не давали никакого отдыха...

В первых числах июня анархисты из города Александровска пригласили меня на конференцию по объединению всех александровских анархистов в федерацию. В тот же день я выехал в Александровск помочь товарищам сговориться. Александровские

анархисты все были рабочими физического и умственного труда. По названию они делились на анархо-коммунистов и анархо-индивидуалистов, но в действительности все они были революционные анархо-коммунисты. Всех я их любил, как своих близких, родных, дорогих, и, как мог, старался им помочь организовать в федерацию. Они организовались, начали организовывать рабочих и одно время имели на них большое идейное влияние.

Когда я возвратился из Александровска, рабочие Гуляй-Польского союза металлистов и деревообделочников пригласили меня помочь им поставить союз на ноги и записаться самому в него. А когда я сделал это, они попросили меня руководить предстоящей забастовкой.

Теперь я был совершенно поглощен, с одной стороны, делами Крестьянского союза, с другой – рабочими. Однако среди рабочих были товарищи, которые в деле производства лучше меня понимали, и это меня радовало. Я взялся руководить забастовкой, надеясь перетянуть этих славных товарищей за это время к нам в группу. Один из этих товарищей – Антонов – был эсер по убеждениям. Другие – беспартийные. Из этих беспартийных особо энергичными были Серегин и Миронов.

Прежде чем начать забастовку, рабочие обоих чугунолитейных заводов, всех мельниц, всех кустарных, слесарных, кузнечных и столярных мастерских устроили совещание. Оно закончилось тем, что мне предложили взять на себя выработку их требований и предъявить их через совет профсоюза хозяевам предприятий. Во время этого совещания рабочих и выработки их требований я выяснил, что товарищи Антонов, Серегин и Миронов давно анархисты, работают в заводских комитетах. Первый, Антонов, сейчас избран в Совет рабочих депутатов председателем. Но они не вошли в группу только потому, что завалены работой на заводах. Конечно, я был против этого. Я с первых же дней приезда с каторги в Гуляй-Поле настаивал перед группой своих товарищей, чтобы группа всегда была в курсе дела работы своих членов среди крестьян, и я настоятельно просил этих товарищей сейчас же войти в группу и в дальнейшем согласовывать свою работу в заводских комитетах и вообще среди рабочих. Товарищи вошли в группу, и мне вместе с ними пришлось созывать хозяев всех

предприятий и предъявлять им требования рабочих в двух пунктах: набавить плату в 80 и 100 процентов.

Такое требование рабочих вызвало целую бурю среди хозяев и категорический отказ набавлять плату в таких процентах. Мы им дали один день на размышление. В это время рабочие продолжали свою работу у станков. Через день хозяева пришли к нам в совет профсоюза со своими контрпредложениями в 35-40 процентов. Мы, уполномоченные рабочих, приняли это за наглое оскорбление и предложили им подумать еще один день. Хозяева и некоторые из их уполномоченных, знавшие статуты профсоюзов назубок, да к тому же социалисты по убеждениям, имевшие за спинами власть из центра, разошлись, уверив нас в том, что с большими, чем намеченные ими проценты, они и завтра не придут к нам. Мы вызвали членов заводских комитетов и представителей от рабочих кустарных мастерских и обсуждали вопрос о подготовке рабочих к одновременному прекращению работы как раз в тот час, когда хозяева завтра придут к нам в совет профсоюза и, не принеся новых предложений, уйдут от нас. Совет профсоюза должен был посадить своего человека на телефонную станцию для немедленной внеочередной связи всех телефонов предприятий с моим телефоном для предупреждения рабочих, чтобы хозяева, не подписав нашего требования, возвратясь из совета профсоюза, были встречены демонстрациями прекративших работу рабочих.

Я тут же предложил членам совета профсоюза и заводских комитетов план экспроприации всех денежных касс, имеющих в предприятиях и в Гуляй-Польском банке. Я был убежден, что предприятий мы в своих руках не удержим, даже располагая денежной суммой на первое время. К нам сейчас же уездный и губернский общественные комитеты и правительственные комиссары пошлют войска, которые, для того чтобы их не послали на внешний фронт против Германии, пожелают выслужиться перед властями внутри страны и расстреляют лучшие кадры тружеников, и меня первого из них. Но я считал важным дать идее экспроприации общественных предприятий у капиталистов практический толчок вперед теперь же, когда Временное правительство еще не успело совсем обуздать массу трудящихся и направить ее по контрреволюционному пути.

Однако большинство членов профсоюза и заводских комитетов убедительно просили меня воздержаться от предложения рабочей массе этого проекта, так как мы, дескать, к этому сами еще не подготовлены как следует. Мы только оскверним этот справедливый акт трудящихся и тем самым лишим рабочих возможности провести его в жизнь, когда мы – их и себя основательно к этому подготовим.

В результате откровенных бесед групповики тоже пришли к тому, что, проведя мои предложения в жизнь сейчас, когда крестьянство практически не может поддержать рабочих с своей стороны экспроприацией земель у помещиков до сбора хлеба, мы сделаем непоправимый шаг в этой области.

Эти доводы поколебали меня, и я не стал настаивать на своем предложении экспроприировать сейчас же заводы и мастерские, но я упорно настаивал на том, чтобы это мое предложение было взято за основу работы заводских комитетов по подготовке рабочих и проведению экспроприации в жизнь в недалеком будущем. Уверяя товарищей рабочих, что крестьяне над этим вопросом тоже думают, мы должны отдать все свои силы, чтобы их думы согласовать с думами рабочих и сочетать их в жизненной практике.

Предложение мое было принято. И с того времени меня все рабочие избрали председателем профессионального союза и больничной кассы, специально подобрав мне в помощники товарища Антонова, который мог ввиду перегрузки работой в других организациях заменять меня.

Так же и крестьяне подобрали мне товарища, который бы заменял меня. Но всегда те и другие просили, чтобы инициативно-руководящие нити во всех этих организациях находились в моих руках.

Пришли к нам опять в совет профессионального союза хозяева заводов, мельниц и кустарных мастерских. Пришли со вчерашними мнениями и желаниями. В результате двухчасовой обоюдной беседы они расщедрились и изъявили свое согласие набавить рабочим плату на 45-60 процентов. На этом я, как председатель совещания, заявил им, что переговоры между нами кончены. «Совет профессионального союза уполномочил меня взять под свое руководство все управляемые вами, граждане, но по праву не принадлежащие вам общественные предприятия и иметь с вами дело на улице, на месте каждого предприятия. Собрание закрываю!»

Я собрал все свои протоколы и направился к телефону. В это время хозяин самого большого завода в Гуляй-Поле Борис Михайлович Кернер схватывается с места и кричит: «Нестор Иванович, вы поспешили закрыть наше собрание. Я считаю, что требование рабочих вполне правильно. Они имеют право на то, чтобы мы его удовлетворили, и я подпишу свое согласие на это...»

Другие хозяева, в особенности их уполномоченные, возмущенно крикнули: «Что вы, Борис Михайлович, делаете?!»

– Нет, нет, господа, вы как хотите, а я обязуюсь удовлетворить требование моих рабочих, – ответил им Б. Кернер.

Я попросил их всех успокоиться, призвал к порядку и спросил:

– Граждане, вы придерживаетесь порядка и законности, а будет ли законным возобновить наше заседание опять по тому же вопросу, из-за которого оно закрыто?

– Конечно, конечно! – раздались голоса хозяев и их уполномоченных.

– Тогда я считаю заседание открытым и предлагаю вам всем подписать текст условий о надбавке платы рабочим в 100 и 80 процентов.

Говоря им о подготовленных текстах условий и подавая тексты, чувствую, что теряю от усталости и нервности равновесие. Опасаясь, что не устою на ногах, я поручаю товарищу Миронову занять мое место и выхожу в другой зал передохнуть.

Через полчаса я возвратился в залу заседаний. Хозяева начали подписывать предложенные мною тексты условий. А когда подписали и вышли из залы совета профсоюза, я сел у телефона и передал по всем предприятиям товарищам рабочим об успехе наших переговоров с хозяевами, о принятии наших требований и советовал до вечера оставаться у станков. А вечером члены совета профсоюза придут и сделают подробные доклады о нашем общем успехе...

91Я С этого же времени рабочие в Гуляй-Поле и в районе подготовились и взяли все предприятия, в которых работали, под свой строго организованный контроль, изучая хозяйственно-административную сторону дела, начали подготавливаться ко взятию этих общественных предприятий в свое непосредственное ведение.

И с этого же времени на Гуляйполе обратили свое особое внимание Екатеринбургский общественный комитет,

шовинистическая Селяньска спилка и Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, а также промышленный областной комитет, не говоря уже об александровских организациях, в которых агенты коалиционного правительства господствовали. Участилось из этих мест появление в Гуляй-Поле инструкторов, организаторов и пропагандистов.

Но уезжали они из Гуляй-Поля всегда без резолюций и побежденные действием крестьян и рабочих-анархистов.

Перейдем к Общественному комитету и разберемся в том, что мы, делегаты от Крестьянского союза, пользуясь его авторитетностью в данном районе, сделали.

Первое – это то, что, овладев функциями земельного отдела, мы постарались, чтобы продовольственный отдел тоже представил из себя отдельную единицу. А далее, когда одно время я фактически овладел всем Общественным комитетом, я и ряд других товарищей из Общественного комитета настояли, чтоб милиция была упразднена, и когда по случаю нажима из центра нам это не удалось, то провели лишение прав милиции самостоятельных арестов и обысков и этим свели ее роль на разносчиков пакетов от Общественного комитета по району. Далее, я созвал всех помещиков и кулаков и отобрал от них все бумажные сделки о приобретении ими земли в собственность. По этим документам земельный отдел произвел точный учет всему земельному богатству, каким располагали помещики и кулаки в своей праздной жизни.

Организовали при Совете рабочих и крестьянских депутатов комитет батраков и создали батрацкое движение против помещиков и кулаков, живущих их трудом.

Установили фактический контроль батраков над помещичьими и кулацкими именьями и хуторами, подготавливая батраков к присоединению к крестьянам и совместному действию в деле экспроприации всего богатства одиночек и провозглашению его общим достоянием трудящихся.

После всего этого я лично уже не интересовался Общественным комитетом как единицей, через которую в рамках существующего порядка можно было еще что-нибудь легально сделать полезного для поддержания роста революции среди тружеников подневольной деревни...

Местами крестьянство, сбитое с толку в справедливых стремлениях, собирает последние гроши на уплату грабителям-собственникам-землевладельцам, поддерживаемым церковью, государством и его наемным слугою – правительством.

Но даже эти введенные в заблуждение крестьяне не теряют надежды на победу над своими врагами. Они с большим вниманием прислушиваются к зову крестьянской группы анархо-коммунистов и своего союза: не теряться и мужественно готовиться к последней схватке с врагом.

Вот что я говорил в эти дни на многотысячном сходе-собрании крестьян и рабочих Гуляй-Поля, руководствуясь основной мыслью призыва группы анархо-коммунистов и Крестьянского союза:

«Трудящиеся крестьяне, рабочие и стоящая в стороне от нас интеллигенция! Все ли мы видим то, как организовалась в процессе четырехмесячного развития революции буржуазия, как умело она втянула в свои ряды социалистов и как прилежно они ей служат? Если то, как убаюкивают крестьян убеждением платить даже в дни революции арендную плату собственникам-землевладельцам, как мы это видим теперь, не может быть достаточным доказательством сказанного о буржуазии и о ее прислужниках социалистах, то вот, товарищи, другое, что с большей отчетливостью подтверждает неоспоримые факты.

Третьего июля петроградский пролетариат восстал против Временного правительства, которое во имя прав буржуазии стремится задавить революцию. С этой целью правительство разгромило ряд земельных комитетов на Урале, действовавших революционно против буржуазии. Члены их попали в тюрьму. С этой целью у нас на наших глазах агенты правительства – социалисты – убеждают крестьян платить помещикам за аренду земли. От третьего и по пятое июля на улицах Петрограда льется кровь наших братьев-рабочих. Социалисты непосредственно участвуют в пролитии этой крови»...

После меня выступил украинский социалист-революционер и призвал тружеников Гуляй-Поля вспомнить о том, что, в противовес «подлому Временному правительству в Петрограде, в Киеве организовали «наше» украинское правительство в лице Центральной рады. Оно истинно революционно, единственно способно и

правомочно на украинской земле восстановить свободу и счастливую жизнь для украинского народа». В заключение он воскликнул:

– Геть кацапів з нашої землі! Смерть цім гнобителям нашої рідної мови!

На рідній землі хай живе «наша» влада – Центральна рада та її секретаріят!..

Но труженики Гуляй-Поля были глухи к призыву украинского «социал-революционера». Они мало того что закричали ему единогласно: «Долой с трибуны! Не нужно нам и твоего правительства!», они еще и вынесли такую резолюцию:

«Преклоняемся перед храбростью павших в борьбе с Временным правительством 3-5 июля рабочих борцов. Мы, крестьяне и рабочие Гуляйполя, этого правительственного злодеяния не забудем... Пока же шлем ему, а заодно и киевскому правительству в лице Центральной рады и ее секретариата смерть и проклятие как злейшим врагам нашей свободы».

В это же время мы получили сведения о том, что П.А. Кропоткин уже в Петрограде. До сих пор в газетах писали об этом, но мы, крестьяне-анархисты, не слыша его мощного призыва к анархистам и конкретных указаний, руководствуясь которыми анархисты начали бы группироваться, и приводя в порядок разрозненные силы своего движения, занимая организованно свои революционно-боевые позиции в революции, мы не доверяли газетам. Теперь же мы получили газеты и письма из Петрограда, указывающие, что П.А. Кропоткин перенес в пути из Лондона в Россию болезнь, но доехал благополучно до самого сердца революции – Петрограда. Нам сообщали, как его встретили социалисты, стоявшие у власти, во главе с А. Керенским.

Радость в рядах нашей группы неопишущая. Собрали общее заседание группы, которое посвятили исключительно разбору предположений, что скажет нам старик Петр Алексеевич.

И все пришли к одному выводу: Петр Алексеевич укажет конкретные пути для организации нашего движения в деревне. Он слишком чуток, от него не ускользнет теперешняя насущная потребность в наших силах для революционной деревни. Как истинный вождь анархизма, он не пропустит этого редкого в истории России случая, воспользуется своим идейным влиянием на анархистов

и их группы и поспешит конкретно формулировать те положения революционного анархизма, которыми анархисты должны заняться в нашей революции.

Я составил письмо-приветствие от имени гуляйпольской крестьянской группы анархо-коммунистов и не помню точно, но, кажется, отослал его Петру Алексеевичу через редакцию газеты «Буревестник».

В этом письме-приветствии наша группа приветствовала Петра Алексеевича и поздравляла его с благополучным возвращением на родину, выражая уверенность, что родина в лице лучших своих людей ждала его как неутомимого борца за идеи высшей справедливости, которые не могли не оказать своего влияния на подготовку и свершение русской революции...

Подпись была: «Группа украинских анархистов-коммунистов в селе Гуляй-Поле Екатеринославской губернии».

На наше скромное письмо-приветствие мы ответа не ждали. Но ответа на вопросы момента мы ждали с каким-то особым напряжением, с чувством сознания, что без него мы потратим много сил и может оказаться, что напрасно, может оказаться, что то, чего мы ищем, не ищется другими группами или ищется, но в совершенно другом направлении. А подневольная деревня, казалось нам, ставит прямо вопрос: где тот путь и средства, чтобы завладеть землею и без власти над собой заняться выживанием из своего тела паразитов, ничего не производящих, живущих в довольстве и роскоши.

Ответ на этот вопрос Петр Алексеевич дал в своем труде «Хлеб и воля». Но массы этого труда раньше не читали. Его читали одиночки из масс. Теперь такой труд массе читать некогда. Теперь ей нужно услышать на простом, живом и сильном языке самое конкретное из «Хлеба и воли», чтобы она не погружалась в косное раздумье, а поняла бы сразу и получила руководящую нить для своих действий. Но кто скажет все это ей простым, живым и сильным языком?

Анархист-пропагандист и организатор, и только он! Но, положив руку на сердце, говорил я: были ли когда вообще у него в России и на Украине анархистские пропагандистские школы? Я такого случая не знаю. Но если они и были, то, спрашивается, где же вышедшие из них передовые наши борцы? Я второй раз объезжаю несколько районов в нескольких уездах, административно принадлежащих к одной

губернии, и не встречаю ни одного случая, где бы крестьяне на мои вопросы: «Были ли у вас ораторы из анархистов?» – ответили бы: «Были». Везде отвечали: «Никогда не были. Очень рады и благодарим, что вы нас не забываете...»

В период этих ожиданий подошло время губернского съезда Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов и Крестьянского союза.

Был созван съезд Крестьянского союза в Гуляй-Поле. Обсудили повестку дня губернского съезда. Над вопросом о реорганизации крестьянских союзов в крестьянские советы долго думали и в конце концов решили послать от себя делегата на губернский съезд. От крестьян уполномочили делегатом меня, от рабочих – товарища Серегина. С особой радостью ехал я в Екатеринослав, надеясь побывать в федерации анархистов, лично поговорить обо всем, что нашу группу в целом интересует (а интересовало ее больше всего вот что: почему из города нет анархистских агитаторов по деревням?).

Умышленно я выехал на съезд днем раньше. С вокзала еду прямо в киоск федерации. Застаю в нем секретаря – Молчанского. Одессит, старый товарищ. Знаем друг друга еще с каторги. Радость, обнимаемся, целуемся.

Я тотчас же обрушился на него: что они делают по городам? Почему не разъезжают с целью организации по всей губернии?

Товарищ Молчанский со свойственной ему манерой волнуется, разводит руками, говорит: «Брат, сил нет. Мы слабы. Мы только-только сгруппировались здесь и еле обслуживаем рабочих на здешних заводах и солдат по казармам. Мы надеемся, что со временем наши силы разовьются, и тогда мы теснее свяжемся с вами в деревне и начнем работу более энергичную по деревням»...

Долго мы после этого сидели молча и глядели друг на друга, погружившись каждый в себя и в будущее нашего движения в революции... А затем Молчанский начал успокаивать меня, уверяя; что в недалеком будущем в Екатеринослав приедут Рогдаев, Рошин, Аршинов и ряд других товарищей, нам не известных. Наша работа будет переброшена в деревню. Затем он повел меня в клуб федерации, который раньше назывался Английским клубом.

Там я застал много товарищей. Одни спорили о революции, другие читали, третьи ели. Словом, застал «анархическое» общество,

которое по традиции не признавало никакой власти и порядка в своем общественном помещении, не учитывало никаких моментов для революционной пропаганды среди широких трудовых масс, так остро в этой пропаганде нуждавшихся.

Тогда я спросил себя: для чего они отняли у буржуазии такое роскошное по обстановке и большое здание? Для чего оно им, когда здесь, среди этой кричащей толпы, нет никакого порядка даже в криках, которыми они разрешают ряд важнейших проблем революции, когда зал не подметен, во многих местах стулья опрокинуты, на большом столе, покрытом роскошным бархатом, валяются куски хлеба, головки селедочек, обглоданные кости?

Я смотрел на все это и болел душой. В это время в залу вошел Ив. Тарасюк (он же Кабась), заместитель секретаря Молчанского. Он с болью и возмущением сперва тихо, а затем чуть не во весь голос закричал: «Кто ел на столе, уберите!»... Сам начал поднимать опрокинутые стулья...

Быстро все со стола было убрано, и взялись подметать залу.

Из клуба я возвратился опять в киоск федерации, подобрал ряд брошюр себе для Гуляй-Поля и хотел было уходить в бюро по созыву съезда для получения бесплатного номера на время работ съезда, как в киоск зашла молодая барышня, оказавшаяся товарищем. Она просила товарищей пойти с нею в зимний городской театр и поддержать ее в выступлении перед рабочей аудиторией против увлекающего рабочих социал-демократа «Нила». Но присутствующие товарищи ей сказали, что они заняты. Она ни слова больше никому не сказала, повернулась и ушла.

Товарищ Молчанский спросил меня: «Ты с нею знаком? Это – славный и энергичный товарищ». Я в ту же минуту бросил киоск и нагнал ее. Предложил ей идти вместе на митинг, но она мне ответила: «Если не будете выступать, то вы мне не нужны там». Я обещал ей, что выступлю.

Тогда она взяла меня за руку и мы ускорили шаги по дороге в Зимний театр. Этот юный и милейший товарищ рассказала мне по дороге, что она всего три года как сделалась анархисткой. Это ей трудно далось. Она около двух лет читала Кропоткина и Бакунина. Теперь почувствовала, что прочитанные ею труды помогли сложиться ее убеждениям. Она их полюбила и во имя их работает. До июля она

выступала перед рабочими, но боялась выступить против врагов анархизма – социал-демократов. В июле на одном из митингов в сквере она выступала против социал-демократа «Нила». Он ее хорошо отстегал. «Теперь я, – говорила она, – собралась с силами попробовать вторично выступить против этого «Нила». Это – агитаторская звезда в центре социал-демократов».

На митинге я выступил против знаменитого «Нила» под псевдонимом «Скромный» (мой псевдоним с каторги). Говорил скверно, хотя по уверению товарища «это было очень удачно, только что волновался».

Мой же товарищ, юный и энергичный, завоевала весь зал своим нежным, но сильным ораторским голосом: аудитория была восхищена этим голосом, и мертвая тишина, когда слушали то, что она говорила, сменялась бурными рукоплесканиями и громовыми криками: «Правильно, правильно, товарищ!»

Товарищ говорила недолго, 43 минуты, но настолько возбудила массу слушателей против положений, высказанных «Нилом», что, когда последний вышел оппонировать всем против него выступавшим, зал закричал: «Неверно! Не забивайте нам головы неправдой. Правильно говорили нам анархисты. Вы говорите неправду...»

Когда мы возвращались с митинга, нас собралось уже несколько товарищей вместе. Наш юный товарищ говорила мне: «Вы, знаете, товарищ Скромный, что этот «Нил» своим влиянием на рабочих до сих пор меня с ума сводил, и я задалась целью во что бы то ни стало убить его влияние на рабочих. Меня стесняло на этом пути лишь одно: я слишком молода. Рабочие относятся к старым товарищам более доверчиво. Боюсь, что это мне помешает выполнить свой долг перед рабочими...»

Кроме здоровья и лучших успехов ей в деле революционного анархизма, я ничего больше пожелать не мог. Мы распрощались и разошлись, обещая на другой день встретиться и поговорить о Гуляйполе, о котором она слыхала много хорошего.

Из-за митинга я опоздал в бюро по созыву съезда и не достал бумажки на номер в отеле. Ночевал я в номере товарища Серегина...

Губернский съезд постановил реорганизовать все крестьянские союзы в советы на местах. Это было единственно новым для Гуляй-

Польского района вопросом из всех вопросов повестки губернского съезда 5-7 августа 1917 года.

По возвращении нашем со съезда и после ряда докладов о нем Гуляй-Польский Крестьянский союз был реорганизован в Крестьянский совет. Он не изменил ни своей декларации, ни методов борьбы, к которой усиленно подготовлял крестьян. Его призыв к рабочим изгнать хозяев фабрик и заводов и ликвидировать их права собственности на общественные предприятия усилился.

За это время, пока мы были заняты формальным переименованием союза в совет, в Москве 14 августа открылось Всероссийское демократическое совещание и на его трибуне показался уважаемый, дорогой наш старик – Петр Алексеевич Кропоткин.

Гуляй-Польская группа анархистов-коммунистов остолбенела, несмотря на то что глубоко сознавала, что нашему старику, так много работавшему в жизни, постоянно гонимому на чужбине и теперь возвратившемуся на родину и занятому в старческие годы исключительно гуманными идеями жизни и борьбы человечества, неудобно было отказаться от участия в этом Демократическом совещании. Но эти соображения отходили на задний план перед тем трагическим моментом революции, который понемногу должен был наступить после совещания. Мы в душе осудили своего старика за его участие в этом совещании, думая, что он из бывшего учителя революционной анархии превращается в сентиментального старца, ищущего спокойствия и сил для последнего применения своих знаний в жизни. Но этот суд над Петром Алексеевичем был внутри самой группы, в ее душе, замкнутой для врагов. Происходило это потому, что глубоко, в самых тайниках души группы, Петр Алексеевич оставался великим и сильным теоретиком анархизма. Это подсказало нам, что, не сломи его физически время, он стал бы перед русской революцией практическим вождем анархизма. Правы ли мы в этом или нет, но на тему его участия во Всероссийском демократическом совещании в Москве мы никогда не вступали в спор со своими политическими врагами...

Итак, мы с замиранием души прислушивались к тому, что скажет Петр Алексеевич. Мы не теряли веры, что он останется навсегда близким, дорогим нашим стариком, но момент революции зовет нас в свою сторону. В силу ряда причин чисто искусственного характера в

революции замечается застой. На нее надевается петля всеми политическими партиями, участвующими во Временном правительстве. А ведь они, все эти партии, шаг за шагом все прочнее и решительнее приходят в себя и становятся грозной силой контрреволюции...

Может ли наша группа теперь, после семимесячного наблюдения за нашим движением по городам, сомневаться в том, что многочисленные деятели его не знают своей роли и этим угнетают движение, не дают ему высвободиться из традиционных форм дезорганизованности и превратиться из группового в массовое движение? Конечно нет! Поэтому группа взялась с еще большей энергией за точное определение неразрешенных нашим анархическим движением вопросов, как, например, вопрос о согласовании деятельности групп между собой в развертывающихся событиях. Он смело и полностью не был сформулирован ни одной федерацией анархистов в русской Февральской революции, хотя каждая федерация и выпускала свои декларации и намечала новые положения для своей деятельности.

Так, мечась в своем стремлении отыскать то большое, что она могла найти в трудах по анархизму Бакунина, Кропоткина и Малатесты, группа пришла к тому, что мы, крестьянская группа анархистов-коммунистов в Гуляйполе, не можем ни подражать нашему движению в городах, ни прислушиваться к его голосу. Мы самостоятельно должны разобраться в этом тревожном моменте революции и самостоятельно помочь подневольной деревне правильно ориентироваться в ней, чтобы политические партии не пошатнули в ней веры, что именно она, а не партии со своим правительством явится прямым творцом революции в деревне и что от нее самой зависит видоизменить характер и темп течения этой революции. И группа растворилась среди тружеников подневольной деревни, оставив лишь инициативное и посредническое бюро; и словом, и делом она помогала трудящейся массе разобраться в моменте и придать своей борьбе большую решительность...

Так мы подошли к дням, когда наша тоска и боль о тревожном моменте революции оправдались целиком. Пришли вести от самого Временного правительства и от Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов из Петрограда, что

главнокомандующий внешним фронтом генерал Корнилов снял верные ему дивизии войск с фронта и движется на Петроград с целью ликвидации революции и ее завоеваний.

То было 29 августа 1917 года. К нам в Гуляй-Поле приехала анархистка из Александровска М. Никифорова и проводила крестьянский митинг под моим предводительством. Рассыльный телеграмм подал мне пакетик, в котором я прочел эту весть о движении генерала Корнилова. Я остановил оратора и произнес коротенькую речь о совершающейся казни над революцией, а затем прочел две телеграммы правительства и Всероссийского Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов.

Весть эта произвела тяжелое впечатление на присутствующих на митинге крестьян и рабочих. Волнение видно было, и крестьяне и рабочие подавляли в себе, но кто-то крикнул из толпы: «Там льется уже кровь наших братьев, а здесь контрреволюционеры свободно расхаживают среди нас и смеются!» – и указано было на стоявшего среди крестьян и рабочих бывшего гуляйпольского полицейского пристава Иванова. Анархистка Никифорова соскочила с трибуны и арестовала его. В толпе шум и ругательства по его адресу.

Но я подскочил к Никифоровой и к Иванову, окруженным уже рядом товарищей из группы и Крестьянского совета, и настоял, чтобы сейчас же пристав отпустили, попросил его не волноваться, так как его никто не тронет, и тут же взобрался снова на трибуну и сказал крестьянам и рабочим, что наша борьба по защите революции должна начаться не с убийства бывших приставов, которые, как, например, Иванов, сдались без сопротивления в первые дни революции и не скрываются. За ними – самое большое – мы можем только наблюдать. Наша борьба должна выразиться в более серьезном; в чем именно, я воздержусь сейчас говорить, так как спешу на заседание Крестьянского совета вместе с рабочими и группой анархо-коммунистов, но после него обещаю сейчас же прийти сюда в сад и объяснить свою мысль...

Когда я пришел в совет, все были в сборе. Мы открыли заседание, в котором прочли телеграммы и заслушали мой доклад о том, за что нам нужно прежде всего взяться сейчас и через какую именно организацию. Последний вопрос был вызван тем, что в телеграмме

ВЦИКа Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов предлагалось организовать на местах комитеты спасения революции.

Собрание выделило из своего состава этот комитет, выразив желание, чтобы он назывался Комитетом защиты революции, и поручило мне руководить его работой.

Мы, члены этой наспех сколоченной организации, собрались тут же и постановили взяться за разоружение всей буржуазии в районе и ликвидацию ее прав на богатства народа: на землю, фабрики, заводы, типографии, помещения театров, колизеев, кинематографов и других видов общественных предприятий.

Мы считали, что это единственный и верный путь и для ликвидации движения генерала Корнилова, и для ликвидации прав буржуазии на господство и привилегии над трудовыми массами.

В то время как мы устраивали объединенное заседание, а затем заседание выделившегося из него Комитета спасения революции (что заняло около пяти часов), массы трудящихся ждали, когда я освобожусь и возвращусь к ним заканчивать свою речь о защите революции.

Когда я наконец пришел, все члены совета группы анархо-коммунистов, кое-кто из рабочего профсоюза прогуливались по улицам с винтовками и простыми ружьями-дробовиками за плечами. Гуляйполе превращалось в военно-революционный лагерь.

Я вошел в ворота сада и проходной аллеей подошел к площадке, где была трибуна. Крестьяне и рабочие группами разошлись по саду и оживленно обменивались между собою мнениями о встревожившей их вести. Теперь они быстро сходились ко мне с возгласами: «Ну что, вы свободны уже? Можете закончить то, о чем начали говорить, та оті недобрі телеграммы поминали!»

Я поднялся на трибуну беспомощный, сил не было: устал, потому что все дни ездил по району. Думал, в воскресенье ограничусь одним митингом в Гуляй-Поле, а потом отдохну. Но тревожные телеграммы (крестьяне их называли «недобрыми») дали работу новую.

Заканчивая свою мысль о защите революции, я пояснил, что никто, кроме них самих, не защитит и не разовьет ее. Революция – их прямое дело, и они должны быть ее смелыми носителями и истинными революционными защитниками. Сказал также, к какому

решению мы пришли на заседании, что выделили Комитет защиты революции, и не только от движения генерала Корнилова, но и от Временного правительства и от всех, его идеям следующих социалистических партий; но что таким этот комитет станет только тогда, когда мы – все от мала до велика скажем, что это – наше детище. Когда мы все вокруг него объединимся и, поскольку он окажется подлинно революционным инициатором в нашем общем деле, будем поддерживать его не на словах, а на деле, революция завершит свое шествие.

Я изложил многочисленному собранию в сокращенной форме программу действия этого комитета.

Из толпы раздались крики: «Да здравствует революция!» И крики не застрельщиков, которыми в подобные моменты политиканы пользуются обыкновенно, крики, истинно народные, идущие из самых глубин народной души.

– Что ж, товарищ Нестор, – раздались голоса, – готовиться в поход на соединение с городскими тружениками, что ли?

Но я осветил им пункт из программы действий комитета, в котором говорилось, что крестьяне по сотням, а рабочие по заводам и мастерским должны обсудить наше постановление и завтра (30 августа) прислать через уполномоченных свое окончательное решение о нем.

Этим закончился день 29 августа. Тяжелый день по своим известиям о движении генерала Корнилова. Но зато он толкнул массы к инициативе и революционной самодеятельности. И там, где среди тружеников были революционеры, которые знали, какая перед ними должна стоять задача в такие моменты, там предпосылки к назревшим событиям были вовремя сформулированы и трудовые массы их использовали в своей прямой борьбе.

На другой день рано утром я шел по Соборной площади Гуляй-Поля. Группы рабочих из заводов и крестьян из сотен под черными и красными знаменами с песнями подходили к улице, ведущей к зданию Совета крестьянских и рабочих депутатов, в котором помещился Комитет защиты революции. Я перебежал через двор училища, и еще другой двор и вбежал во двор Совета, чтобы встретить манифестантов. Когда я показался перед манифестантами, раздался громовой крик:

«Да здравствует революция! Да здравствует неизменный ее сын, а наш друг товарищ Махно!»

Эти крики были для меня лестными, но я чувствовал, что не заслужил их от тружеников. Я остановил восторженные, награждающие меня столь дорогими и сильными эпитетами крики и попросил выслушать меня. Но меня подхватили на руки и продолжали кричать: «Да здравствует революция! Да здравствует Махно!»

Наконец я упрямил манифестантов выслушать меня, и когда воцарилась тишина, я спросил их, в честь чего они бросили работу и пришли к Комитету защиты революции?

– Мы пришли в распоряжение комитета, – последовал ответ, – и мы не последние.

– Значит, есть еще порох в пороховницах?!

– Есть, есть и достаточно есть! – кричали манифестанты в ответ мне.

Я начал было терять равновесие, чуть-чуть было не прослезился от радости за широкий размах украинской рабочей и крестьянской души. Передо мной предстала крестьянская воля к свободе и независимости, которую только ширь и глубина украинской души могут так быстро и сильно выявлять.

Первыми моими словами к манифестантам были: «Так слушайте же, товарищи; если вы пришли в распоряжение Комитета защиты революции, то предлагаю вам разбиться на группы в десять – пятнадцать человек, с расчетом по пять человек на подводу, и не медлить ни одного часа – облететь весь Гуляй-Польский район помещичьих имений, кулацких хуторов и немецких богатых колоний и отобрать у этой буржуазии все огнестрельное оружие, как-то: винтовки, централки, дробовые простые ружья, да из холодного – шашки. Ни пальцем, ни словом не оскорблять самой буржуазии... С революционной отвагой и честью мы должны это сделать в интересах революции, против которой вожди буржуазии, пользуясь попустительством революционеров, организовали под крылышком Временного правительства свои силы и уже начали действовать оружием...»

Итак, оружие у буржуазии отобрано и роздано по рукам революционных крестьян. Отобрание произведено спокойно, без жертв.

Открылся съезд Советов, который созывался, чтоб разобрать причины, породившие движение генерала Корнилова, и уяснить его цель.

Избрание Гуляй-Польским Советом и другими организациями Комитета защиты революции, как и все действия их до этого, съезд приветствовал, выражая свое убеждение, что настал час действовать».

Нестор Махно

Под ударами контрреволюции

Глава I

НА ПУТИ ОТСТУПЛЕНИЯ

В апреле 1918 года я вызван был в штаб Егорова – штаб красногвардейских войск. В указанном мне месте штаба, однако, уже не оказалось: он отступил под натиском немецко-австрийских войск и где остановился, пока не было известно. За время, что я ездил по линиям железных дорог, в Гуляй-Поле произошли крупные перемены. Оно было занято врагами революции – германо-австро-венгерскими экспедиционными частями и их проводниками, отрядами Украинской Центральной рады.

Красноармейские и красногвардейские отряды бегут. За ними бегут и другой формации революционные отряды. Бежит местами и население к злорадному удовольствию врагов.

Весть о занятии Гуляй-Поля застала меня на станции Царевоконстантиновка и потрясла: А бегство революционных сил я видел сам. Тяжело было смотреть на это бегство. Что-то непонятное, тяжелое сдавило мне сердце и лишало меня возможности яснее представить все то, что произошло там, в Гуляй-Поле, за мою двухдневную отлучку из него. Все совершившееся настолько потрясло и сковало меня, что я оказался совершенно не в состоянии противопоставить свои физические силы этой тяжести. Тут же, на станции, я прилег, положив голову на колени одного из красногвардейцев, и бессознательно выкрикивал:

– Нет, нет, я этой изменнической роли шовинистов не забуду!

Может быть, и стыдно революционеру-анархисту питать в себе мысли о мести, но они поселились во мне, и я сделаю из них для дальнейшей своей революционной деятельности необходимые выводы...

Об этом мне красноармейцы рассказали впоследствии. Говорили они еще, что я заплакал и уснул в вагоне на коленях все того же красногвардейца. Однако я этого не помню.

Мне казалось, что я не спал и лишь чувствовал себя в какой-то тревоге. Это чувство было тяжело, но я мог ходить, говорить. Помню, что я никак не мог сообразить, где я... Лишь когда я вылез из вагона и увидел, что все еще нахожусь на станции Царевоконстантиновка, я извинился перед окружавшими меня красногвардейцами и направился к вокзалу.

По дороге я встретился с несколькими товарищами и своим братом Саввой Махно, бежавшим из Гуляй-Поля. Это свидание меня обрадовало. Я набросился на них с расспросами о том, при каких обстоятельствах было сдано Гуляй-Поле, какие жертвы понесли отряд анархистов и другие революционные организации.

Но товарищи, увидев меня полубольным, нервным, уклонились отвечать подробно, ограничиваясь самыми краткими фразами вроде: «Гуляйполе сдано, но не все в нем погибли» и т.п.

Это меня очень бесило, но делать было нечего. Я не мог принудить их рассказывать мне подробности, так как знал, что все воинские поезда были на отходе и нам нужно было успеть найти в одном из них себе место. Я сказал об этом брату, и он нашел нам места.

Через 5-10 минут мы сидели уже в одном из красногвардейских вагонов и обсуждали, во всей широте и со всей ясностью, создавшееся положение на Украине. Это обсуждение не могло бы быть для нас полным, если бы оно велось вне связи с Гуляй-Подем, с его широким и просторным районом, с той колоссальной работой, какую нам, живя и развивая в нем свои идеи, уже пришлось проделать на пути революционного действия.

Да и сама тема связывала нас с Гуляй-Подем. Занятие врагами этого-пункта мысленно уносило нас туда, к нашим упущениям в деле организации вольных батальонов революции против контрреволюции, несшейся на штыках грозных экспедиционных немецко-австро-венгерских армий и жалких по своей боеспособности, но подлых по своим делам отрядов их прислужницы – Украинской Центральной рады.

Упущения эти заключались в том, что при формировании вольных батальонов нами было допущено свободное вступление в них всякого желавшего без какой бы то ни было проверки. Это привело в ряды вольных батальонов сторонников Украинской Центральной рады и ее преступного против революции союза с немецким и австро-венгерским правительствами. Правда, лично я в этом упущении не находил большого зла. Большое зло видел я в совершенно другом упущении, как со стороны революционного комитета, так и с нашей стороны: упущении, которое помогло пяти-шести сознательным подлецам сыграть на руку немецко-австро-венгерскому командованию и Украинской Центральной раде в деле занятия Гуляй-Поля без боя и затем в осуществлении расправы над многими тружениками. Упущение это заключалось, по-моему, в слишком поспешной и стратегически неразумной (хотя морально и тактически по отношению к остальным отрядам оправдываемой) высылке из Гуляйполя на фронт отряда анархистов-коммунистов. Отряд этот нужно было держать в Гуляй-Поле в непосредственном ведении революционного комитета и секретариата группы анархо-коммунистов до тех пор, пока другие вооруженные революционные части находились здесь же. Лишь в момент общего выступления вооруженных сил на революционный фронт надо было вывести и отряд анархистов, выдвинув его в авангард. В самом деле, очевидцы происшедших в мое отсутствие гуляйпольских событий мне рассказали, что арестом революционного комитета, членов Совета рабочих и крестьянских депутатов и секретаря группы руководили пять человек, пользуясь в кое-каких случаях поддельными документами, а также вооруженной силой еврейской роты, неустойчивой, в массе своей склонной приспособляться. Находись отряд анархистов в то время в Гуляй-Поле (пусть даже в мое отсутствие), заговорщики ни за что не решились бы заменить вне очереди одну дежурную по гарнизону роту на другую, именно еврейскую. Командир этой роты, нееврей, склонен был, особенно в тревожное время, ориентироваться в сторону сильных. Он с помощью самих заговорщиков и при молчаливом подчинении роты произвел нападение на революционный комитет и арестовал его, а затем пустил роту на поимку отдельных членов Совета, стариков крестьян и рабочих анархо-коммунистов...

Будь отряд анархо-коммунистов в это время не на фронте против экспедиционных армий и отрядов Украинской Центральной рады, а в Гуляй-Поле, он не допустил бы агентов командования этих армий и отрядов организовать вооруженное нападение на революционный комитет и сорвать его работу в деле организации фронта против контрреволюции. К сожалению, все то, о чем мы говорили, свершилось. Помню, я говорил тогда своим товарищам:

– Теперь в Гуляй-Поле, да и во всем его районе можно ожидать со стороны крестьян и рабочих крайне нежелательной для дела революции, недостойной ненависти к евреям вообще. Сознательные и бессознательные враги революции могут эту ненависть использовать как они захотят. И мы, так много потрудившиеся над тем, чтобы убедить тружеников-неевреев, что еврейские рабочие им братья, что их необходимо втянуть в дело общего социально-общественного строительства на равных и свободных началах, мы можем очутиться перед фактом еврейских погромов. Об этом мы должны тоже подумать, и подумать серьезно...

– Совершенно верно, ненависть крестьян и рабочих к евреям сейчас сильная, – отвечали мне друзья, – но не мы виноваты в этом... Евреи никогда в Гуляй-Поле не были изолированы от общественной жизни нееврейского населения. И лишь акты еврейской роты 15-16 апреля поставили нееврейское население на путь ненависти к евреям. Покидая Гуляй-Поле, мы не можем не видеть, что в нем появился дух антисемитизма... Но что сделаешь, мы бессильны теперь бороться с ним. Наши силы все в подполье, и в значительной степени из-за действий еврейской роты...

– Вот в том-то и дело, – настаивал я, – что с торжеством контрреволюции и благодаря глупой выходке еврейской молодежи над Гуляй-Подем веет дух антисемитизма. И наша прямая обязанность не дать ему осесть, укрепиться в Гуляйполе. Гуляйполе – сердце нашей новой борьбы против контрреволюции. Мы должны возвратиться в него, чего бы это нам как группе революционеров-анархистов ни стоило. Находясь в Гуляйполе, мы сможем, и это прямая наша обязанность, предупредить зло, нашедшее себе место в гуще крестьян и рабочих после действий еврейской роты... А предупредить его мы сможем тем, что своевременно разъясним революционным труженикам, кто виноват в произведенных арестах,.. Если мы не

проявим надлежащего действия в этой области нашей борьбы, то, помните мое слово, друзья, трудовое еврейское население будет избираться...

Ты совершенно прав, – отвечали мне друзья, – но мы здесь ни при чем. Не из-за нас же все это совершится... Мы не оспариваем того, что нам об этом нужно подумать серьезнейшим образом, что нам придется против всего этого бороться... Но все это будет тогда, когда мы будем в Гуляй-Поле. Сейчас же мы должны подумать о том, где мы задержимся на временное жительство, чтобы собрать всех своих товарищей, которые будут пробираться к красному фронту и искать тебя...

Мы решили задержаться на некоторое время в Таганроге. Последний в это время являлся центром украинского большевистско-левоэсеровского правительства. Сюда сбегались со всех мест южной Украины агенты этого правительства. Сюда же отступали в большинстве своем красногвардейские отряды. Здесь, в Таганроге, одним из бегущих указывались маршруты дальнейшего перекочевывания, над другими производились аресты, насильственные разоружения и суды.

Итак, в Таганроге мы задержимся недельку-две. За это время съедутся остальные наши товарищи. Здесь мы устроим конференцию, на которой и решим окончательно: какими путями и в каком порядке мы начнем возвращаться обратно в свои районы для подпольной работы против восторжествовавшей контрреволюции.

Тем временем, что мы обсуждали этот вопрос, эшелоны отряда Петренко получили распоряжение в спешном порядке покинуть железнодорожный Царевоконстантиновский узел и двигаться по направлению к Таганрогу, под которым красногвардейское командование группировало свои силы с целью дать повторное генеральное сопротивление немцам и Центральной раде.

Эшелоны тронулись... Тяжело и больно было расставаться с районом, среди населения которого мы так много работали. Однако другого исхода не было. Расстаться с ним на время было необходимо не только физически, но и нравственно. Ведь только со стороны можно было теперь проверить все то, во что мы верим, с чем переплеталась великая надежда, – что торжество контрреволюции непрочно, что пройдут месяцы, и украинское революционное трудовое население, дезорганизованное сейчас, с одной стороны, большевистским

Брестским договором, а с другой – гнусной, провокационной политикой немецко-мадяро-австрийского вассала – Украинской Центральной рады, опомнится и поймет гнусную роль этих вершителей судеб его и революции. Трудовое население организуется на сей раз самостоятельно у себя на местах и низвергает своих палачей без опеки провокаторов из лагеря социалистов-шовинистов...

Зная настроение тружеников деревни, с каким они готовились к неудавшейся своей борьбе против нашествия немецко-австро-венгерского юнкерства и банд Украинской Центральной рады, зная и веря, что это настроение в них было естественным настроением, которое не может измениться только потому, что основанная на нем организация тружеников на первых порах потерпела тяжелые неудачи, я глубоко в себе питал надежду на возрождение этой организации и на новое воспитание, на сей раз более выдержанное в своей тактике и более сильное духом. И я, и мои друзья – Савва Махно, Степан Шепель, Ваня Х., которые были присланы ко мне навстречу из Гуляй-Поля, чтобы предупредить меня ни в коем случае не предпринимать попыток возвратиться нелегально в Гуляй-Поле, все мы приняли живое участие в переоценке вчерашнего. Мы пришли к тому, чтобы поспешить как можно скорее собрать наших товарищей по группе в Таганроге и сообща наметить план организованного возвращения в Гуляй-Поле и его район с целью продолжать в нем подпольную работу. Правда, мы сознавали всю опасность, которая грозила жизни каждого из нас как в пути, так и на месте нашего возвращения. Но мы сознавали и то, что разгром немецко-украинской контрреволюции при лояльности к ней в силу Брестского договора со стороны русских большевиков, их «пролетарской революционной власти» и организованной этой властью военной силы может осуществиться лишь в том случае, если планы его будут построены на внутренне содержательном революционном настроении трудовых масс, и притом построены самими тружениками. И мы не останавливались ни перед чем в своем стремлении снова очутиться в своих местностях, в рядах этих тружеников.

Но, повторяю, перед нами было задание предварительно собрать всех отступавших разными путями от контрреволюции товарищей и сообща разработать и утвердить планы как нашего возвращения в свои местности, так и нашей подпольной работы в них.

С этой целью мой брат Савва Махно выехал из Таганрога в зону военно-революционного фронта, верстах в семидесяти от города, разыскивать товарищей и направлять их в Таганрог.

Я же пока связался с некоторыми членами Федерации таганрогских анархистов, а также с другими друзьями и занялся нашумевшим в те дни в Таганроге делом командира одного из анархистских отрядов Марии Никифоровой.

Глава II

РАЗОРУЖЕНИЕ ОТРЯДА МАРИИ НИКИФОРОВОЙ

Как делали все большевистские красногвардейские отряды, которые, спасаясь от ударов организованной силы немецко-австро-венгерских экспедиционных армий, находили возможным искать более или менее продолжительных передышек в глубоком тылу, на приличном расстоянии от линии боевого фронта, так поступали и многие анархистские отряды. В этом проявлялся тот дух разгильдяйства и безответственности, который многими, – о, как многими! – из революционеров молча читлся, в результате ли предательства революции в Бресте, предательства, в котором виноваты и русские большевики, и украинские социалисты, или в силу других причин, о которых говорить в данной главе я не считаю нужным. Но такое разгильдяйство и безответственность в рядах революционеров, борющихся против контрреволюции за революцию, были. Думаю и даже убежден, что по причине этого отвратительного «духа» я очутился в далеком от линии боевого фронта тылу наряду со многими отрядами и анархистским или, вернее, анархистствующим отрядом Марии Никифоровой. Большевистско-левоэсеровская власть, как и всякая власть, не могла простить отряду его окраску и в связи с этим придралась к его отступлению в тыл. Власть ведь ставила своей задачей использовать анархистов-революционеров в борьбе против контрреволюции так, чтобы эти носители непримиримости духа революции оставались на боевых фронтах до издыхания; а тут вдруг перед нею отряд под командой анархистки вместе с ее большевистскими отрядами в тылу. Задачи власти дерзко нарушены, и

она взялась за дело восстановления нарушенного. Время для этого черного ее дела было благоприятное: это ведь было время, когда Ленин и Троцкий разнуздались совершенно, разгромили анархистские организации в Москве, объявили поход против анархистов в других городах и селах. Левые социалисты-революционеры в центре этому не противились. Вот почему и украинская большевистско-левоэсеровская власть поспешила действовать против отряда анархистки Никифоровой, очутившегося вместе с их красногвардейскими отрядами в Таганроге.

Украинское правительство приказало своему бежавшему с фронта красногвардейскому отряду под командой большевика Каскина арестовать анархистку Марию Никифорову, а ее отряд разоружить. Солдаты Каскина арестовали Марию Никифорову на моих глазах в здании УЦИК Советов. Когда ее выводили из этого здания в присутствии небезызвестного большевика Затонского, Мария Никифорова обратилась к нему за разъяснением: за что ее арестовывают? Затонский лицемерно отнекивался: «Не знаю за что». Никифорова назвала его подлым лицемером. Итак, Никифорову арестовали, а ее отряд разоружили.

Однако отряд Никифоровой не разбрелся и не пошел на служение в отряд большевика Каскина. Он настойчиво требовал от власть имущих ответа, где они запрятали Марию Никифорову и за что его разоружили.

К этому его требованию присоединились все отступившие из Украины в Таганрог и таганрогские анархисты. Таганрогский комитет партии левых социалистов-революционеров поддержал анархистов и бойцов отряда Никифоровой.

Я в спешном порядке дал за своей и Марии Никифоровой подписью телеграмму главнокомандующему Украинским красным фронтом Антонову-Овсеенко с запросом его мнения об отряде анархистки Марии Никифоровой и просьбой сделать распоряжение куда следует, чтобы освободить Никифорову, вернуть ее отряду оружие и указать участок боевого фронта, куда отряд должен отправиться по получении своего вооружения и снаряжения.

Главнокомандующий Антонов-Овсеенко на нашу телеграмму дал ответ властям, осевшим в Таганроге, с копией нам по адресу Федерации анархистов.

Телеграмма носила чисто деловой характер опытного командира:

«Отряд анархистки Марии Никифоровой, как и товарищ Никифорова, мне хорошо известны. Вместо того чтоб заниматься разоружением таких революционных боевых единиц, я советовал бы заняться созданием их». (Подпись.)

В то же время много телеграмм, протестующих против поступка властей или просто сочувствующих Никифоровой и ее отряду, поступило в Таганрог с фронта от зарекомендовавших себя в боях большевистских, левоэсеровских и анархистских отрядов и их командиров.

Екатеринославский (Брянский) анархистский бронепоезд под командой анархиста Гарина прибыл в Таганрог, чтобы выразить свой революционный протест зарвавшимся, за спиной революционного фронта, властям.

Все это было не на руку как тем, кто распорядился арестовать Марию Никифорову и обезоружить ее отряд, так и тем, кто выполнял это распоряжение. Такое положение дела побудило Центральную власть – власть, кочующую по тылам, – собрать ложные данные против Марии Никифоровой и ее отряда, данные, уличавшие ее якобы в разграблении Елисаветграда, когда она заняла его в марте 1918 года, выгнав из него украинских шовинистов. Таким образом ей создали уголовное дело.

Нужно сказать правду: большевики – хорошие мастера на измышление лжи и на всякие подлости против других. Они насобирали больше, чем нужно было, данных против Марии Никифоровой и ее отряда, и дело было создано.

В двадцатых числах апреля состоялся революционный суд над Марией Никифоровой. По партийности суд представлялся двумя левыми социалистами-революционерами таганрогской федерации, двумя большевиками-коммунистами таганрогской организации и одним большевиком-коммунистом от центральной большевистско-левоэсеровской власти на Украине.

Суд происходил при открытых дверях и носил характер суда революционной чести. Здесь следует отметить, что левые социалисты-революционеры выявили себя настолько же беспристрастными по отношению к обвиняемой Никифоровой, насколько беспощадными в отношении обвинителей-агентов со стороны власти.

Центральная власть наwerbовала из беглецов массу свидетелей против Никифоровой, стараясь всеми правдами и неправдами нацепить ей уголовное преступление и казнить. Но суд был поистине революционный, беспристрастный и, главное, политически и юридически в большинстве своем совершенно независимый от провокации правительственных наемных агентов.

Суд использовал в качестве свидетелей многих из свободных посетителей зала заседаний, придав разбирательству этого дела чуть не характер трибуны, с которой можно было все говорить свободно.

Помню, как сегодня: одним из знавших Никифорову и ее отряд по фронту выступил перед судом товарищ Гарин. Он в горячей речи сказал судьям и всем присутствовавшим на суде гражданам, что он убежден в том, что «если товарищ Никифорова и сидит на скамье подсудимых сейчас, то только потому, что она видит в большинстве судей прямых революционеров и верит, что, выйдя из суда, она получит обратно свое и своего отряда оружие и пойдет сражаться против контрреволюции. Если бы она в это не верила и предвидела бы, что революционный суд пойдет по стопам правительства и его провокаторов, то я об этом бы знал и заявляю от имени всей команды бронепоезда, что мы освободили бы ее силою...».

Это заявление Гарина возмутило революционных судей. Тем не менее они ответили ему, что суд сформировался на началах полной независимости от власти и доведет дело до логического конца. Если Мария Никифорова окажется виновной, она свое получит от тех, кто ее арестовал. Если данные против нее окажутся неверными, суд предпримет все меры к тому, чтобы Никифорова получила свое вооружение и снаряжение и выехала из Таганрога на фронт или куда она захочет...

В результате разбирательства суд постановил, что осудить Никифорову за ограбление Елисаветграда нет никаких оснований. Суд постановил немедленно освободить ее из-под стражи и, возвратив ей и ее отряду отобранное отрядом Каскина вооружение и снаряжение, предоставить ей возможность составить себе эшелон и выехать на фронт, тем более что она и отряд ее к этому стремятся.

На следующий день Никифорова была уже в Федерации таганрогских анархистов. Мы выпустили листовку за подписью совета анархистов, которая изобличала центральную украинскую

большевистскую власть и командира Каскина в фальсификации дела против Никифоровой и лицемерно подлом отношении к самой революции. Листовка эта была написана лично мною и не одобрялась некоторыми из товарищей за ее резкость против Каскина.

Затем, пока отряд Никифоровой формировался, я, Никифорова и один товарищ из таганрогской федерации устроили от имени федерации ряд больших митингов: на таганрогских кожевенном и металлургическом заводах, в центре города, в театре «Аполло» и в других районах города. Тема митингов была: «Защита революции на фронте против экспедиционных контрреволюционных, немецко-австро-венгерских армий и Украинской Центральной рады и в тылу – против реакции власти, которая сильна в тылу и беспомощна на фронте». Всюду, на афишах и на митингах, я выступал под псевдонимом «Скромный» (мой псевдоним на каторге). В этом вопросе на многих митингах нас поддерживали таганрогские левые эсеры. Мы имели колоссальный успех.

Помню, на один из митингов (на кожевенном заводе) приехали большевистские «знаменитости» Бубнов и Каскин от эсеров «центра». С каким разочарованием большевики принуждены были прекратить свои речи и кричать, топая ногами, на тысячные массы рабочих, когда массы кричали: «Довольно засыпать нас вопросами! Мы просим товарища Скромного на трибуну, он вам ответит!..»

Когда я ответил главным образом Бубнову (Каскину отвечала Никифорова), массы рабочих освистали Бубнова и Каскина, крича: «Товарищ Скромный, гоните их с трибуны».

После таганрогских митинговых выступлений Никифорова занялась подготовлением своего отряда к выступлению на фронт.

Я же занялся приготовлениями к конференции гуляйпольцев, которые поодиночке начали уже прибывать в Таганрог.

Глава III

НАША КОНФЕРЕНЦИЯ

Как только мой брат Савва Махно добрался в условленные участки красного фронта, он встретил там товарищей Алексея

Марченко, Исидора (он же Петя) Лютого, Бориса Веретельника, С. Каретника и многих других. Всех их он направил по указанному адресу в Таганрог, а сам оставался некоторое время на фронте. Когда все разысканные нами товарищи съехались в Таганрог, мы назначили день нашей конференции в Доме федерации таганрогских анархистов. Она состоялась в конце апреля 1918 года. Я открыл ее предложением всем присутствующим товарищам высказаться, какие мы сделали промахи в организации вольных батальонов и еще о том, замечал ли кто-нибудь заранее признаки того, что агенты Украинской Центральной рады и немецкого командования решатся на арест революционного комитета, членов Совета рабочих и крестьянских депутатов и членов нашей группы вообще?

Общий обмен мнениями привел нас к тем же выводам, какие я делал в разговорах с некоторыми товарищами еще в Царевоконстантиновке, а именно: не вышли революционный комитет отряда группы анархистов-коммунистов на фронт, а держи его при себе до дня выступления всех боевых частей, заговор провокатора не имел бы никакого успеха, даже если бы я отсутствовал в Гуляйполе. Еврейская рота не была бы вызвана вне очереди сменить преждевременно не окончившую своего дежурства другую роту. Да и вообще, еврейская рота, при всей ее обывательской склонности приспособляться к чему бы то ни было, никогда не решилась бы выступить против революционного комитета в пользу немцев и Украинской Центральной рады, если бы она знала, что в центре Гуляй-Поля расположены еще кроме нее другие вооруженные части. Но заговорщики убедили ее, что других частей в центре Гуляйполя нет, что она должна только начать дело, а завершать его будут немецкие полки и отряды Центральной рады, которые, дескать, кругом одержали победу и находятся уже недалеко от Гуляй-Поля.

«Еврейям-обывателям это было на руку, – говорили некоторые из моих друзей, – они ведь так падки на прославление их, да еще кем! – высшим начальством завоевателей...» Немецко-австро-венгерское командование их действительно поблагодарило, равно как и главарей этого гнусного контрреволюционного заговора.

Конечно, это правдивое освещение роли еврейской роты в заговоре было криком душевной боли тех, кто так много потрудился в борьбе против антисемитизма и кого евреи не только арестовывали,

идя рука об руку с антисемитами на это гнусное дело, но готовы были «охранять» до вступления в Гуляйполе немцев, австро-венгерцев и шовинистов – прямых погромщиков украинцев, чтобы затем выдать их на казнь палачам. Заглушить эту душевную боль товарищей было невозможно, находясь в бездействии. У многих на конференции эта боль была так сильна, что они плакали. Но никто, конечно, не помышлял о погромах, о мести евреям за это гнусное дело некоторых из них. Вообще, все те, кто называют махновцев погромщиками, лгут на них. Ибо никто, даже из самих евреев, никогда так жестоко и честно не боролся с антисемитизмом и погромщиками на Украине, как анархо-махновцы. Мои записки докажут это неопровержимыми фактами,

Видя, что душевная боль и настроение отчаяния, охватившие почти всех моих друзей, начинают все больше отодвигать на второй план дело обсуждения задач, в которых конференция наша должна была разобраться, сам начиная болеть той же болью, я употребил все свои усилия на то, чтобы преодолеть этот наплыв чувств, и снова поставил перед конференцией один, основной вопрос: возвращаемся ли мы на Украину, в свои районы, или же мы остановимся в каком-либо из городов России и вот так, как сейчас, будем собираться и хныкать о том, что было, чего уже не вернуть и не исправить?

– Возвращаемся! Возвращаемся! Все возвращаемся!.. – посыпались один за другим совершенно бодрые голоса всех тех, кто всего минуту назад сидел на стуле притаившись, как будто его нет в зале.

Затем мы поставили перед собой еще три вопроса, которые и были разрешены нами в положительном смысле. Вот эти решения.

1. Мы возвращаемся в свой район нелегально и организовываем среди крестьян и рабочих инициативные группы по 5-10 человек чисто боевого характера, чтобы через них втянуть широкое трудовое крестьянство в борьбу против немецко-австро-венгерских экспедиционных армий и Украинской Центральной рады, стараясь в каждом случае общественного возмущения против этих контрреволюционных завоевателей быть в гуще этих возмущений, придавая им более определенный и решительный характер.

2. Возвращение всех нас в свой район не может быть одновременным; однако первые же товарищи, очутившись в нем,

должны ознаменовать свое благополучное возвращение организацией беспощадного индивидуального террора против командного состава немецко-австро-венгерских армий и отрядов Украинской Центральной рады, а также организацией коллективных крестьянских нападений на всех тех помещиков, которые в дни земельного передела и отобрания у них излишнего живого и мертвого инвентаря бежали из своих усадеб, а с нашествием экспедиционных армий и подсобных им отрядов Центральной рады возвратились снова в «свои» усадьбы. В задачу крестьянских нападений на помещиков должно на первых порах входить уничтожение как самих помещиков, так и тех штабов помещицких карательных отрядов, которые (по заявлениям приезжающих оттуда крестьян) имеют в своем распоряжении особого рода отряды из регулярных немецко-австро-венгерских армий.

Целью этих контрреволюционных штабов является руководство отобранием от крестьян земли, живого и мертвого инвентаря, шомполование, порка и расстрелы непокорных.

Целью нами намечаемых организованных крестьянских нападений на помещиков, на осевшие у них штабы и отряды должно явиться: а) обезоруживание помещиков, их штабов и отрядов, б) конфискация их денежных средств, убийство тех из них, кто так или иначе причастен к шомполованию, порке и расстрелам крестьян и рабочих. Причем установлением их виновности в этих злодеяниях должен служить опрос крестьян тех сел и деревень, где эти господа устраивают свои самосуды или содействуют немецко-австро-венгерскому командованию устраивать таковые.

3. Защита революции требует вооружения и снаряжения. Эти средства трудящиеся должны добыть у своих врагов. Поэтому, возвращаясь в свой район с одной мыслью: умереть или разбить фронт контрреволюции и жить свободно во имя нового свободного общества, мы, все вместе, и каждый в отдельности, должны стремиться организовывать по селам, среди тружеников, вольные батальоны и подсобные им легкие боевые отряды для внезапных войск и отрядов рады с целью обезоружения их, а в минуты жестокого сопротивления – просто уничтожения.

Эти три простых пункта, выработанных нашей таганрогской конференцией для борьбы с теми, кто непрошено пришел на революционную территорию, насильственно осел на ней и казнит

всех, кто только осмеливается выступать за свои права на независимую и свободную жизнь, – эти три пункта окончательно и прочно связали всех нас с мыслью о возвращении в Гуляйполе.

Итак, мы возвращаемся в Гуляйполе, в его район. Возвращаемся затем, чтобы поднять восстание крестьян и вместе с ними бороться, и, если нужно, умереть в этой борьбе за социальную революцию, за расчистку необходимого для этой последней широкого пути, за возможность творческой, созидательной деятельности коммунистического анархизма.

Но как возвращаться? Группами или же одиночками?

Разрешить этот вопрос мы предоставили каждому из нас самостоятельно. Важно лишь, чтобы к концу июня или в первых числах июля мы все встретились в Гуляй-Поле или возле него. Это время полевых работ. Все крестьянство в поле: косит хлеба. Мы легко, сможем с крестьянами встречаться. Говорить, о чем нужно. Узнавать их мнения, истинное настроение. Выбирать из них более стойких и преданных делу освобождения, объединять их, группируя из них авангард для всего Гуляйполя и его района. Мы знали, что только Гуляйполе может стать центром революционной инициативы в деле поднятия повсеместного восстания крестьян. Мы знали, что, несмотря на провокаторский акт агентов немецкого командования и Центральной рады в апреле, население Гуляй-Поля и района верит в революционную инициативу гуляйпольцев. На долю гуляйпольцев ложится прямая обязанность восстать первыми и позаботиться о том, чтобы двинуть на этот путь всё трудовое население других районов, ясно определив те цели, во имя которых это население должно на него вступить.

– Выработанные конференцией положения в трех пунктах, – говорил я товарищам, – до некоторой степени уже приближают нас к определению перед трудовым населением тех целей, к которым оно может прийти только через повсеместное восстание – восстание крайнего революционного напряжения, как по своей отважности, так и по своей непримиримости. Но положения эти только приближают нас к определению этих целей. Окончательно же мы определим эти цели вместе с трудящимися на местах в процессе развертывания, сообщая с ними, нашего прямого действия против контрреволюции...

Затем товарищ Веретельник поднял вопрос о члене нашей группы Льве Шнейдере и его гнусной изменнической роли в момент гуляйпольских событий 15-16 апреля.

Веретельник осветил эту роль члена группы как предательскую и по отношению к группе, и по отношению к идее анархизма.

– Лев Шнейдер, – сказал Веретельник, – растерялся ли он в эти дни, или же его революционность незаметно для него самого подменилась обывательской психологией, – так или иначе, он был на стороне тех, где сила... Но этого мало. Лев Шнейдер стал на сторону силы и внутренне: он не только был в рядах еврейской буржуазии, встречавшей немцев и хулиганов из отрядов Украинской Центральной рады с хлебом-солью, но и первый выступил перед контрреволюционерами с речью на украинском языке – контрреволюционной речью – и первый среди гайдамашни вскочил в бюро нашей группы, первый начал рвать наши знамена, рвать и топтать портреты Бакунина, Кропоткина, Александра Семенюты, которого, по его же заявлениям, он так любил... Вместе с шовинистским хулиганьем он разгромил групповую библиотеку, и это тогда, когда даже в рядах шовинистов были люди, которые тут же подбирали нашу литературу, книги, газеты, прокламации и уносили к себе, а некоторые передавали потом нашим товарищам, что подобранная ими литература когда угодно может быть нам возвращена.

– И я, – волнуясь, заявил Веретельник, – настаиваю на том, чтобы члены нашей группы, присутствующие на конференции, высказались определенно об изменнике Шнейдере. Роль его – провокаторская роль, и я считаю, что Лев Шнейдер должен быть убит за нее.

Все, что говорил Веретельник о Шнейдере, товарищи подтвердили. Но вопрос о том, как все мы или каждый из нас в отдельности должны поступить при встрече со Шнейдером, мы оставили открытым, считая, что окончательно вопрос этот разрешится в Гуляйполе и всей группой. Сама конференция единогласно полагала, что вопрос может решиться только в смысле убийства Шнейдера.

Закончилась наша конференция предложением всем присутствовавшим на ней товарищам использовать остающиеся полтора месяца на то, чтобы ознакомиться с положением крестьян и

рабочих на Дону. Поскольку это позволяет военное положение и условия переезда через него. Решено было также посетить ряд больших городов в центре России: Москву, Петроград, Кронштадт и др. – и посерьезнее присмотреться к тому, что делают там как большевистско-левоэсеровские власти, так и сами труженики, которые хоть и много крови пролили и продолжают проливать в борьбе за новое, свободное общество, но не закладывают (нам, крестьянам-анархистам, так казалось) истинного фундамента для этого общества сами, непосредственно, своими руками, а отдают это прямое свое дело в руки новым властителям...

С этой целью мы разбились по группам. Я и Веретельник решили посетить Москву, Петроград и Кронштадт. Мой брат Савва Махно, Степан Шепель, С. Каретник решили пойти на фронт, так как думали сквозь фронт этого боевого участка пробираться в Гуляйпольский район.

Баня Степановский, П. Краковский, Коростелев, А. Марченко, Исидор Лютый, Х. Горелик, Коляда решили тоже посетить Москву, а оттуда повернуть на Орел и Курск. В последнем городе они предполагали задержаться до тех пор, пока я и Веретельник возвратимся к ним, чтобы вместе пробираться на Украину через фронты, в курско-харьковском направлении.

Разъехались мы при общем твердом желании – в конце июня, не позже первых чисел июля, встретиться в своем Гуляйпольском районе, чтобы ликвидировать засевшую в нем контрреволюцию.

Глава IV

ОТСТУПЛЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОММУН И ПОИСКИ ИХ

В то время, когда мы с Веретельником покидали Таганрог, я получил сведение, что через Таганрог проследовали эшелоны, в которых отступали члены сельскохозяйственных коммун, организованных в Гуляйпольском районе нашей группой. (В первом томе своих записок я уже писал, что был членом одной из них и выполнял в ней известные работы.) Получив эти сведения, я расстался

с Веретельником и поехал вдогонку за отступавшими коммунарами. Хотелось повидаться со своей подругой, которая, как член коммуны, вместе со всеми отступала, и вообще хотелось видеться со всеми, хотелось обменяться с ними своим мнением о дальнейшем нашем общем деле. Хотелось подбодрить их и искренне, не скрывая ничего, поделиться с ними всем тем, что я мог предвидеть на пути, намеченном нашей Таганрогской конференцией. Я был одним из первых их вдохновителей в деле организации коммунальной жизни и чувствовал на себе известную ответственность за это. Теперь я направлял все свои мысли им вслед, чтобы нагнать их, обнять, расцеловать за их смелое начинание, связавшее их на деле с одной из чистейших, прямой революционной практической задачей трудящихся.

Перед выездом из Таганрога в Ростов-на-Дону я встретился с матросом Полонским, командиром гуляйпольского вольного батальона, и его братом. Теперь наш Полонский заявил мне, что он не хочет ни идти снова в свою левоэсеровскую партию, ни оставаться в рядах анархистов, а попытается изучить большевизм. Если же и в нем не увидит той силы, которая могла бы свернуть голову вооруженной контрреволюции, то он становится на обывательский путь нейтральности, так как, дескать, жалеет свое здоровье, «без которого жить нельзя в рамках существующего».

Я изрядно посмеялся над ним и, дав ему просимые тысячу рублей из сумм революционного комитета, уехал в Ростов-на-Дону. В Ростове-на-Дону я три дня лазил по линиям железной дороги, искал своих коммунаров, но тщетно. Здесь я встретился снова с начальником красных резервных войск Юга России Беленкевичем, который снабдил Гуляйполе вооружением (см. том I моих записок). Мы без всяких обиняков откровенно поговорили об общих причинах столь быстрого отступления красногвардейских войск и, в частности, о гуляйпольских событиях 15-16 апреля.

Беленкевич был человеком особенно прямым и откровенным, и эта черта придавала ему вид подлинного солдата революции. Однако он – большевик, который не только мыслит, но и действует по программе своего центра из трех – пяти «владык». Это обстоятельство вызывало во мне протест, так как я успел уже пережить на пути солдата революции несколько таких моментов, когда необходимо действовать не по указке из центра, а так, как того требует конкретная

обстановка, лишь бы, конечно, эти действия не шли вразрез с руководящей идеей революции.

Беленкевич сообщил мне, что он лично распорядился подать отдельный эшелон нашим коммунарам, чтобы они были свободны в своем отступлении. По его словам, они проезжали здесь. «Сейчас, очевидно, направились далее, в глубь страны, но трудно определить, – сказал товарищ Беленкевич, – по Северо-Кавказской ли линии железной дороги они направились или же через Лиски и Воронеж». Пускаться вдогонку за ними в направлении на Лиски – Воронеж Беленкевич мне не советовал, так как, по его словам, на этой линии очень часто казачьи контрреволюционные отряды останавливали поезда и всех мало-мальски подозрительных из пассажиров расстреливали...

Эта предупредительная любезность Беленкевича задержала меня на несколько дней в Ростове.

Глава V

МОЯ ВСТРЕЧА С РОСТОВО-НАХИЧЕВАНСКИМИ И ПРИЕЗЖИМИ В РОСТОВ АНАРХИСТАМИ

Не знаю, чем занимались наши ростово-нахичеванские товарищи в эти тревожные для Ростова дни. До того, весь 17-й год и минувшие месяцы 18-го, эти товарищи издавали серьезную еженедельную газету «Анархист». По газете видно было, что товарищи имели идейное влияние на трудящихся города и окрестностей и вели среди них воспитательную и организационную боевую работу, пытаюсь одновременно ввести в строго организационные формы анархистское движение. Теперь же, в первые дни моего пребывания в Ростове, я не нашел этой газеты и не встретил никого из товарищей ростово-нахичеванской группы.

Зато в первый же день, как только я потерял всякую надежду разыскать членов сельскохозяйственных коммун Гуляйпольского района и остановился в Ростове с целью разыскать анархистов, я натолкнулся на вечернюю газету «Черное знамя», формата в 1/6 печатного листа, с информационными сведениями на обеих

страничках исключительно о положении фронта революции против контрреволюции, с неполными, в большинстве случаев неточными и даже ложными сведениями.

Редакция этого пресловутого анархического органа перемещалась из одного отеля в другой, и это затрудняло не только меня лично, но и многих анархистов, прибывших в Ростов из Одессы и других городов Юга Украины, желавших разыскать ее, выяснить лиц, представлявших ее.

Помню, я проходил по базару-толкучке с намерением купить исподнее белье, чтобы после трех недель переодеться. Я встретил на этом базаре товарища Григория Борзенко – серьезного товарища, работавшего в свое время в Одессе и Харькове. Лично мы друг друга до этой встречи не знали. Но при первой же встрече (нас познакомила товарищ Рива, один из членов Мариупольской группы анархо-коммунистов) первым моим вопросом к нему было: «Не знаете ли вы, товарищ Борзенко, кто издает уличную вечернюю газетку «Черное знамя»?»

Ответ товарища Борзенко был курьезный: «Говорят, что эту газетку какие-то три анархиста издают. Но мне кажется, ее издают люди, желающие пристроиться возле сильных: стало быть, наши враги».

Встретиться с издателями этой спекулянтской вечерней «анархистской» газетки мне так и не удалось. Видимо, и многим другим нашим товарищам это не удалось, хотя многие между собой говорили об этой газетке и о ее издателях; говорили, что издают ее люди, которые имеют в кармане деньги и хотят иметь их еще больше. Для меня лично после прочтения двух-трех номеров этой газетки было несомненным, что она издается людьми предприимчивыми именно в области торговли и вещами, и своей совестью; людьми, которые через фронт только проехали, а крестьян и рабочих видели, вероятно, только тогда, когда, в силу революции и роли в ней трудящихся, последних никак нельзя было обойти, ибо они всюду были впереди – и в часы побед революции, и в часы смерти за нее.

Но предпринять против этих лжеанархистов сейчас ничего нельзя было. С одной стороны, потому, что наше движение, будучи разрознено на множество групп и группок, не связанных между собой даже единством цели, не говоря уже о единстве действий в момент

революции, вмещало в свои ряды всех, кто уклонялся от ответственности момента и бежал из своих лагерей, делая под прикрытием анархического принципа «Свобода и равенство мнений есть неотъемлемое право каждого человека» от имени анархизма все, вплоть до шпионства, в пользу большевистско-левоэсеровской власти за денежное вознаграждение. А с другой стороны, еще и потому, что в это время поход против анархизма Ленина и Троцкого не был еще прекращен, и наше выступление против людей, именовавших себя анархистами, могло быть ложно истолковано, могло сыграть на руку преследовавшей нас власти.

Беда была в том, что, будучи разрозненными, не имея за собой организованных широких трудовых масс, русские анархисты растерялись и в большинстве своем вступили на путь – полумолчаливый путь – симпатии по отношению к делам большевистско-левоэсеровской власти. Все это власть учла с особым удовлетворением и с намерением извлечь из такого положения известные выгоды, так как самыми опасными оппозиционерами для нее были революционные анархисты.

Власть шаг за шагом начала допускать снова выход анархистской прессы; начала разбираться, с какими анархистами следует считаться, а с какими не следует. Отсюда заметно начинает появляться в наших рядах мысль о приспособленчестве, некрасивом, иезуитском приспособленчестве. Наиболее сведущий в области торгашеского приспособленчества элемент перестает думать об организации сил своего движения; он перебегает к большевикам, оставаясь со званием анархиста. И эту свою перебежку часто смешивает с принципом «свободы мнений», с которым он, дескать, ничуть не порывает связи, а, наоборот, стремится укрепить его в анархических рядах.

В самый тяжелый и для революции, и для анархизма момент – требующий тяжелых усилий анархического коллективного ума и энергии – анархисты, получившие образование за счет трудящихся еще до их вступления в анархические ряды, научившиеся как будто кое-что понимать, научившиеся красиво говорить и писать, потянулись целыми вереницами, по-над фронтом борющихся с оружием в руках трудящихся масс, в большевистские культурно-просветительные отделы консультантами... И создавалось впечатление, что для этого рода анархистов-революционеров жизнь анархического движения

чужда, ибо для движения нужно было слишком тяжело, и с большими опасностями на тяжелом пути, работать. А они призваны ведь не работать, а только советовать другим, как надо работать. Этим своим грубо неверным пониманием задач революционного анархизма в момент революции, когда, помимо фронтов контрреволюции, появляются и на теле самой революции язвы, ведущие к ужасам политического, а иногда и физического взаимоистребления самих носителей ее идеалов, наши товарищи, с именем и сознанием (в большинстве случаев неизвестно только чего), наносили удар за ударом не только своим единомышленникам, но и тем широким революционным трудовым массам, которые частенько в революциях бывают более чуткими, чем те, кто хотел бы им только советовать, не беря на свои плечи никакой ответственности, даже не задерживаясь на более или менее продолжительное время среди тех, которым советуют. Правда, не лучше понимали задачи революционного анархизма в революции и наши товарищи рабочие, в особенности же рабочие, которые в силу тех или других условий и обстоятельств, в большинстве своем чисто случайных, тоже возомнили, что они полны сил и знания, чтобы только советовать своим братьям по труду, не беря и не неся за свои советы никакой ответственности. Эти товарищи были еще более наглы в своем профессионализме. Но можно ли их за все это винить? Нет, нельзя. В их поведении виновата та расхлябанность, та дезорганизованность нашего движения, которая порождает в нем всевозможные отрицательные силы, губельно отражающиеся на его росте и развитии.

Моя недолгая жизнь в Ростове-на-Дону, мои встречи с анархистами, в особенности с анархистами, приехавшими в Ростов, а также ежедневный просмотр спекулянтской вечерней газетки «Черное знамя», все более притягивали мое внимание к этим развертывавшимся на моих глазах отрицательным сторонам, силой обстоятельств укрепившимся в нашем движении и разъедавшим его здоровый революционный организм. Однако, несмотря на все это и даже на то, что дом ростово-нахичеванской группы при наступлении на Ростов контрреволюции немцев и Белого Дона был окончательно разграблен отступавшими с участием, говорили нам, тех, кто называли себя анархистами и только поэтому получили в нем приют, чтобы неделями, без всякого стеснения, свободно, как приезжий, уставший,

заслуженный работник движения, валяться на его роскошной мебели, поплеывая в потолок, – несмотря на все это, я был полон веры и надежд, что впереди я встречу несравненно лучшее среди своих близких, дорогих товарищей. Вера и надежды эти во мне усилились после того, как я побывал на митинге, организованном местными ростово-нахичеванскими анархистами в Ротонде. Мысли, высказанные ими на этом собрании, показали мне, что и здесь имеются наши здоровые силы. Момент общего отступления революции приковал их к своим групповым планам подполья. И не их вина, если заслуженные приезжие работники нашего движения, в спокойное время находившие братский приют в доме анархистов, в момент тревоги и отступления не смогли отстоять этот дом, а пошли по течению грабежа и содействовали разграблению его обстановки и украшений.

С верой и надеждами на лучшее впереди, я с 30-35 товарищами из разных городов Украины в дни эвакуации революционного города Ростова-на-Дону пристроился при артиллерийской красной базе под командой симпатизировавшего анархистам товарища Пашечникова и ожидал выезда из Ростова на Тихорецкую, откуда артиллерийская база должна была пройти по Северо-Кавказской линии железной дороги, через Царицын и Балашов на Воронежский боеучасток фронта.

Все мы были зачислены как команда эшелона, и многие товарищи несли дежурства по охране его. Будучи уже при эшелоне, я еще раза три выступал перед рабочими ростовских заводов и фабрик от имени крестьянской группы анархистов с целью оттенить ту позицию, какую занимала спекулянтская вечерняя «анархистская» газетка «Черное знамя», а также осветить роль революционных анархистов по отношению и фронта против контрреволюции, и всех тех явлений, которые разрушали его. Однако момент для таких выступлений был неблагоприятный. Революционный Ростов в спешном порядке готовился к эвакуации. Командующий Ростовским округом Подтелкин переселился уже из особняка в вагон при двух паровозах на полных парах. Его примеру последовали и другие революционные учреждения. Само собой разумеется, что тревога власть имущих вызывала тревогу и среди населения, поддерживавшего революцию. Приезжее население и разные учреждения в Ростове начали первые бежать из него подальше. За ними потянулись военные и гражданские

власти Ростова и его округа, а вместе с ними и то местное население, которое активно поддерживало дело революции.

Картина отступления, одних по направлению Лиски – Воронеж, других на другую сторону реки Дона, в Батайск, где красное командование воздвигало фронт и думало держаться до последнего, – картина была поистине кошмарная. Тем более что при отступлении среди населения, и казачьего населения в особенности, которое в это время в массе стояло еще на раздорожье красной левизны и белой правизны, быстро рождались кадры воров, которые поддерживались профессиональными ворами, вообще разъезжавшими по стране, хватая то там то сям рыбку в мутной водице. Грабежи росли с необыкновенной быстротой и в чудовищном масштабе, росли под влиянием исключительно низменных страстей грабежа и мести: мести и тем, кто радовался победам контрреволюции, и тем, кто по-обывательски занимал нейтральную позицию!..

Наблюдая, поскольку это можно было, за чуждыми революции явлениями, я не один раз задавал себе вопрос: неужели с этими явлениями нельзя справиться?

И находил ответ: да, в такие минуты, как поспешное отступление авангарда революции, почти невозможно обращать свои взоры туда, где не можешь и на минуту задержаться и устыдить тех, кто пользуется неограниченным правом свободы, не неся никакой ответственности в борьбе за ее реальное воплощение в нашу практическую социально-общественную жизнь. А между тем, чтобы впитать в себя реальную свободу, эта жизнь нуждается в прямом и искреннем содействии со стороны людей, которые одни только и могут осуществить и защищать для себя и для своего общества, и через общество, такую свободу.

Вставали передо мной и другие вопросы при наблюдении за ростовскими явлениями в дни эвакуации революционного Ростова. Например: не создаются ли эти явления «официально» подпольными организациями контрреволюции? Ведь это так возможно и так выгодно в смысле компрометирования революции в глазах масс, так полезно для подкрепления контрреволюционных сил. Но... режущий глаза факт вагонов, переполненных всевозможными проходимцами, переезжавшими на сторону отступавшего населения, в тыл революционного фронта, не позволил мне сделать заключение по этому вопросу. И с болью на сердце, полным сил и боевой энергии

революционера-анархиста, я простился с Ростовом, с которым духовно был так связан (через газету «Анархист»), которая у нас, в Гуляй-Поле, читалась всегда с особым интересом и крестьянами, и рабочими...

Глава VI

В ПУТИ С ЭШЕЛОНОМ КРАСНОЙ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БАЗЫ

Вследствие загромождения железнодорожной линии отступающими мы ехали от Ростова до Тихорецкой около двух суток. Так как у нас не было запасов хлеба и других продуктов, то в Тихорецкой командир эшелона послал наших товарищей на базар купить эти продукты, рассчитывая на недавнее еще право каждого красногвардейского отряда иногда совсем не платить торговцам, а если платить, то одну треть стоимости.

Товарищи пошли, потянув и меня с собой. Накупили по списку всего с расчетом, чтобы хватило до города Царицына, в который мы рассчитывали прибыть через неделю.

Лавочники сами погрузили товар на извозчиков, но когда дошло до расчета и они увидели, что товар у них реквизируется, они резко запротестовали. Протест их опирался на шаткое, беспочвенное положение большевистско-левоэсеровской власти в этом районе. То было время, когда в этой местности оперировали сотни белогвардейских отрядов и население молчаливо стояло на их стороне. На этот протест лавочников сбежались красные власти. Они приказали Тихорецкому гарнизону оцепить эшелон артиллерийской базы и далее не пропускать до их особого распоряжения.

Когда эшелон был оцеплен верноподданническими войсками (которые, видно было, сами еще не поели своих запасов, даже не реквизированных, а просто набранных у различного рода торговцев), тихорецкие «революционные» власти вызвали от команды эшелона артиллерийской базы двух человек для выяснения вопроса о попытке реквизировать продукты первой необходимости.

Командир Пашечников упросил меня и товарища Васильева (из юзовской анархической организации) пойти на вызов тихорецких властей и объясниться с ними.

Мы пошли, а власти нас арестовали и в вежливой форме заявили, что мы подлежим расстрелу в военном порядке.

Я сперва думал, что представитель власти шутит, и ответил ему: «Хорошо, что мы попадаем под расстрел в военном порядке, а не прямо к стенке»... Но вижу, с нами не шутят. К нам приставили двух вооруженных преглупейших казаков, которые без всякого стеснения, вслух говорят между собой, что на нас хорошая одежда и жаль только, что одна из них, моя одежда, будет мала на них.

Товарищ Васильев говорит мне: «Нужно требовать сюда председателя революционного комитета. Ибо может случиться, что ему доложат, что задержали из какого-то эшелона двух грабителей, а он ответит: «Расстрелять их». Тогда никакие протесты не помогут. Нас сразу же сплавят...»

Мы тут же начали требовать председателя ревкома. Но в ответ нас обвиняли в контрреволюции. На шум и пререкания наши со стражей приезжал какой-то «революционный» чинишка, накричал на нас и на стражей. Последние, чтобы оправдаться, избили нас прикладами. Это так вывело меня из себя, что я дал пощечину одному из стражей и начал кричать во весь голос: «Давайте сюда товарища председателя революционного комитета. Я хочу знать, что это здесь за хулиганье собралось и под знаменем революции проводит свои гнусные, контрреволюционные дела...»

Крик и ругань мою услышали во всех комнатах революционного комитета, и многие представители власти выскочили к нам. Однако никто ничем нам не помог. Нам пришлось еще около часу скандалить, и скандалить так, что наши охранители в конце концов отошли от нас к двери и раскрыли ее.

Власти запротоколировали скандал. Через некоторое время нас вызвали к председателю революционного комитета. Этот владыка нас опросил и тоже грозил расстрелом, пока товарищ Васильев не заявил ему: «Вы можете расстреливать нас, но сперва скажите нам, кто вы такой? Кто избрал вас главой органа революционного единения?..»

Эти мысли товарища Васильева мною были подхвачены заявлением: «Не так давно, всего две недели, я оставил руководящий революционный пост по защите революции. Мне лично приходилось встречать многих революционеров, но я не видел у них такого хулиганства, как здесь у вас». Я объяснил ему, зачем нас вызвали в

революционный комитет, что нам объявили и как обращались с нами представители власти и их слуги казаки, которым все еще кажется, что и революция на манер самодержавия держит путь через их нагайки и приклады...

Председатель, нервничая, кусал ногти. Иногда перебивал меня. Потом с извинениями попросил у меня документы.

Я дал ему сперва мой старый документ, свидетельствовавший о том, что я – председатель Гуляйпольского районного Комитета защиты революции; затем документ, свидетельствовавший о том, что я – начальник вольных батальонов революции против контрреволюции немецко-австро-венгерского юнкерства и Украинской Центральной рады.

Владыка наш долго держал в своих руках мои документы, а затем вдруг, поднявшись со стула, сказал: «Черт подери, и на самом деле меня окружают какие-то дураки. Вы извините, товарищи, здесь какое-то недоразумение. Я все это выясню. Вы свободны и идите в свой эшелон, Я о нем имею сведения: он должен без всяких задержек двигаться по своему маршруту».

Так, перенервничав, получив по несколько ударов прикладами, переболев душой и телом за четыре с лишним часа под глупым арестом, мы освободились и приехали к своему эшелону, который все еще находился под охраной местной власти.

Пока мы рассказывали товарищам о происшедшем, охрана эшелона была снята. Эшелон выталкивали из тупика на прямую линию с целью дать ему возможность двигаться далее.

Через час мы уже ехали по линии Северо-Кавказской железной дороги. Перед нами расстилались равнины казачьих земель, частью покрытые зеленью озимых и яровых хлебов, частью же кормовыми травами, в особенности пыреем и целиной-травой с отдельными, выше ее простирающимися мелкими, но многочисленными кустиками серебристого ковыля. Плодородие этих земель, на которых когда-то осели потомки монгольских завоевателей (впоследствии, в процессе своего обособленного развития, независимого от княжеских, а затем и царских глупых режимов образовавшие казачье войско с особыми привилегиями от царей), – плодородие это, по описаниям, было известно мне и раньше. А теперь, когда я увидел эти равнины, покрытые сочными кормовыми травами, озимыми и яровыми хлебами,

обещавшими быть урожайными, я сам убеждался в этом необыкновенном плодородии, и радовалась душа, что в этих зеленых, толстых и сочных стебельках растет великая, не подлежащая цифровой оценке помощь революции. Нужно только, чтобы революционные власти поумнели и отказались от многого в своих действиях; иначе ведь население пойдет против революции; иначе население, трудовое, не найдет в завоеваниях революции полного удовлетворения и одним только своим отказом оказать революции добровольную, материальную (в смысле пищи) помощь нанесет ей удар несравненно более сильный, чем какие бы то ни было вооруженные отряды калединской, корниловской или иной контрреволюции... Но в пути мне попадались газетные сведения. И рассказывали они о том, как революционные власти там-то разгромили анархистские группы, там разогнали социалистические собрания, там подозревают крестьян в контрреволюционности и готовятся разорвать их трудовой организм на части с целью обессилить его и произвольно подчинить условиям города... Сведения эти говорили мне, что революционные власти не умнеют, а дуреют, и этому не может воспротивиться «мудрость» Ленина. Ибо и она, эта мудрость Ленина, позволившая революционной власти большевиков и левых эсеров так быстро и высоко подняться над революцией и исказить ее подлинный антигосударственный смысл, оказывается бессильной понять, что, урезывая права анархической мысли на свободу и связанную с ней творческую революционную деятельность среди крестьян, власть тем самым становится на путь контрреволюции. А на этом пути, вынужденная в дальнейшем прикрывать свое истинное существо, она уже не может сознавать свои ошибки, ведущие к гибели и революцию, и ее самое. Правда, все эти газетные сведения о дурной, по моим заключениям, деятельности революционной власти казались мне несколько сгущенными. А то обстоятельство, что действия революционных властей на местах не находили себе истинных сторонников в недрах широкой трудовой революционной массы на Украине, мне казалось, окажется хорошим уроком для центра, и я смогу еще встретить в России события, которые меня обрадуют и которым я отдам свои полные энергии революционно-боевые силы. Да, да, говорил я себе, это должно быть так... И у меня появлялась надежда, что и большевики, и левые эсеры, как революционеры, не откажутся от того,

чтобы серьезней подумать о положении революции; о тех силах разрушения и созидания, которыми она живет и благодаря которым может еще, при всем своем нынешнем уродстве, выровнять свою линию и оправдать великие надежды трудящихся...

Воодушевляясь этой мыслью, я, при стоянке в Великокняжеской станице, выступил на одном митинге казачьего населения, призывая его порвать всякие связи с прошлым, осудить акты восстания белого казачества и активно выступить на защиту революции.

– Казачество Дона, – говорил я, – должно раз и навсегда осудить свое прошлое, которое делало казаков палачами всякой свободы, всякого свободного начинания в жизни русского народа. Вместо жалких царско-помещицких привилегий, которые казачество получало за свою дикую удаль в позорной кровавой борьбе с трудовым народом, казаки должны взять в руки оружие против тех, кто награждал их до сих пор этими привилегиями, кто дурачил их, используя их боевые силы против народа и его стремления к свободе, к новому свободному обществу..

Казаки говорили: «Мы все стоим за революцию». Некоторые из толпы, однако, выкрикивали: «Мы до сих пор не пойдем, за что нам быть: за революцию или за те земли, которые революция у нас отымает, за те косяки (косяки – это табуны лошадей), которых мы растили, а у нас их забирают...» – «Это не у нас коней забирают, их забирают у нашей буржуазии», – перебивали их третьи голоса из казачьей же толпы... Долго беседовали мы потом на эту тему. Но только что беседовали, а решений никаких. Это и понятно. Казачество того периода революции в общем держалось еще крепко за идеи своего старого наказного атамана и войскового круга, которые еще верили во внутренние русские контрреволюционные силы и, в надежде на их поддержку, подняли большую часть казачества против революции под лозунгом обусловленной конституцией царской короны Романовых.

***

В дальнейшем пути по линии Северо-Кавказской железной дороги на одном из полустанков, перед станцией Котельниково, наш эшелон был задержан на несколько часов по случаю налета белогвардейского

казачьего отряда на близко от станции расположенные хутора. К эшелону собралось много казаков. Все они суетились, высказывая соображения о том, чтобы общими усилиями отбить возможное нападение этого отряда как на станцию, так и на эшелон артиллерийской базы. Наша команда вооружилась. Установили на платформах в разные стороны легкие полевые орудия, так как отступить назад от количественно незначительного кавалерийского отряда мы не думали. Тем более что само население было с нами. Оно быстро и аккуратно сообщало нам, когда и где этот отряд останавливался и в какую сторону двигался. Однако странная суетливость толпы настолько усиливалась, что у меня невольно явилась мысль: нет ли во всем этом какой-либо провокации?

Я предложил командиру артиллерийской базы двигаться вперед, высказав ему свое подозрение как по поводу чересчур уж аккуратных сообщений нам о белогвардейском казачьем отряде со стороны казачьего населения, так и по поводу того, что толпа казаков, не отходя от нашего эшелона, что-то уж больно суетливо переговаривается меж собою. Мое подозрение сводилось к тому, что это казачье население является сторонником восстания белых и попытается нас обезоружить.

Выслушав меня, командир эшелона расстроился и чистосердечно сознался, что он теряет, не знает, что делать, чтобы население, сгруппировавшееся на полустанке спереди и сбоку нашего эшелона, отошло подальше, в стороны, так как, дескать, если оно намерено нас разоружить, то оно при первом же нашем свистке отхода бросится на нас. И будет лишняя кровь, будут лишние жертвы, жертвы главным образом с нашей стороны, если первый наш огонь окажется несвоевременным и не по цели. «Помогите мне, – сказал командир. – Я буду рад. Ваша помощь подбодрит меня. Я буду решительнее». Я предложил командиру, во-первых, немедленно распорядиться, чтобы артиллеристам стать у боевых орудий (с целью пристрелки по горизонту, откуда может появиться белогвардейский отряд), а во-вторых, предупредить машинистов локомотива, а также дежурного по станции: первых о том, чтобы, раз тронувшись с места, не останавливались уже до следующей станции, а второго о том, что мы-де снимаемся с места для продвижения вперед только версты на две-три, чтобы сделать хорошую пристрелку по всем сторонам и возвратиться обратно. (Только в этом случае можно было ожидать со

стороны дежурного по станции правдивого сообщения о том, свободен ли путь.)

Командир сделал все, что я предложил ему, в мгновение ока.

Затем мы попросили казаков, толпившихся возле полустанка спереди и сбоку нашего эшелона, удалиться на время в сторону, противоположную той, куда будут лететь снаряды. И мы тронулись вперед с редкой стрельбой из пулеметов в пространстве. Когда полустанок с многочисленными возле него казаками-ротозеями (которые, быть может, и не думали о том, чтобы обезоружить нас) остался позади, наши локомотивы запыхтели сильнее и мы помчались полным ходом по направлению к станции Котельниково, убеждая друг друга в том, что если бы мы оставались на полустанке до ночи, то были бы обезоружены и наполовину, если не все, расстреляны.

Командир эшелона зазвал меня и товарища Васильева к себе в купе и с особым уважением изливал мне свои чувства благодарности за то, что я натолкнул его на решительное действие. Нельзя сказать, чтобы эта его благодарность не ласкала моих эгоистических чувств. Но я тут же с болью думал о том, как не подготовлены революционеры к практическим, разнообразным по характеру самостоятельным действиям в революции, несмотря на то что они всю свою тяжелую жизнь проводят в подготовке революции.

Прибыв на станцию Котельниково, мы узнали, что отсюда редко какой отряд пробивался далее. Все отряды по распоряжению из центра здесь задерживались и разоружались, подвергаясь тщательной проверке: из кого они состоят, каким пропитаны духом и т.д.

Отряды, которым удавалось воспротивиться разоружению здесь, далее Царицына все же не продвигались. В Царицыне они разоружались. И отряды, в которых не оказывалось «контрреволюционного», с точки зрения власти, элемента, снова вооружались и вливались в какую-либо красноармейскую часть. Отряды же, в которых обнаруживалась «контрреволюционность» (а для этого достаточно было, чтобы командир его был анархистом или беспартийным и имеющим свое суждение о делах новой власти революционером), разгонялись, а то и расстреливались, как это было, например, с Петренко и частью его отряда в Царицыне.

За неумелость и беспомощность новой социалистической власти заинтересовать широкие трудовые массы делом добровольной

вооруженной защиты революции, на которую со всех сторон двигалась вооруженная контрреволюция, тяжелее всего расплачивались отряды, которые были скомплектованы из украинского элемента. С этими отрядами большевистско-левоэсеровская власть абсолютно не церемонилась. Благодаря своей «дальнозоркости», она видела в этих отрядах то, чего в них не было. И она опасалась пропустить их на Курск и Воронеж, откуда украинские революционные рабоче-крестьянские отряды, отступавшие из Украины, думали с помощью сил русской революции прорваться обратно в центр Украины, чтобы снова при помощи уже некоторого опыта сразиться с контрреволюцией немецко-австро-венгерского юнкерства и Украинской Центральной рады. Сердце обливалось кровью, когда приходилось наблюдать за черным делом власти, совершавшимся над людьми, в которых было так много революционного духа, но к которым нужно было уметь подойти, чтобы пробудить в них этот дух и помочь ему пробиться на простор, не мешать его свободным творческим выявлению в общем деле трудящихся, в деле подлинного экономического, политического и духовного освобождения.

Здесь же, на станции Котельниково, усердные агенты центра поспешили предложить сложить оружие и артиллерийской базе. Для нас, анархистов, ехавших с этой базой, это было особо показательным примером того, как глупы бывают лакеи со звездами на лбу и орденами Красного Знамени на груди. Они даже не подумали запросить, что из себя представляет наш эшелон, чей он и куда направляется, а просто прислали человека заявить командиру эшелона сложить оружие.

Слушая заявление сложить оружие (в противном случае, дескать, силой разоружат), командир эшелона, зная свои обязанности, имея при себе распоряжение красного командования вовремя быть в Воронеже, с ума сходил и в отчаянии готов был возвращаться назад, по направлению Тихорецкой.

Мы, анархисты, пришли ему на помощь. Мы убедили его в произвольном, преступном действии агентов центра по отношению к революции. И на этом основании мы все предложили ему открыть оружейный и пулеметный огонь по станции, разрушить ее и расстрелять власти, которые так подло действуют во вред делу защиты революции.

Когда команда эшелона заняла свои места у орудий и пулеметов и властям был предъявлен ультиматум – очистить эшелону путь дальнейшего продвижения или оказаться под нашим огнем, то гнусные контрреволюционные (хотя и со звездами на лбу) заправила по разоружению разбежались. Путь для дальнейшего нашего продвижения вперед по направлению к Царицыну был свободен. И мы, оставив станцию Котельниково «неприкосновенной», двинулись далее.

В пути командир эшелона очень беспокоился, что прибег к таким крайним мерам на станции Котельниково (по отношению, по-моему, контрреволюционных властей). Но другого выхода не было. Это он сознавал. И это сознание подготовляло его стать пред судом власти – если придется – с достоинством революционного солдата, призванного, как он выражался, сознательно служить делу революции.

***

На пути от Котельниково до Сарепты (станция, расположенная в 24 верстах от Царицына) я тоже начал хандрить. В голове стали появляться какие-то несуразные мысли о том, что революции суждено погибнуть по вине самих революционеров; что на пути ее развития стоит палач из рядов революционеров, имя которому – правительство: правительство двух революционных партий, которые, при всех своих потугах, подчас колоссальных и достойных уважения, не могут вместить в рамки своих партийных доктрин ширь и глубину жизни трудящихся. В связи с ростом и развитием революции, думалось мне, трудящиеся все яснее и определеннее проявляют свой интерес к ней, свой интерес к тому, чтобы найти в ней тот простор, ту свободу, которая позволила бы им реорганизовать свою жизнь на совершенно новых началах, независимо от тех или других правителей, не живущих их жизнью и, следовательно, беспомощных понимать ее, давать ей то или другое направление... Сперва я думал, что эти мысли о положении революции и о вытекающих из него последствиях – случайные мысли, порожденные контрреволюционными явлениями, с которыми я встретился на своем пути с эшелонами артиллерийской базы. Но скоро я убедился, что мысли эти не случайны. Контрреволюция жила всюду, где только могла: жила она и в массах, жила она и в тех, кто сидел в

центре и приказами заставлял революцию на местах вращать свое историческое колесо. Я ее видел ясно. И от этого мои надежды встретить впереди лучшее начали расстраиваться и уползать. И больно, и тяжело становилось на сердце. Иногда я делался зол на всех и вся, притом на себя в первую очередь, за все те промахи в деле организации вольных батальонов против осп контрреволюции на Украине, которые теперь еще более были мне чувствительны...

Но вот мы на станции Сарепта. Вокруг нее большие лесные пристани, лесопильные заводы. Здесь тысячи рабочих. Я загораюсь страстью побывать на их митингах и в пылу этой страсти забываю все, о чем только что болел сердцем.

А когда командир эшелона сообщил мне, что станция получила распоряжение из Царицына, в силу которого путь на Царицын закрыт для всяких воинских эшелонов и что мы задержимся здесь, видимо, на несколько дней, я совсем подпал под влияние внутренней, бессознательной, но сильной страсти побывать среди рабочих на их митингах, услышать, что они думают о революции, о ненормальных явлениях в рядах ее носителей и защитников и т.д. и т.п.

Наши товарищи разбрелись всюду по поселкам... Они узнали, где и когда рабочие собираются. И на другой день (это был день отдыха) мы, несколько человек, выступили на митинге сарептских лесопильщиков-рабочих. Здесь мы выяснили, что рабочие тесно связаны с делом революции; что они все стоят за Советы, в которых первое место и руководящая роль должны принадлежать им, рабочим; что всякие партийные представители могут участвовать в этих Советах в том лишь случае, когда рабочие сознательно считают себя родственно связанными с их идеями...

Мы узнали от рабочих на этом митинге, что они известный процент своих товарищей уже проводили на фронт вооруженной борьбы против Белого Дона (так называлось казачье контрреволюционное движение).

— Одного мы никак не можем понять, — говорили нам на этом митинге рабочие, — мы здесь все стремимся к организации своих сил для развития и защиты революции и тех идей, которые двигают революцию. А в Москве и в других больших городах нет такого единства. У нас и большевики, и левые эсеры, и анархисты организовано стоят за то, чтобы разбить контрреволюционное

движение казаков. Даже по инициативе анархистов мы начали практиковать выделение известной части наших сил на фронт, против этого дикого казачьего движения, с таким расчетом, чтобы и заводы не стояли. А там, в Москве и других городах Центральной России, анархистские организации разгоняются, непокорные расстреливаются...

И тут же один из рабочих берет старый номер уже потертой большевистской газеты и просит одного из моих друзей прочесть вслух статью о разгроме анархистов на Малой Дмитровке (в Москве).

– Чем объяснить все эти действия нашей советской власти? – кричали голоса из толпы.

Надо представить себе наше сознание, что мы стояли перед революционными рабочими, среди которых было немало большевиков, эсеров и анархистов, безымянных борцов за свои идеалы, борцов, умевших в минуты дискуссионной страсти ненавидеть друг друга, кричать друг на друга, топтать ногами и махать чуть не под носом руками, но умевших в то же время и понимать друг друга, признавать за каждым право на свободную проповедь «своего», выступать, бороться за «свое»...

Они, эти безыменные, вышедшие из трудовой семьи революционные борцы, понимали значение для революции проповедоваемых ими идей лучше, чем воцарившиеся за счет их труда и усилий верхи, заседавшие в Кремле... Они, эти безыменные борцы, с большим достоинством, чем их верхи, оценивали роль своих идей в революции. Поэтому они признавали равное право за каждым революционером проповедовать свои идеи. Они ценили жизнь этих людей... И поэтому их революционное чувство не могло не тревожиться за гнусные действия своих верхов в центре. Их совесть была неспокойна, ибо она была чиста по отношению к революции, порожденной и двигавшейся так или иначе всеми революционными идеями. А анархическая идея в этом смысле занимала чуть ли не первое место. Сознательные рабочие-революционеры не могли этого не сознавать. И поэтому, когда они услышали о гнусных деяниях своих вождей против анархистов, они болели за это их постыдное хамство.

С особой резкостью против разгрома анархистских организаций в Москве и преследования всюду активных анархистов (как о том сообщала большевистская печать) выступили товарищи Васильев и

Тар. Рабочие большевики и левые эсеры с болью в сердце сознавали право за анархистами на такие выпады против зарвавшихся их любимцев – Ленина и Троцкого. Мне же, отступившему из Украины, мне, которому приходилось в таких трудных условиях работать во имя торжества революции, которую теперь оседлали государственники и пытались задушить, мне было еще больнее, так как я предвидел последствия разгрома анархистских организаций: я предвидел, что теперь всякий неустойчивый и недоброкачественный элемент начнет перебегать из анархических рядов на сторону сильных, отрекаясь трижды от анархизма, и под диктовку сильных будет топтать и грязнить анархизм. Это вызовет еще большую дезорганизованность. Лучшие работники анархизма очутятся в ВЧК и за смелое утверждение высшей социальной справедливости и индивидуальной неприкосновенности человека умрут с великими мучениями по застенкам ВЧК.

Глава X

САРАТОВ. АНАРХИСТЫ ПРИЕЗЖИЕ И САРАТОВСКИЕ. МОЕ БЕГСТВО С РЯДОМ ТОВАРИЩЕЙ

Только по прибытии в город Саратов я определенно узнал, что Украинская Социалистическая Центральная рада, приведшая шестисоттысячную немецко-австро-венгерскую контрреволюционную армию под верховным руководством барона фон Эйхгорна на Украину, 29 апреля 1918 года была низвергнута украинской и русской буржуазией при прямом содействии этих ее же союзников в борьбе против революции.

По газетным сведениям (правда, уже старым для момента) я узнал, что как раз в то время, когда эта пресловутая рада была низвергнута, она заседала, принимая проекты земельной реформы, утверждавшей право (для кулаков и помещиков, нужно понимать) собственности на землю не свыше 30-40 десятин, и что с 29 апреля Центральной рады вообще не существует на Украине. Теперь там «выборный царь» – гетман Павло Скоропадский.

Все эти сведения лишней раз подчеркивали правильность моей позиции по отношению Центральной рады и ее политики. Но во всем совершившемся на Украине в пользу гетманщины виноваты были, по моему, и большевики, и левые социалисты-революционеры. Первые – своей политикой Брестского договора с немецкой контрреволюцией. Вторые – тем, что не разорвали сразу же своего блока с правительством Ленина, не выступили из ВЦИК Советов и не повели борьбы против оккупации Украины немецкой контрреволюцией вместе с массами непосредственно на местах. Это был момент, когда украинские революционные трудовые массы шли на всякие жертвы во имя недопущения на свои земли, в свои села и города немецких и австро-венгерских контрреволюционных армий, а также разведывательных отрядов, шпииков и провокаторов Центральной рады, которые указывали этим армиям сокращенные и верные пути передвижения, доносили и помогали пороть шомполами, вешать на телеграфных столбах, загонять в тюрьмы, а затем расстреливать по ночам непокорных и революционных украинских крестьян и рабочих.

Перечитывая все, какие мне попадались, газеты и видя из них, что свершилось на Украине, я обвинял в происшедшем все политические партии: в первую очередь украинские, а затем и кремлевские, т.е. большевиков и левых социалистов-революционеров. Принимая все прошедшее близко к сердцу, как, вероятно, каждый революционер, понимавший, что революция совершается не для привилегий партии, а для экономического равенства и социальной и духовной независимости трудящихся от их поработителей-капиталистов и их слуги, государства, роль которого выражается в организации грабежа и насилия меньшинства над большинством, я остро почувствовал в себе смесь гнева и жалости по отношению к революционерам всех направлений и за все. Затем я сейчас же взялся за письма своим друзьям-коммунарам, оставшимся в хуторе Ольшанское. В них я сообщал подробности низвержения Украинской Центральной рады и восстановления на ее место гетмана, окруженного и поддерживаемого украинской и российской контрреволюционной нечистью, с одной стороны, и немецко-австро-венгерским юнкерством – с другой.

«Палач воссел на трон украинского самодержца, – писал я коммунарам, – и ставит своей задачей закончить недоконченную Центральной радой казнь над революцией на Украине. Время самое

тяжелое для революции. Я спешу на Украину. Вы же, друзья, поспешите оставить своих жен и детей, идите сейчас же добровольцами в отряды 10-й Красной Армии. При ликвидации контрреволюции вы извне, мы, подпольщики, изнутри встретимся и братски отпразднуем торжество подлинной народной украинской революции...»

Когда я оторвался от просмотра по газетам событий на Украине, я разыскал Саратовский дом коммуны. Это дом-ночлежка для всех приезжих революционеров. В этой ночлежке я встретил анархистов из Екатеринослава: Льва Озерского и Тарасюка.

Первому из них было простительно валяться в ночлежных домах коммуны. Он из революционера-анархиста превратился в короткое время, чуть ли даже не за время отступления, в крайнего пацифиста, осуждавшего всякое насилие даже при обороне себя от нападающего.

Второй же оставался революционером анархо-синдикалистом. Над ним я подтрунил, и дошло чуть не до скандала. Правда, я не оправдываю себя целиком. Но мне казалось странным в дни жестокой схватки революции с контрреволюцией валяться в постели ночлежки до 16 часов в день, пусть даже и во время гонения на нас со стороны оподлевших в то время Ленина и Троцкого с большевистскими и левоэсеровскими чекистами. Я в своем миропонимании мыслил революционера действующим в гуще народа. Видеть товарищей валяющимися по неделям в ночлежных домах доставляло мне много боли. И я страдал, хотя и отдавал себе отчет, что не одиночки повинны в создавшемся положении. Не сами по себе одиночки повинны в том, что они, словно испуганные вороны, мечутся с места на место зачастую без всякого дела, просто потому, что-де «в таком-то городе что-то нашими делается, поеду туда»... И едет такой одиночка иногда недели и месяцы, палец о палец не ударяет и даже на месте не думает ударять во имя дела нашего движения... Нет! Не сам этот одиночка повинен в том. Виноваты форма и внутреннее содержание наших анархических организаций. Организации эти нездоровы в своем существе. Они сами приемлют и развивают неправильное понимание цели не только всего нашего движения в целом, но даже своей маленькой организации. «Нет, от подобного рода формы и внутреннего содержания анархической организации надо бежать, – убеждал я себя. – Момент требует идеологического и в особенности тактического

объединения анархических сил, ибо только тактическое единство поможет нам творчески выявить среди заинтересованных в успехе революции трудовых массах практические начала анархизма, от которых, в свою очередь, почти полностью зависит рост, развитие и защита революции в том ее понимании, какое приемлемо для ее прямых творцов; а таковыми всегда являются сами трудовые массы в своих непосредственных действиях у себя на местах».

Тут же, в эти дни, я встретился с членами нашей гуляйпольской крестьянской группы анархо-коммунистов: Павлом Сокрутой, Владимиром Антоновым и Петровским. Они искали этот Дом коммуны, надеясь в нем узнать что-либо о том, что они хотели знать.

Я рассказал им о том, что мы устраивали конференцию в Таганроге и к чему на ней пришли. Все они приняли целиком постановление конференции и решили возвратиться как можно скорее на Украину, поближе к Гуляй-Полю, вера в революционный дух населения которого во всех них жила, как и во мне.

Вместе с этими своими друзьями и товарищами по группе, а также с рядом других съехавшихся в Саратов анархистов при участии наших саратовских товарищей мы устроили в Саратове конференцию, пытаясь, во-первых, поддержать общими усилиями саратовскую, анархическую газету «Голос анархии», которая была в это время накануне своей смерти; во-вторых, мы хотели определить более точно свое отношение к позорным актам Ленина и Троцкого, а через них и всей Советской власти на местах по отношению к нашему движению вообще и, в-третьих, мы надеялись использовать газету «Голос анархии» для коллективного призыва ко всем анархистам, отступившим под натиском контрреволюции из Украины в Россию: призыва установить единство тактики в своих анархических действиях и поспешить возвратиться на Украину, где повсеместно, общими силами, начать организацию свежих сил для организованной борьбы за революцию, за выявление в ней более конкретно ее практической цели.

В этих видах мы все, приезжие анархисты, пожелали выслушать доклад от саратовских анархистов: каково положение анархистов и их работы в Саратове и не будет ли с их стороны помехи нам в намечаемом деле?

Доклад об этом мы заслушали из уст Макса Альтенберга (он же Авенариус). В своем выступлении докладчик сперва объяснил нам, что

газета «Голос анархии» вряд ли будет выходить дальше из-за отсутствия денег. На это и со своими товарищами по группе ответил тем, что дали редакции денег на один номер.

Далее докладчик объяснил нам положение анархической работы среди рабочих в городе и среди крестьян по селам. Оно было печальным. Работа саратовских анархистов в городе и по селам, облегающим его, была очень слабой и для момента неудовлетворительной, так как она выражалась в освещении теории анархизма, и только; практические же стороны его в момент революции, когда с анархическим движением революционные власти считались, а трудовые массы к нему прислушивались, в него верили и надеялись, что из-под боевых знамен анархизма начнется их организация и в деле потребления, и в деле производства, и в деле защиты тех насущных свободнических творческих начал, без которых формулировать, развивать и разрешать эти три основные задачи нового социально-общественного строительства невыносимо, — эти стороны почти не затрагивались. А если и затрагивались, то, благодаря неподготовленности к ним анархистов, последние не могли ни сами как следует воодушевиться ими, ни воодушевить ими трудящихся, кровно заинтересованных в торжестве свободы над произволом, равенства над бесправием и в переходе к ним, труженикам, завещанного им историей общественного капитала: земли, фабрик, заводов, железных дорог и т.д. и т.д.

Докладчик Макс Альтенберг бессильно был удовлетворить съехавшихся в Саратов анархистов как своим пониманием момента революции, так и своим освещением роли нашего движения в ней. Не мог он удовлетворить их и своей осведомленностью о том, в каком направлении и как город Саратов соприкасается с фронтом контрреволюции. В этом вопросе докладчик старался затушевать и скрыть от аудитории свою неосведомленность. Не раз повторял он, что он очень близок с «Саратовским Смольным» (революционный краевой комитет), и бесцеремонно лгал нам, что, дескать, город Саратов накануне эвакуации. К нему-де со стороны городов Балашову и Калача продвигаются чехословаки...»

Список литературы

Семанов С.Н. Махно. Судьба атамана. М., 2004. Семанов С.Н. Нестор Махно. Вожак анархистов. М., 2005.

Махно Н.И. Русская революция на Украине (от марта 1917 до апреля 1918). Кн. I, Париж, 1929.

Махно Н.И. Под ударами контрреволюции (апрель – июнь 1918). Т. II, Париж, 1936.

Махно Н.И. Воспоминания, материалы и документы. Киев, 1991.

Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. М.-Л., 1933.

Аршинов П. История махновского движения (1918– 1921). Берлин, 1923.

Бешанов В.В. Кадры решают все. М. – Минск, 2006.

Волкогонюв Д.А. Троцкий. М., 1998.

Герасименко Н.В. Батько Махно: мемуары белогвардейца. М.-Л., 1928.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Берлин, 1926.

Егоров А.И. Разгром Деникина, 1919. М., 1931.

Кубанин М. Махновщина. Л., 1927.

Руднев В.В. Махновщина. Харьков, 1928.

Слащев Я. Крым в 1920 г. М.-Л., 1923.

Эйдеман Р. Очаги атаманины и бандитизма. Харьков, 1921.

Яковлев Я. Русский анархизм в великой русской революции. Петроград, 1921.